B109—
190

Смерть немецким оккупантам!

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ СТАЛИНГРАДСКОГО ФРОНТА

В109 790

Богомс, Н. Алешина, Ольга.

СТАЛИНГРАД ПОБЕДИЛ

О БОЯХ, О ЛЮДЯХ

К XXV-летию
Красной Армии

ГОСУДАРСТВ. ЛУБЛИНСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

~~779840~~ V
369975 V

Военное Издательство
Народного Комиссариата Обороны
1943

ШТАБ ДОНСКОГО ФРОНТА, 2.II.43 г. 18.30

Москва, Верховному Главнокомандующему вооруженными силами Союза ССР
товарищу СТАЛИНУ

БОЕВОЕ ДОНЕСЕНИЕ № 0079/ОП

Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2.II.43 г. ЗАКОНЧИЛИ РАЗГРОМ И УНИЧТОЖЕНИЕ ОКРУЖЕННОЙ СТАЛИНГРАДСКОЙ ГРУППИРОВКИ ПРОТИВНИКА.

Полностью уничтожены и частично пленены: 11 армейский корпус, 8 армейский корпус, 14 танковый корпус, 51 армейский корпус, 4 армейский корпус, 48 танковый корпус в составе 22 дивизий: 44, 71, 76, 79, 94, 100 легкой, 113, 376, 295, 297, 305, 371, 384, 389 пехотных дивизий; 3, 29 и 60 моторизованных дивизий; 14, 16 и 24 танковых немецких дивизий; 1 кавалерийской и 20 пехотной румынских дивизий.

Кроме того, уничтожены части усиления:

а) 42, 44, 46, 59, 61, 65, 72 артиллерийские полки РГК; 1/97 АП, 43, 639, 733, 856, 855, 861 артдивизионы РГК; 243 дивизион штурмовых орудий; 2 и 51 минометные полки РГК 6-ти ствольных минометов; 9, 12, 25, 30, 37, 91 зенитные дивизионы разных полков, отдельные части которых действуют на других фронтах.

б) 45, 71, 294, 336, 652, 672, 685, 501 отдельные саперные батальоны и 1 отдельный саперный батальон без номера.

в) 21, 40, 540, 539 отдельные строительные батальоны.

г) 6 полк связи и, предположительно, 594 полк связи.

д) 7 и 28 дивизионы артиллерийской инструментальной разведки (АИР).

е) много мостовых колонн и других обслуживающих частей.

Захвачено свыше 91.000 пленных, из них более 2.500 офицеров и 24 генерала, из которых: генерал-фельдмаршал—1, генерал-полковников—2, остальные генерал-лейтенанты и генерал-майоры.

В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника, боевые действия в городе СТАЛИНГРАДЕ и в районе СТАЛИНГРАДА—прекратились.

Подсчет трофеев продолжается.

Представитель Ставки
Верховного Главнокомандования
маршал артиллерии ВОРОНОВ

Член Военного Совета
Донского фронта
генерал-майор ТЕЛЕГИН.

Командующий войсками
Донского фронта
генерал-полковник РОКОССОВСКИЙ,

Начальник штаба
Донского фронта
генерал лейтенант МАЛИНИН.

ПРИКАЗ

ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПО ВОЙСКАМ ДОНСКОГО ФРОНТА

Донской фронт.

Представителю Ставки Верховного Главнокомандования маршалу артиллерии тов. **ВОРОНОВУ.**

Командующему войсками Донского фронта генерал-полковнику тов. **РОКОССОВСКОМУ.**

Поздравляю Вас и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окруженных под Сталинградом вражеских войск.

Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за отличные боевые действия.

Верховный Главнокомандующий
И. СТАЛИН.

Москва, Кремль. 2 февраля 1943 года.

НАШИ ВОЙСКА ПОЛНОСТЬЮ ЗАКОНЧИЛИ ЛИКВИДАЦИЮ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВОЙСК, ОКРУЖЕННЫХ В РАЙОНЕ СТАЛИНГРАДА

Сегодня, 2 февраля, войска Донского фронта полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда. Наши войска сломили сопротивление противника, окруженного севернее Сталинграда, и вынудили его сложить оружие. Раздавлен последний очаг сопротивления противника в районе Сталинграда. 2 февраля 1943 года историческое сражение под Сталинградом закончилось полной победой наших войск.

За последние два дня количество пленных увеличилось на 45.000,а всего за время боев с 10 января по 2 февраля наши войска взяли в плен 91.000 немецких солдат и офицеров.

2 февраля нашими войсками взят в плен командир 11 армейского корпуса, командующий группой немецких войск, окруженных севернее Сталинграда, генерал - полковник Штреккер и его начальник штаба полковник генштаба Гельмут Росскурт.

Кроме того, 1 и 2 февраля взяты в плен следующие генералы немецкой армии: 1) командир 8 армейского корпуса генерал-полковник Вальтер Гейтц, 2) командир 76 пехотной дивизии генерал-лейтенант фон Роденбург, 3) командир 113 пехотной дивизии генерал-лейтенант фон Зикст Армин, 4) командир 24 танковой дивизии генерал-лейтенант фон Ленски, 5) командир 389 пехотной дивизии генерал-майор Мартин Лятман, 6) командующий группой немецких войск, окруженной западнее центральной части Сталинграда, генерал-майор Раске, 7) генерал-майор Магнос.

Взяты также в плен личный адъютант генерал-фельдмаршала Паулюса полковник Адам, командир 14 танковой дивизии полковник Людвиг, командир 227 пехотного полка 100 пехотной дивизии полковник Франц Найбеккер, командир 2 минометного полка полковник Фридрих Найер, командир 29 артиллерийского полка 29 мотодивизии полковник Гюнтер Краг, начальник штаба 8 армейского корпуса полковник Шнитцер, начальник артиллерии 1 кавалерийской дивизии румын полковник Мальтополь, командир 13 саперного полка 8 армейского корпуса полковник Шилленг, начальник штаба 76 пехотного полка полковник

Белогулат, командир 48 отдельного полка связи полковник Каренецкий, командир 51 артиллерийского полка 376 пехотной дивизии полковник Шварц, командир 134 пехотного полка 44 пехотной дивизии полковник Бойе, командир 376 артиллерийского полка полковник Фур, командир 576 пехотного полка 376 пехотной дивизии полковник Шитезенф, командир 37 артиллерийского полка полковник Вольт, командир 134 артиллерийского полка 44 пехотной дивизии полковник Босартур, командир 536 пехотного полка 376 пехотной дивизии полковник Шлезингер, командир 627 артиллерийского полка полковник Беренек, командир 767 пехотного полка полковник Штейдле, начальник штаба 14 танковой дивизии полковник фон Вольт, начальник штаба 76 пехотной дивизии полковник Бридгульт, командир 54 пехотного полка полковник Лебер, полковник врач Кайзер, командир 523 пехотного полка 297 пехотной дивизии полковник Ганс Либау и многие другие.

Всего нашими войсками в боях под Сталинградом взято в плен 24 генерала и более 2.500 офицеров.

За время генерального наступления против окруженных войск противника, с 10 января по 2 февраля, по неполным данным, наши войска взяли следующие трофеи: самолетов—750, танков—1.550, орудий—6.700, минометов—1.462, пулеметов—8.135, винтовок—90.000, автомашин—61.102, мотоциклов—7.369, тягачей, тракторов, транспортеров—480, радиостанций—320, бронепоездов—3, паровозов—56, вагонов—1.125, складов с боеприпасами и вооружением 235 и большое количество другого военного имущества. Подсчет трофеев продолжается.

Таков исход одного из самых крупных сражений в истории войн.

СОВИНФОРМБЮРО.

СТАЛИНГРАДСКАЯ ЭПОПЕЯ

В боевом донесении №0079/ОП, опубликованном вчера в нашей печати, командование Донского фронта рапортует Верховному Главнокомандующему вооруженными силами Союза ССР товарищу Сталину: „Выполняя Ваш приказ, войска Донского фронта в 16.00 2. II. 43 г. **закончили разгром и уничтожение окруженной сталинградской группировки противника**". Сражение под Сталинградом, одно из самых крупных сражений в истории войн, завершилось, таким образом, полной победой Красной Армии. Блестящий триумф советского оружия достойно увенчал легендарную сталинградскую эпопею.

Свыше пяти месяцев в районе Сталинграда кипела гигантская битва. Невиданная по своим масштабам и ожесточению, она была беспримерна и по всему ходу своего развития. Начав эту битву тяжелыми оборонительными боями, когда судьба волжской цитадели, казалось, висела на волоске, наши войска завершили ее абсолютным торжеством над противником.

Борьба за Сталинград была одним из самых тяжелых испытаний, какие выпали на долю Красной Армии в ходе боев с немецко-фашистскими захватчиками. Летом прошлого года, когда враг прорвался в приволжские степи, за ним был большой перевес в силах. Немцы предполагали уже 25 июля овладеть Сталинградом с тем, чтобы отсюда двинуться в обход Москвы с востока и, ударив по Москве с тыла, выиграть войну. Однако стойкость и мужество воинов Красной Армии опрокинули все расчеты врага. Несмотря на бешеные усилия немцев, не считавшихся ни с какими потерями, бросавших на штурм сотни самолетов, танков, десятки дивизий, Сталинград устоял.

Оборона Сталинграда нашими войсками останется в веках сверкающим образцом самоотверженной, мужественной, героической борьбы. День и ночь в течение долгих месяцев немецкие самолеты заливали свинцом наши позиции, день и ночь, не умолкая, гремели вражеские орудия, покрывая огнем каждый метр сталинградской земли. На плечи защитников города, вступивших в единоборство с многократно превосходящими силами противника, пало такое неисчислимое количество невзгод и трудностей, какому еще не было равных. Но наши воины стояли непоколебимо. Они сказали себе: „Назад нет пути!" — и, стиснув зубы, забыв обо всем, кроме своего долга перед родиной, до последней капли крови бились за каждый клочок земли, каждый уголок сталинградских улиц. В грохоте разрывов и зареве пожарищ, среди рушащихся зданий защитники

Сталинграда отбивали один за другим все неисчислимые валы вражеских атак.

Но наши войска не только отстояли Сталинград, не только выдержали вражеский натиск такой силы, какой еще не знала нынешняя война,—остановив немцев, Красная Армия сумела затем решительно повернуть колесо событий, вырвала инициативу из рук врага, перешла от обороны к наступлению. Если оборона Сталинграда войдет в историю, как символ величия человеческого духа, ярчайшее воплощение воинской доблести и беззаветного геройства, то наступление наших войск в районе Сталинграда останется в веках блистательным образцом военного искусства, пламенного и мощного наступательного порыва. Нет более полного торжества для полководца, для армии, чем окружение и разгром противника. Достижение такой победы, тем более в сложных условиях современного боя, возможно только на самой высокой ступени развития военного мастерства, только силами первоклассных войск. Красная Армия завоевала такую победу. Блестяще осуществив сталинский стратегический план, наши войска на подступах Сталинграда полностью окружили и разгромили войска противника. Гений нашего Верховного Главнокомандующего, организаторские способности и сила мысли наших военачальников, доблесть бойцов позволили советским войскам превзойти классические Канны.

За первые шесть недель нашего наступления в районе Сталинграда части Красной Армии разгромили в целом 36 дивизий противника и окружили крупную группировку немецко-фашистских войск. В ходе генерального наступления Донского фронта эта группировка была наголову разбита.

Ликвидация немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда,—это великое торжество нашего правого и справедливого дела. Ни один из гитлеровцев, ворвавшихся с огнем и мечом в приволжские степи, не ушел отсюда. Лишь одно число пленных, захваченных нашими войсками с 10 января по 2 февраля, превышает 91 тысячу человек.

Разгром немецко-фашистских войск в районе Сталинграда—это один из самых мощных ударов, какие когда-либо были нанесены по германской армии, одно из самых тяжких поражений, какие знала Германия за всю свою военную историю.

Товарищ Сталин, поздравляя маршала артиллерии тов. Воронова, генерал-полковника тов. Рокоссовского и войска Донского фронта с успешным завершением ликвидации окруженных под Сталинградом вражеских войск, пишет в своем приказе: **„Объявляю благодарность всем бойцам, командирам и политработникам Донского фронта за**

отличные боевые действия". В этих словах нашего вождя и полководца выражены мысли и чувства всех воинов Красной Армии, всех советских людей. Родина горячо поздравляет своих доблестных воинов с блистательной победой над ненавистным врагом. Имена героев наступательных боев, как и имена прославленных героев обороны Сталинграда, навеки сохранятся в благодарной памяти поколений, овеянные легендарной славой.

Фронт отодвинулся далеко от Сталинграда, приволжские степи очищены от немецко-фашистских захватчиков. Но расплата с врагом за все его чудовищные злодеяния только начинается. Гитлеровские варвары изуродовали волжскую жемчужину. Они разрушили чудесные дома, театры, школы, больницы, созданные всенародным самоотверженным трудом. Под Сталинградом, как и всюду, куда ворвались немцы, каждый их шаг вперед нес новые муки и страдания советским людям, новые разрушения. Священные камни Сталинграда взывают к мести. Неугасимая ненависть к врагу горит в сердцах наших воинов. Торжествуя победу, они с новой силой клянутся беспощадно уничтожать захватчиков.

Сталинградская эпопея завершена. „В связи с полной ликвидацией окруженных войск противника,—говорится в боевом донесении командования фронтом,—боевые действия в городе **Сталинграде** и в районе **Сталинграда**—прекратились". Но на других участках фронта борьба продолжается. Сегодня Советское Информбюро сообщает о новых успехах частей Красной Армии. На пути к окончательной победе нам предстоит еще много жестоких боев, и гордое имя Сталинграда, как знамя, будет реять в этих боях, воодушевляя наших воинов на новые подвиги доблести и геройства.

Борьба за Сталинград — это прообраз всей нашей борьбы за родину. Так же, как и во время сталинградской эпопеи, мы начали освободительную отечественную войну с тяжелых оборонительных боев, — и так же, как и под Сталинградом, мы завершим борьбу полным разгромом врага, блистательным торжеством нашего, советского оружия. В боях за родину, так же, как и в битве за Сталинград, путь к победе у нас один—самоотверженная, стойкая и умелая борьба с врагом, мощное и стремительное наступление на врага с целью уничтожения его живой силы, захвата его техники, освобождения нашей земли от немецко-фашистских захватчиков.

(Из передовой газеты „Красная звезда" за 4 февраля 1943 г.).

... Там, где в огне металл умирал,
Он проходил живой.

I. Сталинградцы не отступают

Дорогой Иосиф Виссарионович!

... Мы клянемся Вам, что до последней капли крови, до последнего дыхания, до последнего удара сердца будем отстаивать Сталинград и не допустим врага к Волге.

Перед лицом наших отцов — поседевших героев Царицынской обороны, перед полками товарищей других фронтов, перед всей советской страной, мы клянемся, что не посрамим русского оружия, будем биться до последней возможности.

Под Вашим руководством отцы наши победили в Царицынской битве, под Вашим руководством победим мы и теперь в великой битве под Сталинградом.

Из письма бойцов, командиров и политработников Сталинградского фронта.

Вас. ГРОССМАН

★

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Ночью сибирские полки дивизии полковника Гуртьева заняли оборону. Всегда суров и строг вид завода, но можно ли найти в мире картину суровее той, что увидели люди дивизии в октябрьское утро 1942 года. Темные громады цехов, поблескивающие влагой рельсы, уже кое-где тронутые следами окиси, нагромождение разбитых товарных вагонов, горы стальных стволов, в беспорядке валяющихся по обширному, как площадь, заводскому двору, холмы красного шлака, уголь, могучие заводские трубы, во многих местах пробитые немецкими снарядами. На асфальтированной площадке темнели ямы, вырытые авиационными бомбами, всюду валялись стальные осколки, изорванные силой взрыва, словно тонкие лоскуты ситца.

Дивизии предстояло стать перед этим заводом. За спиной была холодная, темная Волга. Два полка обороняли завод. Третий полк оборонял район глубокой балки, шедшей через заводские поселки к Волге. „Лог смерти" называли ее бойцы и командиры полка. Да, за спиной была ледяная, темная Волга, за спиной была судьба России. Дивизии предстояло стоять насмерть.

То, что в мировую войну 1914—18гг. распределялось на два фронта, что в прошлом году давило на одну лишь Россию по фронту в 3.000 километров, нынешним летом и нынешней осенью тяжким молотом обрушилось только на Сталинград и Кавказ. Но мало того, здесь, в Сталинграде, немцы вновь заострили свое наступательное давление. Они стабилизировали свои усилия в южных и центральных частях города. Всю огневую тяжесть бесчисленных минометных батарей, тысячи орудий и воздушных корпусов обрушили на северную часть города, на стоящий в центре промышленного района завод. Немцы полагали, что человеческая природа не в состоянии выдержать такого напряжения, что нет на земле таких сердец, таких нервов, которые не порвались бы в диком аду огня, визжащего металла, сотрясаемой земли и обезумевшего воздуха. Здесь был собран весь дьявольский арсенал германского милитаризма—сверхтяжелые и огнеметные танки, шестиствольные

минометы, армады пикирующих бомбардировщиков с воющими сиренами, осколочными, фугасными бомбами. Здесь автоматчиков снабдили разрывными пулями, артиллеристов и минометчиков—термитными снарядами. Здесь была собрана германская артиллерия от малых калибров противотанковых полуавтоматов до тяжелых дальнобойных пушек. Здесь днем и ночью было светло от пожаров и ракет, здесь днем и ночью было темно от дыма горящих зданий и дымовых шашек германских маскировщиков. Здесь грохот был плотен, как земля, а короткие минуты тишины казались страшнее и зловещей грохота битвы, и если мир склоняет головы перед героизмом русских армий, если русские армии с восхищением говорят о защитниках Сталинграда, то уже здесь, в самом Сталинграде, бойцы с почтительным уважением произносят:

— Ну, так что мы! Вот люди заводы держат—это да!

Грозные эти слова для военного человека: „Направление главного удара". Нет слов страшнее на войне, и, конечно, не случайно, что в хмурое осеннее утро заняла оборону у завода именно сибирская дивизия полковника Гуртьева. Сибиряки—народ коренастый, строгий, привыкший к холоду и лишениям, молчаливый, любящий порядок и дисциплину, резкий на слово. Сибиряки—народ надежный, кряжистый. В суровом молчании били они кирками каменистую землю, рубили амбразуры в стенах цехов, устраивали блиндажи, окопы, ходы сообщения.

Полковник Гуртьев, сухощавый 50-летний человек, в 1914 году ушел со второго курса Петербургского политехнического института добровольцем на русско-германскую войну. Он был тогда артиллеристом, воевал с немцами под Варшавой, под Барановичами, Черторийском. 28 лет своей жизни посвятил полковник военному делу, воевал и учил командиров. Два сына его лейтенантами ушли на войну. В далеком Омске остались жена и дочь-студентка. И в этот торжественный и грозный день полковник вспомнил и сыновей—лейтенантов, и дочь, и жену, и много десятков воспитанных им молодых командиров, и всю свою долгую, полную труда, спартански скромную, жизнь. Да, пришел час, когда все принципы военной науки, морали, долга, которые он с суровым постоянством преподавал сыновьям своим, ученикам, сослуживцам, должны были получить проверку. С волнением поглядывал полковник на лица солдат-сибиряков—омичей, новосибирцев, красноярцев, барнаульцев, тех, с кем судила ему судьба отражать удары врага.

Сибиряки придвинулись к великому рубежу обороны хорошо подготовленными. Дивизия прошла большую школу, прежде чем выступить на фронт. Тщательно и умно,

беспощадно придирчиво учил бойцов полковник Гуртьев. Он знал, что, сколь ни тяжелы военная учеба, ночные учебные штурмы, утюжение танками сидящих в щелях бойцов, долгие марши,—все же во много крат тяжелее и суровее сама война. Он верил в стойкость и силу сибирских полков. Он проверил ее в дороге, когда за весь долгий путь было лишь одно чрезвычайное происшествие: боец уронил на ходу поезда винтовку, соскочил, поднял ее и три километра бежал до станции, чтобы догнать идущий к фронту эшелон. Он проверил стойкость полков в сталинградской степи, где впервые необстрелянные люди спокойно отразили внезапную атаку тридцати немецких танков. Он проверил выносливость сибиряков во время последнего марша к Сталинграду, когда люди за двое суток покрыли расстояние в 200 километров. И все же с волнением поглядывал полковник на лица бойцов, вышедших на главный рубеж, на направление главного удара.

Гуртьев верил в своих командиров. Молодой, не знающий устали начальник штаба полковник Тарасов мог дни и ночи сидеть в сотрясаемом взрывами блиндаже над картами, планировать сложный бой. Его прямота и беспощадность суждений, его привычка смотреть жизни прямо в глаза и искать военную правду, как бы горька она ни была, зиждились на железной вере. В этом небольшом сухощавом молодом человеке, с лицом, речью и руками крестьянина, жила неукротимая сила мысли и духа. Заместитель командира дивизии по политической части Спирин обладал крепкой волей, острой мыслью, аскетической скромностью; он умел оставаться спокойным, веселым и улыбаться там, где забывал об улыбке самый спокойный и жизнерадостный человек. Командиры полков Маркелов, Михалев и Чамов были гордостью полковника, он верил им, как самому себе. О спокойной храбрости Чамова, о несгибаемой воле Маркелова, о замечательных душевных качествах Михалева, любимца полка, по-отечески заботливом к подчиненным, мягком и „симпатичнейшем человеке“, не знающем, что такое страх, все в дивизии говорили с любовью и восхищением. И все же с волнением глядел на лица своих командиров полковник Гуртьев, ибо он знал, что такое направление главного удара, что значит удержать великий рубеж сталинградской обороны.

„Выдержат ли, выстоят ли?“—думал полковник. Едва дивизия успела закопаться в каменистую почву Сталинграда, едва управление дивизии ушло в глубокую штольню, выдолбленную в песчаной скале над Волгой, едва протянулась проволочная связь и застучали радиопередатчики, связывающие командные пункты с занявшей в Заволжье огневые позиции артиллерией, едва мрак ночи сменился рассветом, как

немцы открыли огонь. Восемь часов подряд пикировали „Юнкерсы-87“ на оборону дивизии, восемь часов без единой минуты перерыва шли волна за волной немецкие самолеты, восемь часов выли сирены, свистели бомбы, сотрясалась земля, рушились остатки кирпичных зданий, восемь часов в воздухе стояли клубы дыма и пыли, смертно выли осколки. Тот, кто слышал вопль воздуха, раскаленного авиационной бомбой, тот, кто пережил напряжение стремительного десятиминутного налета немецкой авиации, тот поймет, что такое восемь часов интенсивной воздушной бомбежки пикирующих бомбардировщиков.

Восемь часов сибиряки били всем своим оружием по немецким самолетам, и, вероятно, чувство, похожее на отчаяние, овладевало немцами, когда эта горящая, окутанная черной пылью и дымом заводская земля упрямо трещала винтовочными залпами, рокотала пулеметными очередями, короткими ударами противотанковых ружей и мерной стрельбой зениток. Немцы ввели в действие тяжелые полковые минометы и артиллерию. Нудное шипение мин и вой снарядов присоединились к свисту сирен и грохоту рвущихся авиационных бомб. Так продолжалось до ночи. В печальном и строгом молчании хоронили красноармейцы своих погибших товарищей. Это был первый день—новоселье. Всю ночь не умолкали немецкие артиллерийские и минометные батареи.

Этой ночью на командном пункте полковник Гуртьев встретил двух своих старых друзей, которых не видел больше 20 лет. Люди, расставшиеся молодыми, неженатыми, встречались уже седыми, морщинистыми. Двое из них командовали дивизиями, третий —танковой бригадой. Они обнялись, и все вокруг—начальники их штабов и адъютанты, и майоры из оперативного отдела—увидели слезы на глазах седых людей. „Какая судьба, какая судьба!“—говорили они. И в самом деле: что-то величественное и трогательное было во встрече друзей юности в грозный час, среди пылавших заводских корпусов и развалин Сталинграда. Видно, правильной дорогой шли они, если встретились вновь при выполнении высокого и тяжелого долга.

Всю ночь грохотала немецкая артиллерия, и едва взошло солнце над вспаханной немецким железом землей, появилось 40 пикировщиков, и снова завыли сирены, и снова черное облако пыли и дыма поднялось над заводом, закрыло землю, цехи, разбитые вагоны, и даже высокие заводские трубы потонули в черном тумане. В это утро полк Маркелова не остался в земле. Предупреждая решительный удар немцев, он вышел из укрытий, убежищ, окопов, он покинул бетонные и каменные норы и перешел в наступление. Батальоны шли вперед через горы шлака,

через развалины домов, мимо гранитного здания заводской конторы, через рельсовые пути, через садик городского предместья. Они шли, и над головами людей был весь ад немецкой воздушной армии. Железный ветер бил в лицо, а они все шли вперед, и, наверно, чувство суеверного страха охватило противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?

Да, они были смертны. Полк Маркелова прошел километр, занял новые позиции, закрепился на них. Только здесь знают, что такое километр. Это—тысяча метров, это—сто тысяч сантиметров. Ночью немцы атаковали полк во много раз превосходящими силами. Шли батальоны немецкой пехоты, шли тяжелые танки, пулеметы заливали позиции полка железом. Пьяные автоматчики лезли с упорством лунатиков. Повесть о том, как сражался полк Маркелова, расскажут мертвые тела бойцов, расскажут друзья, слышавшие, как в ночь и на следующий день и снова в ночь рокотали русские пулеметы, раздавались взрывы русских гранат. Повесть об этом бое расскажут развороченные и сожженные немецкие танки и длинные вереницы крестов с немецкими касками, выстроившиеся повзводно, поротно, побатальонно. Да, они были простыми смертными и мало кто уцелел из них, но они сделали свое дело!

На третий день немецкие самолеты висели над дивизией уже не восемь, а двенадцать часов. Они оставались в воздухе после заката солнца, и из высокой тьмы ночного неба возникли воющие голоса сирен „Юнкерсов", и, как тяжелые и частые удары молота, обрушивались на полыхавшую дымным красным пламенем землю фугасные бомбы. С утренней зари до вечерней били по дивизии немецкие пушки и минометы. Сто артиллерийских полков работали на немцев в районе Сталинграда. Иногда они устраивали огневые налеты, по ночам они вели изматывающий методический огонь. Вместе с ними работали минометные батареи. По нескольку раз в день вдруг замолкали немецкие пушки, минометы, вдруг исчезала давящая сила пикировщиков. Наступала необычайная тишина. Тогда наблюдатели кричали: „Внимание!"—и боевое охранение бралось за бутылки горючей жидкости, бронебойщики раскрывали брезентовые сумки патронов, автоматчики обтирали ладонью свои ППШ, гранатометчики поближе подвигали ящики гранат. Эта короткая минутная тишина не означала отдыха. Она предшествовала немецкой атаке. Вскоре лязг сотен гусениц, низкое гудение моторов оповещали о движении танков, и лейтенант кричал:

— Товарищи, внимание! Слева просачиваются автоматчики.

Иногда немцы подходили на расстояние 30—40 метров, и сибиряки видели их грязные лица, порванные шинели, слышали выкрики коверканных русских слов, угрозы, а после того, как немцы откатывались, на дивизию с новой яростью обрушивались пикировщики и огневые валы артиллерии и минометов.

В отражении немецких атак великая заслуга принадлежит нашей артиллерии. Командир одного артиллерийского полка Фугенфиров, командиры дивизионов и батарей находились вместе с батальонами, ротами дивизии на передовой. Радио связывало их с огневыми позициями, и десятки мощных дальнобойных орудий на левом берегу жили одним дыханием, одной тревогой, одной бедой и одной радостью с пехотой. Артиллерия делала десятки замечательных вещей. Она прикрывала пехотные позиции, она карежила, как картон, сверхтяжелые немецкие танки, с которыми не могли справиться бронебойщики. Она, словно меч, отсекала автоматчиков, лепившихся к броне танков. Она взрывала склады и поднимала на воздух немецкие минометные батареи. Нигде за время войны пехота так не чувствовала дружбу и великую мощь артиллерии, как в Сталинграде.

В течение месяца немцы произвели 117 атак на полки сибирской дивизии. Был один страшный день, когда немецкие танки, пехота 23 раза шли в атаку. И эти 23 атаки были отбиты. В течение месяца каждый день, за исключением трех, немецкая авиация висла над дивизией 10—12 часов. Все это происходит на фронте длиной около полутора—двух километров. Этим грохотом можно было оглушить человечество, этим огнем и металлом можно было сжечь и уничтожить государство. Немцы полагали, что сломают моральную силу сибирских полков. Они думали, что перекрыли предел сопротивления человеческих сердец и нервов. Но удивительное дело: люди не согнулись, не сошли с ума, не потеряли власть над своими сердцами и нервами, а стали сильней и спокойней. Молчаливый, кряжистый сибирский народ стал еще суровей, еще молчаливей, ввалились у красноармейцев щеки, мрачно смотрели глаза. Здесь, на направлении главного удара германских сил, не слышно было в короткие минуты отдыха ни песни, ни гармоники, ни веселого легкого слова. Здесь люди выдерживали сверхчеловеческое напряжение. Бывали периоды, когда они не спали по трое—четверо суток кряду, и командир дивизии—седой полковник Гуртьев, разговаривая с красноармейцами, с болью услышал слова бойца, тихо сказавшего ему:

— Есть у нас все, товарищ полковник, и хлеб—девятьсот граммов, и горячую пищу непременно два раза в день приносят в термосах, да не кушается.

Гуртьев любил и уважал своих людей, и знал он, когда солдату „не кушается", то уж крепко, по-настоящему, тяжело ему. Но теперь Гуртьев был спокоен. Он понял: нет на свете силы, которая могла бы сдвинуть с места сибирские полки. Великим и жестоким опытом обогатились красноармейцы и командиры за время боев. Еще прочней и совершенней стала оборона. Перед заводскими цехами выросли целые переплетения саперных сооружений—блиндажи, ходы сообщения, стрелковые ячейки. Инженерная оборона была вынесена далеко вперед, перед цехами. Люди научились быстро и слаженно производить подземные маневры, сосредоточиваться, рассыпаться, переходить из цеха в окопы ходами сообщения и обратно, в зависимости от того, куда обрушивала свои удары авиация противника, в зависимости от того, откуда появлялись танки и пехота атакующих немцев.

Вместе с опытом росла внутренняя закалка людей. Дивизия превратилась в совершенный, на диво слаженный единый организм. Люди дивизии сами не могли ощутить тех психологических изменений, которые произошли в них за месяц пребывания в аду, на переднем крае обороны великого сталинградского рубежа. Им казалось, что они те же, какими были всегда,—они в редкую свободную минуту мылись в подземных банях, им так же доставляли горячую пищу в термосах, и заросшие бородами Макаревич и Карнаухов, похожие на мирных сельских почтарей, приносили под огнем на передовую в своих кожаных сумках газеты и письма из далеких омских, тюменских, тобольских, красноярских деревень. Они, как и прежде, вспоминали о своих плотницких, кузнечных, крестьянских делах. Они насмешливо звали шестиствольный немецкий миномет „дурилой", а пикирующих бомбардировщиков с сиренами—„скрипунами" и „музыкантами". Им казалось, что они все те же, и только вновь приезжавшие с лугового берега с почтительным изумлением смотрели на них. Только глаза со стороны могли ценить всю железную силу сибиряков, их равнодушие к смерти, их спокойную волю до конца вынести тяжкий жребий людей, занявших смертную оборону.

Героизм стал бытом, героизм стал стилем дивизии и ее людей, героизм сделался будничной, каждодневной привычкой. Героизм всюду и во всем. Он проявлялся не только в подвигах бойцов. Героизм был в работе поваров, чистивших под сжигающим огнем термитных снарядов картошку. Великий героизм был в работе девушек-санитарок, тобольских школьниц—Тони Егоровой, Зои Калгановой, Веры Каляды, Нади Кастериной, Лели Новиковой и многих их подруг, перевязывавших и поивших водой раненых

в разгаре боя. Да, если посмотреть глазами со стороны, то героизм был в каждом будничном движении людей дивизии. И в том, как командир взвода связи Хамицкий, мирно сидя на пригорке перед блиндажом, читал „беллетристику" в то время, как десяток немецких пикировщиков с ревом бодал землю, и в том, как офицер связи Батраков, аккуратно протирая очки, вкладывал в полевую сумку донесения и отправлялся в двадцатикилометровый путь по „логу смерти" с таким будничным спокойствием, словно речь шла о привычной воскресной прогулке, и в том, как автоматчик Колосов, засыпанный в блиндаже разрывом по самую шею землей и обломками досок, повернул к заместителю командира Спирину лицо и рассмеялся, и в том, как машинистка штаба, краснощекая толстуха-сибирячка Клава Копылова, начала печатать в блиндаже боевой приказ и была засыпана, откопана, перешла печатать во второй блиндаж, снова была засыпана, снова откопана и все же допечатала приказ в третьем блиндаже и принесла его командиру дивизии на подпись. Вот такие люди стояли на направлении главного удара.

К концу второй декады немцы предприняли решительный штурм завода. Такой подготовки к атаке не знал мир. 80 часов подряд работали авиация, тяжелые минометы и артиллерия. Три дня и три ночи превратились в хаос дыма, огня и грохота. Затем все вдруг стихло, и в атаку пошли тяжелые и средние танки, пьяные орды автоматчиков, пехотные немецкие полки. Немцам удалось ворваться в завод, их танки ревели у стен цехов, они рассекали нашу оборону, отрезали командные пункты дивизии и полков от переднего края обороны. Казалось, что лишенная управления дивизия потеряет способность к сопротивлению, что командные пункты, попавшие под непосредственный удар противника, будут уничтожены.

Но произошла поразительная вещь: каждая траншея, каждый блиндаж, каждая стрелковая ячейка и укрепленные руины домов превратились в крепости со своими управлениями, со своей связью. Сержанты и рядовые красноармейцы стали командирами, умело и мудро отражавшими атаки. И в этот горький и тяжелый час командиры, штабные работники превратили командные пункты в укрепления и сами, как рядовые, отражали атаки врага. 10 атак отбил Чамов. Огромный рыжий командир танка, оборонявший командный пункт Чамова, расстреляв все снаряды и патроны, соскочил на землю и стал камнями бить подошедших автоматчиков. Командир полка сам стрелял из миномета. Любимец дивизии командир полка Михалев погиб от прямого попадания бомбы в командный пункт. „Убило нашего отца",—говорили красноармейцы. Сменив-

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ший Михалева майор Кушнарев перенес свой командный пункт в бетонированную трубу, проходящую под заводскими цехами. Несколько часов вели бой у входа в эту трубу Кушнарев, его начальник штаба Дятленко и шесть командиров. У них было несколько ящиков гранат, и этими гранатами они отбили все атаки немецких автоматчиков.

Этот невиданный по ожесточенности бой длился, не затихая, несколько суток. Он шел уже не за отдельные дома и цехи, он шел за каждую отдельную ступеньку лестницы, за угол в тесном коридоре, за отдельный станок, за пролет между станками, за трубу газопровода. Ни один человек дивизии не отступил в этом бою. И если немцы занимали какое-либо пространство, то это значило, что там уже не было живых красноармейцев. Все дрались так, как рыжий великан-танкист, фамилии которого так и не узнал Чамов, как сапер Косиченко, выдергивавший чеку из гранаты зубами, так как у него была перебита левая рука. Погибшие словно передали силу оставшимся в живых, и бывали такие минуты, когда 10 активных штыков успешно держали оборону, занимаемую батальоном. Много раз переходили заводские цехи от сибиряков к немцам, и снова сибиряки захватывали их. В этом бою немцы довели свои атаки до максимального напряжения. Это был самый высокий потенциал их удара на главном направлении. Словно подняв непомерную тяжесть, они надорвали какие-то внутренние пружины, приводившие в действие их пробивной таран. Кривая немецкого напора начала падать. Сибиряки выдержали это сверхчеловеческое напряжение.

Невольно думаешь о том, как выковывалось это великое упорство. Тут сказались и народный характер, и сознание великой ответственности, и угрюмое кряжистое сибирское упорство, и отличная военная и политическая подготовка, и суровая дисциплина. Но мне хочется сказать еще об одной черте, сыгравшей немалую роль в этой великой и трагической эпопее,—об удивительной целомудренной морали, о крепкой любви, связывавшей всех людей сибирской дивизии. Дух спартанской скромности свойственен всему командному составу дивизии. Он сказывается и в бытовых мелочах, и в отказе от положенных приказом ста граммов водки на все время сталинградских боев, и в разумной нешумливой деловитости. Любовь, связывающую людей дивизии, я увидел в той скорби, с которой говорят о погибших товарищах. Я услышал ее в словах красноармейца из полка Михалева, ответившего на вопрос: „Как живется вам?"

— Эх, как живется,—остались мы без отца.

Я увидел ее в трогательной встрече седого полковника Гуртьева с вернувшейся после второго ранения батальон-

ной санитаркой Зоей Калгановой. „Здравствуйте, дорогая девочка моя!“—тихо сказал Гуртьев и быстро с протянутыми руками пошел навстречу худой, стриженой девушке. Так лишь отец может встречать свою родную дочь. Эта любовь и вера друг в друга творили чудеса.

... Дивизия сибиряков не сошла со своего рубежа, она ни разу не оглянулась назад, она знала: за спиной ее была Волга, судьба страны.

Майор В. ВЕЛИЧКО

СЫН ОТЕЧЕСТВА

Чужбина.

Столица далекой, большой державы была потрясена. Продавцы газет кричали на всех языках Европы и Азии о несчастьи, охватившем мир:

— Германия!.. Россия!.. Война!

Василий Чуйков—гость в иноземной столице—был один, лицом к лицу с тяжелой вестью. Там далеко его мать-Родина одна грудью встречала врага. Сын и мать были в этот час в разлуке.

— Мое место—там,—сказал Василий Чуйков.

Он снял со стены саблю и поцеловал ее.

Подтянутый и строгий сорокалетний советский генерал держал в руках русское оружие—оружие своей земли и клялся его честью.

I.

Легкий аэроплан медленно плыл над широкой донской степью, и открывалась картина, полная тоски и горя: по всем дорогам, по степи ползли орды чужеземцев. Как металлические черви, немцы покрывали русскую землю, устремляясь к Сталинграду, к Волге.

Фронт был необычайно широк.

Плыл по степи дым сражений, высоко к небу поднимались гигантские смерчи от взборожденной танками сухой земли.

„У—2“ дерзко шел вдоль фронта. Пассажир, что сидел за спиной пилота, делал отметки на карте. Это был генерал-лейтенант Чуйков. Командарм уточнял положение на фронте.

...Штаб 62 армии был на высоте 102,0.

Отсюда открывался весь город, вся Волга—весь этот гигантский узел, превратившийся в поле брани. Командарм

подолгу смотрел на город. Он ходил по его улицам, бывал в домах и подвалах. Он приказывал драться с врагом и вскрывать камень, день и ночь рыть утрамбованную городскую землю.

Солдаты 62 армии превращали город в щит, который бы закрыл путь врагу.

Армия была еще молода, как юноша. Не было на ее теле шрамов старых битв, и ее ратный дух еще не опалил огонь по-настоящему. И юность армии началась с огня. Армия, охваченная пламенем первых сражений, уходила в твердыню, в камень города, как живой бетон.

II.

Дрались люто.

Сталинград походил на вулкан. Из его кратера вырывались едкий дым и нескончаемый грохот. Черный пепел сыпался вокруг на предместья. Ночами не гасло над городом зарево. Командарм возвращался из полков похудевший, сгорбленный. Склонялся над картой и говорил себе вслух:

— Нет, ум мой должен быть холоден, голова—светла и ничем не затуманена. — И он твердил одно слово: — Маневр... Маневр.

В его блиндаже собирался Военный Совет: приходили сюда ближайшие помощники командарма.

Здесь рождались сталинградские маневры.

Немцы имели несравненное численное превосходство в силах. Их клещи впивались, с кровью всаживались в оборону 62 армии. И однажды, казалось, что раскрошится армия, что нет такого военного организма, кости, жилы, ткани которого выдержали бы давление столь численно превосходящего противника.

Военный Совет обсуждал создавшееся положение.

Командарм указал на отмеченный на карте рубеж и тяжело выдохнул:

— Здесь должна стать гвардия!

Этот план выглядел губительным: узость маневра, Волга, огонь противника. И в этих условиях передвижение целого войска!.. Командарм уже отсчитывал танки из своего резерва.

— Только так!

Маневром руководил он сам... Его вестовой—молодой белокурый сибиряк Борис Скорняков ждал в ту ночь до рассвета. Это была уже пятая ночь без сна. Командарма не было. Но вот он появился со своими двумя адъютантами.

— Кушать...—попросил командарм, проходя в свой тесный отсек. Борис побежал на кухню; вернулся молнией и... чуть не заплакал: командарм лежал на полу и спал, положив кулак под голову.

На рассвете немцы бросились в решительную атаку, но их встретила гвардия, словно дружина сказочных богатырей, вызванная чародейской силой. Контрудар гвардии был неожиданный и столь же жестокий.

Немцы откатились.

В организме армии выработалась идущая от плоти и крови способность молниеносного маневра. Командир ли роты или более крупный командир, не показавшие искусства маневра, отстранялись самой жизнью.

Да, 62 армия—была юной армией. Но она была сколком от народа. Ее юность проходила в познании врага в условиях столь невероятного численного перевеса на его стороне. И 62 армия начала войну с ним не числом, а умением. Она создавала университет городских боев. Ее студенты—бойцы сидели в траншеях и дзотах—там были их аудитории. Ненависть к врагу была их книгой.

В те дни снайпер Василий Зайцев передал товарищу Сталину свои знаменитые слова:

— За Волгой для нас земли нет!

III.

Противник лязгал броней у подбородка армии, но ему не удавалось прыгнуть ей на плечи.

Местами обе стороны разделялись 20—25 метрами. Шли гранатные бои. Бойцы полюбили гранату „Ф-1“ и назвали ее „Феней“. Командир взвода сержант Козлин требовал полностью обеспечить „суточную дачу на бойца 200 „Фенек“.

Граната и предельная близость противника вызвали к жизни грозную силу сталинградских городских боев—штурмовые группы.

Как львы, бросались штурмовые группы на противника, засевшего в домах и развалинах. И тогда все увидели, что нет предела ожесточению. Город был уже разбит немецкой авиацией и сожжен. Танки врага уже не могли подходить к переднему краю армии—так все было исковеркано, изрыто. Из-под груд кирпичей виднелись башни или гусеницы немецких машин, поставленных на-попа. Под этим слоем был засыпан еще один слой похороненных немецких орд и их брони. 27 вражеских дивизий перемолола 62 армия. А контратаки ее штурмовых групп становились все дерзновеннее.

2.500 самолетовылетов совершили немцы над передним краем 62 армии. Колыхались и рушились от сотрясения дзоты, обваливались блиндажи командных пунктов. Люди в ходах сообщения падали, словно во время корабельной качки. Целиком гибли командные пункты батальонов и полков. А в воздухе злобно выли бомбардировщики—„музыканты“, выли десятки тысяч бомб, падающих на армию.

Казалось, сместилась Волга и ее берега. От страшной вибрации воздуха лопались пустые стаканы, выбыли из строя все радиостанции.

И вдруг вспыхнула Волга и вместо воды потекло пламя: горящий бензин и нефть из района бензобаков хлынули на командный пункт армии.

Штаб армии залился кровью. Но войска чувствовали управление, бой шел. Раненые не покидали окопов, если могли хотя бы немного двигаться. Иссеченных, изорванных, обожженных людей выносили санитары на берег Волги. И многие из них умирали здесь и гибли от бомб.

Василий Чуйков проходил мимо эвакопункта. Командарм был весь черный от дыма и земли. Взлохмаченные, отросшие волосы выбивались из-под фуражки. Но глаза командарма светились ровным огнем. Раненые узнали своего генерала Упорство.

— Товарищ командующий,—позвал один из них,—умираю... Прикажите, чтобы не отправляли меня на ту сторону—за Волгой для меня земли нету.

... День угасал.

Уходила с ним и юность армии. Сталинградцы проникли в будущее и уже ничто не могло отобрать от них силу и сломить волю. Армия не отошла ни на шаг!

Утром 15 октября командарм приказал разыскать на левом берегу Волги одного командира, бежавшего с поля боя, доставить его на правый берег и здесь расстрелять.

В тот же день он приказал вынести командный пункт армии ближе к противнику, вперед за линию командных пунктов полков и батальонов. С удивлением и восторгом узнали об этом бойцы.

Юность армии кончилась.

Пришла зрелость.

IV.

У немцев не было воды. Перед их глазами была величайшая из рек, но они не могли даже напиться. Они очумели. Худой, испеченный жаждой фриц бросился сквозь огонь к Волге. Его пропустили. Он бежал и вопил:

— Воды!.. Воды!..

И вот он уже у Волги, кинулся к воде. Но какой-то боец рванул его за шиворот и отбросил прочь. И отовсюду послышались крики:

— Нету ему, суке, воды!

Немец говорил по-русски:

— Нам котелек... один котелек. У вас целый река... О, колоссаль-река!.. Один котелек...

— Ни одной капли!—строго приказал командир взвода.

— Отпустить этого фрица. А ты, фриц, пойди и скажи всем своим фрицам—из Волги вам не пить.

Битва продолжалась.

Негорбящийся город продолжал творить свою немеркнущую историю. Как знамена блистательной славы, он давал миру все новые имена своих героев.

Командарм сердцем чувствовал свои войска. Чувствовал он и противника—близкого, все еще превосходящего числом. Бой. И перед командармом колебалась чаша весов. Он проникал в тайну боя—в познание того критического момента, когда видно, как обе чаши весов уже предельно тяжелы, но когда на одну из них достаточно положить лишь небольшую долю и другая взлетает вверх.

И вот настал час, когда чаша весов противника прыгнула вверх раз и навсегда. Сокрушительный удар во фланг опрокинул немцев под Сталинградом.

Перешла в наступление и 62 армия.

Вокруг немцев замкнулось кольцо смерти.

И под ударами 62 армии стали падать одна за другой твердыни врага в городе. Освобождалась от огня немцев Волга. Она начала удаляться от их хищного взора, как сон. Они начали жрать соленые кожи, что захватили в складах города еще летом.

... 20 декабря командующий войсками 62 армии генерал-лейтенант Василий Иванович Чуйков впервые перешел Волгу. Он перешел ее по льду и долго оттуда, с левого берега, смотрел на город. Как величественна в своих разрушениях была эта твердыня!

* * *

Мир узнал о 62 армии, юной и одной из лучших армий советского народа.

В Сталинград устремились потоки приветствий со всех концов света. И вот газеты принесли весть о величайшей награде—похвале Сталина. Командарм был взволнован. Глаза его повлажнели.

Василий Чуйков—сын Отечества—вспомнил свою клятву, вспомнил слова, которые сказал, когда его посылали в Сталинград:

— Умру, но Сталинград не отдам.

... И теперь он думал вслух:

— Что же я могу сказать еще? Армия написала свою историю на груди города Сталина. Прочтут ее люди по извилинам траншей и ходов сообщения, по окопам и дзотам; увидят ее лицо сквозь провалы в домах и в огневых точках под домами, услышат ее голос в глухих и темных галереях подземно-минных атак. Армия сказала о себе сама. Но она сказала еще не все.

Б. ПОЛЕВОЙ

★

ДОМ 21/А *

Просторная улица с большими домами, с газонами, с молодыми, еще не закурчавившимися топольками, такая спокойная и мирная, если бы не разрытые снарядами мостовые и тротуары, если бы не баррикады и не два сожженных немецких танка, прижавшихся к разбитому каменному забору. Это—передовая линия.

Красивый четырехэтажный дом с лепными украшениями на фронтоне, с широким разбегом лестницы, с простором чистых и светлых квартир, такой благоустроенный, если бы не угол, снесенный авиабомбой, не зияющие просветы пустых окон, не двери, выбитые силой разрывов,—за этот дом девятый день идет борьба. Его и сейчас удерживает горсточка храбрецов под командованием младшего лейтенанта Цветкова.

А дом наискось—это позиция немцев. Оттуда время от времени строчат автоматчики. Пули их, взвизгнув у подоконника, скалывают штукатурку стен, и она сыплется на пол.

Эта комната еще совсем недавно служила, очевидно, кабинетом инженера: письменный стол, книжные полки, классики рядом с технической энциклопедией и словарем Хютте, большой снимок тракторного завода в рамке с куском выбитого стекла, клеенчатый диван.

Эту комнату с двумя массивными стенами и одним маленьким окном, выходящим во двор, и избрал младший лейтенант Цветков, под свой, как он шутя говорит, „КП". Он хриповатым, сорванным голосом не без увлечения рассказывает историю обороны этого дома № 21/А на одной из окраинных улиц Сталинграда.

В середине сентября немцы, собрав на окраине города мощный кулак, после долгой бомбежки с воздуха, с помощью танков овладели этой улицей. Они сразу же начали на ней закрепляться. Лейтенант подводит меня к окну и, приказав смотреть осторожно из-за косяка, показывает жилки глубоких извилистых окопов, пересекающих двор, дзот, сооруженный посередине двора и замаскированный поленницей дров. Солидное укрепление. Но продержались тут немцы недолго. Сильным и внезапным ударом с фланга их выбила отсюда одна наша гвардейская часть, за ночь очистившая и эту, и примыкавшие к ней улицы. После боя во дворе дома 21/А, в окопах, и особенно в подвале-котельной, гвардейцы нашли много немецких трупов.

Страшное зрелище увидели гвардейцы на пороге квартиры № 3 на 2-м этаже. В открытой двери, наполовину высунувшись на лестничную площадку, лежала старая седая женщина, прикрыв собой труп полуторагодовалого ребенка. Женщина была ранена в грудь навылет тремя пулями. Перед смертью она успела назвать себя: Анна Капустина, пенсионерка, мать цехового плановика с тракторного завода.

Она рассказала бойцам страшную повесть. Вместе с внучком Игорем и младшей дочкой, 15-летней Верой, они были одни в пустом доме, когда его захватили немцы. Прошло немного времени, наши части начали теснить немцев. Немецкий офицер ворвался в комнату Капустиной разъяренный, пьяный. Он что-то кричал, потом выхватил револьвер, выстрелил в постельку, где спал мальчик. Бабушка бросилась на помощь к внуку и повисла на руке у палача, и тот одну за другой пустил ей в грудь три пули. Веру солдаты утащили с собой.

Рассказывая об этой истории, младший лейтенант вскочил с дивана, взволнованно прошелся по комнате. Потом порылся в кармане, достал пестрого целлулоидного попугайчика с горошиной внутри.

— Вот, нашли в ручонке у малыша, когда хоронили. Храню, храню, и никогда я этого мальчика им не забуду.

Но история борьбы за дом 21/А этим только началась. Захватив его, гвардейцы сейчас же организовали круговую оборону, взяв под контроль своих пулеметов перекресток. Утром немцы начали контратаку. На улицу обрушились залпы снарядов, бомбардировщики волна за волной пикировали на нее. Гвардейцы стойко держались в окопчиках, за баррикадами, в угловых окнах домов, ожидая атаку. И вот в бой ринулись немецкие танки. 12 тяжелых машин шли вдоль улицы, неся на броне автоматчиков.

В узком русле улицы закипел бой огромного напряжения. Бронебойщики, хладнокровно дождавшись, когда танки поровняются, стали стрелять им в борты. Пять танков запылало. Но остальные, осторожно обойдя эти жаркие костры, пошли вперед. У бронебойщиков кончились боеприпасы. Меняя позиции, перебегая от одного окна к другому, они уклонялись от шквального огня, который вели танки, и, выбрав момент, метали сверху гранаты. Еще три машины остановились с развороченными гусеницами, но четыре продолжали двигаться. Из окон нижних этажей гвардейцы из автоматов скашивали танковый десант. Но противотанковые средства были исчерпаны. Тогда один высокий боец, герой, о котором тут говорят с огромным уважением, но имени которого никто не знает, с криком:

— Не пройдете, гады! Не пущу! — схватил противотанковую мину, прижал ее к груди и вместе с ней бросился под гусеницы головного танка. Раздался взрыв. Покачнувшись, стальная машина остановилась с развороченным корпусом. Остановились три танка. Они проломили баррикаду и подошли вплотную к дому 21/А. И тут защитники дома пустили в ход старое, испытанное средство: из подворотни полетели зажигательные бутылки.

Но немецкие автоматчики уже успели соскочить с танков, и, смяв двух бойцов, пытавшихся их задержать, ворвались в первый подъезд дома. Яростная схватка завязалась на лестнице. Немцев было втрое больше, чем наших гвардейцев, но гвардейцы стойко отражали удары. Боец Чепурной залег с автоматом на лестничной площадке, ведущей ко второму этажу, и пока за его спиной товарищи воздвигали баррикаду из домашнего скарба, он сдерживал немцев короткими очередями. Немцам удалось захватить только 9-ю и 10-ю угловые квартиры. Чепурной дал по ним последнюю очередь и, шатаясь, — он был ранен в плечо и бедро—стал подниматься наверх. Товарищи перетащили его через баррикаду.

В это время к немцам пришли подкрепления. Дав несколько выстрелов из мелкокалиберного миномета по окнам лестничной клетки, немцы пошли на штурм баррикады. У пятерых бойцов, защищавших ее, гранат уже не осталось, патроны кончились. Поэтому они били только наверняка, когда кто-нибудь из немцев пытался перелезать баррикаду. Они держали ее, пока, не поднявшись по пожарной лестнице во второй этаж, вторая группа немцев не ударила им в спину. И все же они успели отойти и снова закрепиться на третьем этаже. Раненого Чепурного они посадили на кухне у двери на балкон отбивать попытки немцев проникнуть по пожарной лестнице. Бой возобновился неравный и еще больше ожесточенный. Немцы попытались бросать за баррикаду гранаты, но, прежде чем те успевали разорваться, бойцы хватали их налету и бросали обратно на головы фашистов.

— Вот вам за Сталинград. А эту за мать-Украину. А эту за родной колхоз „Червонный шлях“,— приговаривал боец Климук, ловко метая немецкие гранаты.

И немцы не выдержали. Они прекратили осаду, ушли в нижние квартиры. Но с рассветом они возобновили попытку очистить дом. На этот раз их миномет минут 10 бросал мины в окно лестничной клетки. Бурый дым взрывов, известковая пыль заполняли все непроницаемой пеленой. Но когда немцы пытались пролезть наверх, их снова встретили редкие, но меткие выстрелы из-за баррикады.

Гвардейцы, переждавшие бомбежку в квартирах, снова

были на своих местах. Они достреливали по последней обойме, готовясь к рукопашной схватке. Но в это время наверху раздалось „ура". Оно грянуло неожиданно и продолжало нарастать. Это бойцы из соседнего блока, перебравшись по крыше, шли на помощь. На головы немцев одна за другой полетели гранаты. Это было так неожиданно, что немцы побежали, бросая убитых и раненых. С хода были взяты обратно квартиры 9 и 10. Дом № 21/А снова был полностью в наших руках. Неудачный штурм его обошелся немцам в 52 солдатских и 2 офицерских жизни.

Каждый день по ночам бойцы укрепляют дом, заделывают кирпичом оконные амбразуры, проделывают бойницы, окружают дом траншеями.

— Наш дом—это один из домов Сталинграда,—говорит младший лейтенант и ведет меня осматривать хозяйство этого своеобразного дота, где месяц тому назад мирно жили люди. Их вещи все еще стоят на своих местах, посыпанные известковой пылью, битым стеклом. В одной из комнат, должно быть чьей-то столовой, у замурованного окна, в которое просунут ствол противотанкового ружья, в глубоких креслах сидят два бойца,—расчет противотанкового ружья—и при свете коптилки мастерят мундштуки из обломков немецкого „Мессершмитта". В другой угловой комнате пулеметчики Жуков и Евтифеев у станкового пулемета. В этой комнате сохранился детский уголок—крохотная смешная мебелишка и какие-то коврики со зверушками на стенах. Младший лейтенант смотрит на них, потом достает из кармана пестрого попугая — память об убитом мальчике и задумчиво говорит:

— А у меня тоже вот есть дочка Света, четырех лет, и сын Георгий, Егорко—двух.

Потом он вдруг резко подходит к пулемету, дает две длинные очереди по окнам дома наискось, где сидят немцы. Оттуда отвечают. Несколько мин сотрясают пол своими разрывами. Лейтенант говорит:

— Вот как вспомню о немцах — не могу. Всего затрясет, руки так и зудят стрельнуть, метнуть гранату, поработать штыком.

Мне опять вспоминается его фраза о том, что дом, который они обороняют, один из домов Сталинграда. И в самом деле, как в капле дождевой воды отражается солнце, так и в борьбе за этот дом отражено великое, эпическое упорство защитников города Сталина, сражающихся за каждую улицу, за каждый дом, за каждое окно в квартире, за каждую ступеньку на лестнице. И во всем этом борющемся, воюющем, героическом городе немцев ненавидят так же непримиримо и жгуче, как в доме 21/А.

С. КОЗЯКИН, З. КАЦ, М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

★

СЫНЫ ЛЕГЕНДАРНОГО ЩОРСА— ГЕРОИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

То не ветер с Украины,
То не шум волны днепровской—
В Сталинград вошли богунцы
Грозной поступью отцовской.
В небо синего оттенка
Смотрят черные руины...
Знамя Щорса и Боженко—
Гордость вольной Украины—
Ты пылало над Унечей,
Ты над Киевом взвивалось
Цветом крови человечьей,
Светом славы озарялось.
Бросив каски, бросив ранцы,
Немцы в страхе убегали,
Коль богунцы, таращанцы
Смертной бурей налетали.
За кровавые пожары,
За разбой и за наругу
Предал Щорс народной каре
Немца—ката и ворюгу,
Снова горе и пожары
Нам несет извечный ворог...
В годы мирные недаром
Мы сухим держали порох.
Козаки Миколы Щорса,
Бейте немца, бейте гада!
Боевой ваш путь простерся
По проспектам Сталинграда.
Прапор Щорса и Боженко—
Знамя доблести и долга...
За Днепро отцы сражались,
В бой идут сыны за Волгу.

— Богунцы,—обратился лейтенант Нестеренко к своим бойцам,—вы видите эти черные развалины? Видите обгорелые стволы деревьев? Здесь был город-сад. Немцы превратили его в пепелище. Богунцы! Отцы наши крепко рубали немцев. Ударим и мы по лютому ворогу. Очистим Сталинград от немецкой погани! Вперед, богунцы!

И богунцы пошли в атаку на огромный заводский цех, в котором засели немцы. Взвод бронебойщиков гвардии старшины Ивана Фофанова огнем из противотанковых ружей поддерживал подразделение лейтенанта Нестеренко. Дорогу, которую надо было пересечь нашим храбрецам, преграждали не только мины, ее простреливал вражеский танк. Он был зарыт в землю и только башня его с жерлом пушки видна была вдали.

— Вижу танк,—доложил бронебойщик Сапожников.

— Хорошо,—спокойно ответил командир.— Займитесь им.

Наблюдая за противником, Фофанов уловил одну важную деталь: минометный огонь гитлеровцев усиливался в тот момент, когда в воздух взвивались зеленая и красная ракеты, и переносился туда, куда указывал их светящийся след.

— Что ж, учтем,—сказал Фофанов и выпустил в сторону скопления фашистов красную и зеленую ракеты. Через несколько минут вражеские мины начали рваться в расположении немцев.

— Свои—своих.... засмеялись богунцы.

А бронебойщик Сапожников в это время поджег фашистский танк.

— Знайте, сволочи,—здесь дерутся наследники Щорса!

Внезапным броском богунцы подскочили к стенам цеха. Сержант Глухов, красноармейцы Задябин и Ситченко, пробив отверстие в стене, открыли огонь из противотанковых ружей. Иван Фофанов и красноармейцы Бизюкин, Емельяненко и Сапожников ворвались внутрь цеха через пробоину в стене. Путь им преградил фашистский офицер. Выстрелом в упор Бизюкин убил его.

И завязалась схватка семи храбрецов с полуторасотней бандитов.

Пулеметы врага укрывались в железных ящиках, между станками, за креплениями. Метким выстрелом Емельяненко уничтожил расчет одного вражеского пулемета и тотчас открыл из него огонь по гитлеровцам. Бой длился несколько часов.

И заводский цех был очищен от гитлеровцев.

103 трупа оставили здесь фашисты.

Это был жестокий бой. Богунцы показали, на что способны наследники Щорса. Кто герои этого боя? Кого назвать первым? Старшину Фофанова, убившего в этой схватке 11 немцев, красноармейца Емельяненко, уничтожившего 3 вражеских пулеметных точки и уложившего 30 фрицев огнем захваченного пулемета? Или, может, на первое место поставить отважного бойца Сапожникова, который поджег танк, уничтожил две пулеметных точки и убил 6 гитлеровцев?!

Все они дрались, как подобает богунцам.

Кто вы, хлопцы, и откуда?
Из Одессы, из Полтавы?..
Сталинград не позабудет
Вашей доблести и славы.

Будет в памяти хранить он
Всех героев поименно,
Начертает на граните
И запишет на знамена.

Мы зарубим немца-волка,
Мы забудем злое горе...
И Днепру и Бугу вторя,
Вас прославит в песнях Волга.

А когда на Украину
Вы вернетесь в светлый час,
Скажет мать: „Спасибі сину,
Ти боровся там за нас"...

На Украине, неподалеку от Белой Церкви, есть маленькое местечко Тараща. Там собирал Боженко в 1918 году свои боевые дружины. Там начиналась слава боевого сподвижника Щорса. Немцы сожгли Тащу.

И чудится теперь таращанцам, будто реет перед их боевым строем крылатая бурка батьки Боженко. И кличет батько:

— Діти мої, хлопці, на бій! Рубай німчуру!

И на горящую улицу врывается подразделение таращанцев под командованием товарища Ромашкина. Впереди — отделение сержанта Солод. Бойцы вскочили в дом, занятый немцами. Не помогли фрицам ни минные поля, ни проволочные заграждения, ни баррикады. Начался рукопашный бой. Горстка храбрецов, как меч, врезалась в оборону немцев. Враги напрягали все силы, чтоб выбить таращанцев. Но тщетно! Справа и слева бойцы, которыми командуют товарищи Руденко, Вазомин и Щербаков пошли в штыковую атаку.

Черной рекой потекла немецкая кровь.

И крепче духом, сильнее оружием оказались таращанцы. Всласть порубали они немцев, вдоволь натешились позорной гибелью врага. Четыреста трупов оставили немцы на рубежах, завоеванных таращанцами. И в часы этого грозного боя, казалось, реет над таращанцами тень знаменитого батьки. И, казалось, одобрительно улыбаясь, говорит он своим воинам:

— Добре, діти мої, добре!

Украина—наша ненька
Вся в пожарищах горит.
Громким голосом Боженко
Не она ли говорит?

Не она ли из полона
Нам кричит: скорей, скорей!..
Ветер к нам доносит стоны
Наших жен и матерей.

И солдатская кручина
Нам покоя не дает.
Украина, Украина!
Жди: твой светлый час придет!

Мы даем святое слово
У развернутых знамен—
Мы сорвем с тебя оковы,
Мы разрушим твой полон!

Так лети от сердца к сердцу,
Слово клятвы фронтовой!
Нашей Родины бессмертье
Нас ведет из боя в бой.

Точно кони огневые,
Боевые дни летят...
И ведет дорога в Киев
Через город Сталинград.

Небо синего оттенка
Над руинами встает,
Нас попрежнему Боженко
В бой, на подвиги ведет!

— Таращанцы,—воскликнул сержант Ильинский,—мы защищаем Сталинград, честь и гордость нашей родины. Умрем здесь, но врага не пропустим!

Пять атак отбил в этот день пулеметный расчет Ильинского и не сошел с рубежа.

Всю силу своего огня обрушили гитлеровцы на один дом, который обороняли красноармеец Василий Алексеев и три его товарища. В неравной схватке смертью храбрых пали все три товарища Алексеева. Но таращанец не ушел с поста. Пулемет его не умолкал. Четыре часа длился этот неравный бой. Свыше сорока гитлеровцев уложил Алексеев у стен дома, который герой-таращанец превратил в неприступную крепость.

Случилось так, что в одном бою красноармейца Панкратова окружили 12 немцев.

— Русс, сдавайся!—кричали немцы.

— Я—таращанец!—воскликнул Панкратов,—а таращанцы не сдаются в плен!

Огнем автомата прорвал Панкратов вражеское кольцо. Семь немцев уничтожил он, остальные бежали от храброго таращанца.

Так сражаются, так побеждают врага наследники боевой славы легендарных богунцев и таращанцев—сыны Миколы Щорса и батьки Боженко.

Иван ЦЮПА

★

ПЕТРО ЯРОШ

Был у меня товарищ, побратым, Петром звали, а по фамилии — Ярош. Из Марьинского он родом, может быть слыхали, такое село на Полтавщине, недалеко от Миргорода. В нем Тарас Шевченко бывал, стихи свои писал там под дубами. И до сих пор стоят они, старые столетники. Разве только может быть теперь немчура срубила. А дубы-то какие были—в семь обхватов. На верх смотришь — шапка на затылок сдвигается. Славные дубы.

Так вот Петро был из этого села. А я из Устивицы, что близ Великих Сорочинец, недалеко от Псла. Это село тоже историческое. Наверное, читали—в книгах о нем много писалось. Там в 1905 году наши односельчане стражников Барабашевых на перевернутые бороны нагнали. Сыздавна революцией занимались.

Встретились мы с Петром на фронте, под Сталинградом. Вот где судьба свела. А росли, можно сказать, рядом друг с другом. Разговорились—кто откуда. Оказывается он—из Марьинского, а я—из Устивицы. Ведь это соседи: в Сорочинцы или в Миргород люди из обоих сел на ярмарку, бывало, съезжались.

Подружились мы с Петром, крепко подружились. Одно то, что земляки, второе—по сердцу оказались друг другу. Смел был Петро, страха в нем—никакого, и за товарища, бывало, в огонь и воду пойдет. Ну и я ему по душе пришелся. Недаром на одной земле росли. Такая уж натура.

У меня в Устивице семейство осталось: отец, мать, жена с детворой, а Петро летами моложе меня, в парубках до

войны ходил. Девчина у него где-то там осталась. Дориной зовут. Хорошая девчина. Как начнет, бывало, о ней рассказывать Петро—не наслушаешься. Любил он ее, видать, так, что дай бы всякому. Бывало, в затишье достанет карточку и глядит на нее долго-долго и ничего не говорит. Молчит, думает. Было что вспомнить парню.

Сам он не из певучих был. Голос у него не вышел по всей форме, а песню любил. С нами был еще Андрей Мотренко, вельбовский, из-под Гадяча—так тот пел здорово. Голос у него был, словно у соловья. Как запоет, бывало, что-нибудь, так мой Петро прямо в блаженстве. Страсть, как любил песню.

Да, так вот мы с Петром и воевали, значит вместе. Сроднились, как брат с братом. Одним словом, побратымами стали. Кровью нашу дружбу скрепили. Бывало так, что я за Петра свою голову подставлял, а он за меня — свою. Это у нас в армии такой уж закон, особенно у тех, которые под Сталинградом воюют. Тут, брат, один за другого, как цементом скреплены — твердо держатся.

Да, так к чему я все это говорю: был товарищ у меня—Петро. А теперь—нет. Погиб Петро, славной смертью в бою почил.

Было это осенью. Под Сталинградом занимали мы огневой рубеж. А рубежом нашим была могила такая, неизвестно когда и кем насыпанная. Поставило нас командование и приказало: так как вы есть бронебойщики — есть такая новая профессия военная, так вот вам позиция, стойте здесь, хлопцы, и ни с места. Чтоб, значит, танки немецкие к Сталинграду не пропустить.

Окопались мы на той могиле, я, Петро, Андрей — тот, который из-под Гадяча, и еще один русский, товарищ Гончаров по фамилии, из-под Воронежа. Смелый, отчаянный, все фашистам за Старый Оскол мстил. Это его родные места.

Пробыли мы в той засаде вечер, ночь, а на утро двинули на нас немецкие танки. Так, верно, больше десятка. А нас всего, как я уже сказал, четыре человека. Ну, правда, при полном вооружении с бронебойками, гранатами, все, как полагается.

Ползут немецкие черепахи и прямо на нас, ничего не подозревая. Здесь Петро — он у нас старшим был — уже когда машины совсем приблизились, так, за полгоны, может быть, подал команду:

— Огонь!

Ударили мы из бронебоек, дружно ударили, задымились три черепахи. Стали, прикипели к земле, а остальные прут прямо на могилу. Ну и конечно, из пушек по нас бьют, пулеметы строчат.

Обвел всех нас Петр глазами, рукой махнул и говорит:

— Умрем здесь, а немца не пропустим.

— Не пропустим, — сказали мы в ответ, и ударили опять из всех видов имеющегося оружия. Задымились еще три черепахи, перед самой могилой задымились, а остальные дернули наутек.

Ну и порадовались же мы! Шутка ли такой бой выдержать! А радость в бою, должен я вам сказать, бывает особенная. Трудно ее с чем-нибудь сравнить. Точно на свет второй раз народился. Еще бы — из такого ада кромешного живым выйти.

Петро нам говорит: — подождите, хлопцы, вернутся еще немцы, вернутся, анахтемы. Так, что, хлопцы, надо нам быть на-чеку.

И вправду так в послеобеднюю пору опять появились немцы. Танков десятка полтора и автоматчики с ними, человек тридцать. Ну и началось. Не знаю, как это и назвать. Не приходилось мне бывать в аду, но если бы и попал туда, то думаю, что там все же легче было бы.

Страшный был это бой. Немцы лезли, как шальные. До чего упрямое отродье: ты ему в морду, а он лезет. Часа три, должно быть, шел бой. Ранило товарища Гончарова в голову, как раз тогда, когда он поднялся, чтобы гранату бросить под танк. Андрея в плечо зацепило. Тогда и мне ногу изувечили. А Петро был целехонький, пока ему не пробило грудь навылет. Случилось это тогда, когда немцы попятились, было, назад. Десять танков ихних мы подбили и уложили почти всех автоматчиков, а остальные не выдержали и отступили.

Тут победа, немцы пятятся, а Петро умирает. Обидно было до слез. Положили мы его на землю, склонились над ним, как над дитем в люльке. Сами видим, что не устоять Петру против смерти, а помочь не можем. С дорогой душой готовы были бы, да что ж поделаешь.

Раскрыл Петро очи, обвел всех нас взором, попытался усмехнуться, ободрить хотел. А тогда говорит мне:

— Не забудь же, Остап, брат, про мого заповита.

Бросился я к нему:

— Да что ты, говорю, Петро, бог с тобой, да ты еще будешь жить! На войне, сам знаешь, всяко бывает.

— Э, нет, — говорит, — чует мое сердце — не выживу, братцы. А потом протянул руку к Андрею да и говорит: „Заспівай мені, земляче, любиму пісню, заспівай", — и закрыл глаза, приготовился слушать. Откинул голову мне на колени.

И запел Андрей. Да как запел! Никогда не слыхал я такого пения и, наверное, пока жив — не услышу. От самого

сердца шла песня — о ветре буйном, об Украине и девчиноньке у оконца в тихой хате.

Повій, вітре, на Вкраїну,
Де покинув я дівчину...

Не пел, а тужил Андрей, склонясь над Петром.

Де покинув карі очі,
Повій, вітре, опівночі.

И вспомнилась нам девчинонька-голубонька в далеком селе Марьинском, которая не спит по ночам, к окну припадает, своего козака милого выглядывает, из похода ждет — не дождется.

Пел Андрей. Тишина висела над степью после боя. Заходило солнце красное, где-то далеко, в той стороне, где Украина.

Не раскрывал своих глаз, слушая песню, Петро, да так и умер под песню. Тихо, как будто засыпая. Говорят, так умирают только праведники. Умер, как в сказке.

Похоронили мы Петра тут же на могиле, и окрестили ее могилой Петра Яроша. Стоит она недалеко от Сталинграда — старая, древняя, израненная снарядами, кровью нашей полита, наша могила козацкая.

Так умер мой побратым Петро Ярош. Осталась от него только слава детям да внукам нашим да еще у меня вот этот завет.

Вот здесь карточка Дорины и письмо ей от Петра, — бог знает, что он в том письме ей пишет: я его так и не распечатывал. „Будешь жив, вернешься на Украину, — завещал мне Петро, — розшукай Дорину и отдай ей это письмо". До Марьинского не так уже далеко, скоро увижу я Дорину, письмо передам.

А еще сильно просил меня Петро, чтобы взял я жолудь из-под дуба Тараса и посадил его на Ярошевом огороде. Что бы рос из него дуб Петра Яроша.

Верил крепко в победу человек. В победу Сталинграда верил. Оттого и сила бралась, оттого и умер так спокойно, с ветром, с песней на Украину понесся.

Александр ГУТОРОВИЧ

★

МУЖЕСТВО

Войдя в блиндаж, командир сбросил с плеч тяжелую бурку и, поеживаясь от холода, попросил стакан горячего чая.

— Ну, высота 105 наша. Немцы бросили несколько десятков самолетов и 60 танков, но мы все-таки ее отбили...

— Закрепиться успеем? — спросил заместитель командира по политической части.

— Пушки уже выкатили,—обогревая о стакан окоченевшие пальцы, сказал по-хозяйски командир.—Тебе придется поехать на правый фланг, а я снова на высоту...

Мы вышли в ночь. Развороченная бомбами земля лежала такими огромными, похожими на слитки чугуна, глыбами, что становилось как-то не по себе. Город молчал. Только в невидимых балках перекликались пулеметы, да над задумчивой тихой Волгой кружилась цветистая карусель ракет и сияли радуги трассирующих пуль.

Над деревянными лотками базара, к которым еще недавно сходились из деревень бабы продавать молоко и семечки, стояло зарево пожаров.

— Жаль. Алеши Алеканцева с нами нет,—сказал вдруг Соснин, комсомольский вожак стрелковой дивизии. — Вот бы о ком написать! Это настоящий парень, в мужестве недостатка не имеет. Сам с Урала, секретарь комсомольского президиума одной батареи. Герой!

— Так неужели вы об Алеканцеве ничего не слыхали?— снова сказал Соснин. Придется мне вам о нем рассказать...

Стояла темная ночь, немцы простреливали степь минами, и хороший разговор в пути был как нельзя более кстати.

— Да, так вот в те дни лезла на Сталинград среди прочих одна зловредная вражеская дивизия. Навстречу ей выбросили вперед пехотный полк, в котором и служил Алеканцев. Двое суток наши позиции бомбили сто немецких самолетов. Мы сидели в окопах, как в люльках. А когда вошли в соприкосновение с противником, на нас двинулись 60 танков. 30 из них сразу же натолкнулись на батарею Алеканцева. Бой был, понятно, неравный, и батарея быстро потеряла два орудия из трех. Погибло при этом немало хороших комсомольцев, но никто не отступил. Тогда Алеканцев приказал выкатить последнее орудие...

Соснин на мгновенье умолк, прислушиваясь к отдаленной канонаде, и потом продолжал:

— У него была одна пушка. Против нее шли теперь 15 танков. Четыре удалось сбить сразу, один за другим, прямой наводкой. Но немцы забрасывали орудие снарядами. Был уничтожен весь комсомольский расчет, чудом уцелел один Алеканцев. Правда, его ранило в руку. Но, вы знаете, позднее он мне рассказывал, что в ту минуту он, как это ни странно, забыл о руке. Думал только об одном: как довести бой до конца. У его последней пушки немецким снарядом разбило прицел. Алеканцев быстро подполз к разбитым орудиям и, на счастье, разыскал один целехонький прицел. Приладив его к своему орудию, он продолжал один в степи сражаться с танками. Точными выстрелами он сжег еще четыре танка, остальные повернули назад. Зная, что немцы повторят атаку, Алеканцев решил подтащить снаряды поближе. Но в это время прямым попаданием разбило его последнее орудие. Больше драться было нечем. Он взорвал снаряды, взвалил на спину тяжело раненого комсомольца Фица и вместе с ним к ночи выбрался на командный пункт полка...

— Сколько же его батарея уничтожила танков?

— Двенадцать за один бой... Нет, вы только подумайте: все товарищи его погибли; положение было действительно безвыходное, а он победил. Спокойная кровь у человека! С горячей кровью на войне зря под пулю лоб можно подставить. С холодной можно струсить и погибнуть. А если у человека кровь спокойная, он, я вам скажу, не воюет, а вроде как бы работает. Все у него умно рассчитано, проверено. Держится он спокойно и победы достигает наверняка. Верно я говорю, а?

Я вспомнил, как час тому назад, когда мы сидели в землянке, вдруг раздался телефонный звонок. Заместитель командира по политической части снял трубку. Очевидно, было плохо слышно. Он кричал:

Колобутин! Ни черта не слышу. Прекрати у себя шум! Что?.. Хорошо, подожду пять минут... А что за взрывы были слышны?.. Вот теперь хорошо стало слышно... Меня вот что интересует...

Поговорив об обычных армейских делах, он повесил трубку и усмехнулся, покачав головой:

— Конфуз вышел: зря обругал командира. У него над головой немецкий танк тарахтел, а я думал, что опять телефонная линия неисправна.

— Немецкий танк?

— Да, заблудился какой-то шальной. Влез на блиндаж и ворочается. Но разве такой блиндаж раздавишь? Земли столько да накат из толстых бревен. Колобутин вылез, угостил его связкой гранат и отогнал. Теперь бойцы охотятся за ним в степи.

Обо всем этом говорилось так, как будто бы такие эпизоды являются самым обычным делом. Да, судя по всему, и сам Колобутин докладывал о визите немецкого танка просто как о досадной случайности: не сумело задержать его боевое охранение. Спокойная кровь... Да, Соснин нашел очень правильные слова для того, чтобы объяснить характер таких людей.

Мы помолчали. Потом Соснин вдруг спросил:

— А вы про смешное на войне не записываете? Тут на-днях к нам старик один приезжал. Он где-то со своей частью в сложную обстановку попал: дрались они в тылу у немцев. Старик-то сам не боец, он возчик. Добровольно вызвался снаряды к орудиям подвозить, а дошло дело до боя, старик оказался не хуже солдата. И вот случилось так, что его батальон, выполняя приказ, отошел. А старик остался: жалко ему было несколько артиллерийских подвод оставлять. Их малость повредило снарядами и надо было чинить. В части жалели старика, — думали, пропал. А вчера он прибыл со своими подводами. Заместитель командира по политической части спрашивает: „Как же ты умудрился выбраться, отец?“ А старик, как бывалый солдат, руки по швам и отвечает: „Немцы на танках по шоссе ехали, а я рядом по обочине. Двигались мы в одну сторону, так что им невдомек было, что чужой обоз может тут ехать. Ночью на окраине села останавливался. Торбы с овсом к мордам коней подвешу, а чуть свет — снова в дорогу. Так и доехал...“

Соснин тихо засмеялся и потом добавил:

— Нет, что вы ни говорите, а спокойная кровь всегда на войне выручает.

Зарево пожаров хорошо освещало изрытые воронками кручи. В поселке, разбитом бомбами и снарядами, страшно выли собаки. Сегодня здесь было захвачено 56 немецких дотов. Бойцы ходили в них, как в музей. Войдешь в дот, не повернешься — так тесно от чемоданов с награбленным барахлом. Детский стульчик, русский велосипед, распаянный самовар, граммофон с пыльной трубкой, утюг, женские рейтузы, набор обуви — от детских ботинок до погребальных туфель. Немцы спали на перинах, а под перинами гнили головки от селедок, куски протухшего мяса, сохли корки хлеба. Немцы боялись выходить на поверхность земли, боялись выбрасывать эти отбросы: били наши орудия, стреляли наши снайперы.

Побываешь в этих дотах и сразу поймешь, почему три брата-нанайца Самар не садятся утром завтракать, пока не убьют хотя бы одного немца: настолько омерзителен и страшен этот звериный фашистский быт. Братья Самар и охотятся на немцев, как на зверей. Старший из них в пыли

боя стреляет, стоя в полный рост, как привык стрелять в тайге, по зверю. Меньший брат, комсомолец, бьет фрицев сидя, подвернув ноги калачиком. Убив одного немца, он откладывает камешек в карман шинели. Третий брат бьет немцев из миномета. Был еще четвертый брат. Он взорвал себя гранатой, когда его наблюдательный пункт окружили танки врага...

Выстрелы стали приближаться. Чтобы не слушать их, Соснин заговорил вдруг о постороннем:

— Вы знаете, я хотел бы прожить после войны лет двести. Интересно, как тогда люди будут представлять себе битву за Сталинград. Война—как картина художника: надо немножко оттойти от нее, чтобы хорошо рассмотреть...

Над степью, исхлестанной пулями, струился тихий голубой свет звезд. Выстрелы то звучали громче, то удалялись. Соснин, посмотрев на звезды, сказал:

— Как вы думаете, через сколько миллионов лет доходит до земли свет вон той звезды? Вот так когда-нибудь зарево этой битвы, столетие спустя, вернется к человечеству в легендах...

Орудия начинали бить все громче и громче. На Волге звенели льдины. Светало. Из сумрака выступали смутные очертания кварталов израненного, но грозного города, города, о котором в это утро кричали радиостанции всего мира, города, в котором живут и воюют люди-герои.

Вас. ГРОССМАН

*

СНАЙПЕР ЧЕХОВ

Много дней и много ночей эти всевидящие глаза смотрят с пятого этажа разрушенного дома на город. Эти глаза видят улицу, площадь, десятки домов с провалившимися полами, пустые, мертвые коробки, полные обманчивой тишины. Эти коричневые, круглые, чуть желтые, чуть зеленоватые глаза, не поймешь, светлые они или темные, видят далекие холмы, изрытые немецкими блиндажами, они считают дымки костров и кухонь, машины и конные обозы, подъезжающие к городу с запада. Иногда бывает очень тихо, и тогда слышно, как в доме наискосок, где сидят немцы, обваливаются небольшие куски штукатурки, иногда слышна немецкая речь и скрип немецких сапог. А иногда бомбежка и стрельба так сильны, что приходится накло-

няться к уху товарища и кричать во весь голос, и товарищ разводит руками, показывает: „Не слышу".

...Анатолию Чехову идет двадцатый год. Сын рабочего химического завода, этот юноша с ясным умом, добрым сердцем и недюжинными способностями, обожавший книги, знаток и любитель географии, мечтавший о путешествиях, любимый товарищами, соседями, завоевавший неприступные сердца рабочих-стариков своей готовностью помочь обиженному, с десятилетнего возраста познал темные стороны жизни. Отец его пил, жестоко и несправедливо обращался с женой, сыном, дочерьми, а года за два до войны бросил их на произвол судьбы и ушел. Тогда Анатолий Чехов оставил школу, где шел по всем предметам круглым отличником, и поступил работать на казанскую фабрику. Он легко и быстро овладел многими рабочими специальностями. Поступив на фабрику учеником жестянщика, вскоре сделался, несмотря на малые свои годы, электриком, газосварщиком, аккумуляторщиком, незаменимым и всеми уважаемым мастером.

29 марта 1942 года его вызвали повесткой в военкомат, и он попросился в школу снайперов. „Вообще я в детстве не стрелял ни из рогатки, ни из чего, жалел бить по живому,—говорит он.—Ну я хотя в школе снайперов шел по всем предметам отлично, а при первой стрельбе совершенно оскандалился — выбил девять очков из пятидесяти возможных. Лейтенант сказал мне: „По всем предметам отлично, а по стрельбе плохо. Ничего из вас не выйдет". Но Чехов не стал расстраиваться, он добавил к дневным часам занятий долгое ночное время. Десятки часов подряд читал теорию, изучал боевое оружие. Он очень уважал теорию и верил в силу книги, он в совершенстве изучил многие принципы оптики и мог, как заправский физик, говорить о законах преломления света, о действительном и мнимом изображении, рисовать сложный путь светового луча через 9 линз оптического прицела, он понял внутренний, теоретический принцип всех приспособлений — и поворота дистанционного маховичка, и связи пенька, приподымающегося при прицеливании с горизонтальными нитями... И объемное, широкое, четырехкратно приближенное изображение Чехов воспринимал не только глазами стрелка, но и физика.

Лейтенант ошибся. При стрельбе из боевого оружия по движущейся мишени Чехов поразил „в головку" всеми тремя данными ему патронами маленькую юркую фигурку. Он кончил снайперскую школу отличником, первым, и сразу же попросился в часть добровольцем, хотя его оставили инструктором—учить курсантов и снайперской и обычной стрельбе, и пользованию автоматом, и различными

гранатами. Так уж повелось, что и в школе, и на производстве, и в военном деле он легко и совершенно овладевал пониманием различных предметов.

Этому юноше, которого все любили за доброту и преданность матери и сестрам, не пулявшему в детстве из рогатки, ибо он „не желал бить по живому", захотелось пойти на передовую. „Я хотел стать таким человеком, который сам уничтожает врага", — сказал мне Анатолий Чехов.

На марше он тренировал себя в определении расстояния без оптического прибора. Анатолий загадывал: „Сколько до того дерева?"—и шагами проверял. Сперва получалась полная ерунда, но постепенно он научился определять большие расстояния на-глаз с точностью до 2—3 метров. И эта нехитрая наука помогла ему на войне не меньше, чем знание сложной оптики и законов движения луча через комбинацию 9 двояковыпуклых и вогнутых линз. Самый ложный пейзаж научился он воспринимать как совокупность ориентиров — березки, кусты шиповника, ветряные мельницы стали для него местами, откуда мог появиться противник, они помогали быстро и точно повернуть дистанционный маховичок.

С первых же дней пребывания на фронте он перестал воспринимать бой как хаос огня и грохота, а научился угадывать, чего хочет противник. „Было ли страшно в первые дни? Нет! У меня такое чувство было, словно это и не война".

На фронте часто заводят разговор о храбрости. Обычно разговор этот превращается в горячий спор. Одни говорят, что храбрость — это забвение, приходящее в бою. Другие чистосердечно рассказывают, что, совершая мужественные поступки, они испытывают немалый страх и крепко берут себя в руки, заставляют усилием воли, подняв голову, выполнять долг, итти навстречу смерти. Третьи говорят: „Я храбр, ибо уверил себя в том, что меня никогда не убьют".

Капитан Козлов, человек очень храбрый, много раз водивший свой мотострелковый батальон в тяжелые атаки, говорил мне, что он, наоборот, храбр оттого, что убежден в своей смерти, и ему все равно, случится с ним смерть сегодня или завтра. Многие считают, что источник храбрости—это привычка к опасности, равнодушие к смерти, приходящее под вечным огнем. У большинства же в подоснове мужества и презрения к смерти лежат чувство долга, ненависть к противнику, желание мстить за страшные бедствия, принесенные оккупантами нашей стране. Молодые люди говорят, что они совершают подвиги из желания славы, некоторым кажется, что на них в бою смотрят

их друзья, родные, невесты. Один пожилой командир дивизии, человек большого мужества, на просьбу адъютанта уйти из-под огня, смеясь, сказал: „Я так сильно люблю своих двух детей, что меня никогда не могут убить."

Я думаю, что спорить фронтовому народу о природе храбрости нечего. Каждый храбр по-своему. Велико и ветвисто могучее дерево мужества, тысячи ветвей его, переплетаясь, высоко поднимают к небу славу нашей армии, нашего великого народа.

Но если каждый отважный отважен по-своему, то себялюбивая трусость всегда в одном: в рабском подчинении инстинкту сохранения своего живота. Человек, сегодня бежавший с поля боя, завтра выбежит из горящего дома, оставив огню свою старуху-мать, жену, малых ребят.

У Чехова увидел я еще одну разновидность мужества, самую простую, пожалуй, самую „круглую", прочную: ему органически, от природы было чуждо чувство страха смерти,—так же, как орлу чужд страх перед высотой.

Он получил свою снайперскую винтовку перед вечером. Долго обдумывал он, какое место занять ему — в подвале ли, засесть ли на первом этаже, укрыться ли в груде кирпича, выбитого тяжелой фугаской из стены многоэтажного дома. Он осматривал медленно и пытливо дома переднего края нашей обороны—окна с обгоревшими лоскутами занавесок, свисавшую железными, спутанными космами арматуру, прогнувшиеся балки межэтажных перекрытий, обломки трельяжей, потускневшие в пламени никелированные остовы двухспальных супружеских кроватей. Его пытливый и совершенный глаз ловил и фиксировал все мелочи. Он видел велосипеды, висевшие на стенах над пропастью пяти обвалившихся этажей, он видел поблескивавшие осколки зеленоватых хрустальных рюмок, куски зеркала, порыжевшие и обгоревшие усы финиковых пальм на подоконниках, покоробившиеся куски жести, развеянные дыханием пожара, словно легкие листы бумаги, обнажившиеся из-под земли черные кабели, толстые водопроводные трубы—мышцы и кости города.

Чехов сделал выбор—он вошел в парадную дверь высокого дома и по уцелевшей лестнице стал подниматься на пятый этаж. Местами ступени были раздроблены, на площадках лестниц, в прямоугольники сгоревших дверей видны были пустые коробки, этажи различались лишь по разной окраске стен—квартира второго этажа была розовой, третьего—темносиней, четвертого—фисташковой, с коричневой панелью. Чехов поднялся на площадку пятого этажа: это было то, что он искал. Обвалившаяся стена открывала широкий обзор—прямо и несколько наискосок стояли занятые немцами дома, влево шла прямая, широ-

кая улица, дальше, в метрах 600—700 начиналась площадь. Все это было у немцев. Чехов устроился на лестничной площадке остроконечного выступа стены, устроился так, чтобы тень от выступа падала на него — он становился совершенно невидимым в этой тени, когда вокруг все освещалось солнцем. Винтовку он положил на чугунный узор перил. Он поглядел вниз. Привычно определил ориентиры, их было мало.

Вскоре наступила ночь. Голубое небо стало темносиним. Словно серые тихие покойники, стояли высокие сгоревшие дома. Взошла луна. Она стояла в небесном зените, большая, ясная: толстое стальное зеркало, равнодушно отражающее жестокую картину битвы. Луна была медово желтой, спелой, а свет ее, словно отделившийся от меда сухой, белый воск, казался легким, не имеющим ни вкуса, ни запаха, ни тепла. Этот восковой, белый свет тонкой пленкой лег на мертвый город, на сотни безглазых домов, на поблескивающий, как лед, асфальт улиц и площадей. Чехову вспомнились книги, о развалинах древних городов, и страшная, горькая боль сжала его молодое сердце. Ему показалось, что он задыхается—так остро и мучительно было желание увидеть этот город свободным, вновь ожившим, шумным, веселым, вернуть из холодной степи эти тысячи девушек, которые ожидали на дороге попутных машин, этих мальчишек и девчонок, со старческой серьезностью провожавших глазами идущие в сторону Сталинграда войска, этих стариков, кутающихся в бабьи платки, городских бабушек, надевших поверх кацавеек сыновьи пальто и шинельки.

Тень мелькнула по карнизу. Бесшумно прошла большая сибирская кошка с пушистым хвостом. Она поглядела на Чехова, глаз ее засветился синим электрическим огнем. Где-то в конце улицы залаяла собака, за ней вторая, третья, послышался сердитый голос немца, пистолетный выстрел, отчаянный визг собаки, и снова злобный, тревожный и дружный лай: это верные псы мешали немцам шарить в ночное время по разрушенным квартирам. Чехов приподнялся, посмотрел—в тени улицы мелькали быстрые темные фигуры, немцы несли к дому мешки, подушки. Стрелять нельзя было—вспышка выстрела сразу же демаскировала бы снайпера. „Эх, чего наши смотрят“,— подумал с тоской Чехов, и сразу же, едва появилась у него эта мысль, где-то сбоку густо с железной злобой заработал советский пулемет. Чехов встал и осторожно, стараясь не хрустеть блестящими при луне осколками стекол, стал спускаться вниз.

В подвале здания разместилось пехотное отделение. Сержант спал на никелированной кровати, бойцы лежали

на полуобгоревших обрывках плюшевых и шелковых одеял. Чехову налили чаю в жестяную кружку, чайник только что вскипел, и края кружки обжигали рот. Есть Чехову не хотелось, и он отказался от пшенной каши, сидел на кирпичиках и слушал, как в темном углу подвала красноармеец-сталинградец рассказывал о былой жизни: какие были кино, какие картины в них показывали, о водной станции, о пляже, о театре, о слоне из зоологического, погибшем при бомбежке, о танцовальных площадках, о славных девчатах.

И, слушая его, Чехов все еще видел перед собой видение мертвого Сталинграда, освещенного полной луной. Он рано, с самых детских лет, узнал тяжести жизни. „Отец часто шумел,—мне и читать и уроки учить трудно было, своего уголочка не имел",—печально сказал он мне.

Сержант проснулся, заскрипел пружинной кроватью и спросил: „Ну, что, Чехов, много на почин убил сегодня немцев?". Чехов сидел, задумавшись, потом вдруг сказал бойцам, вернувшимся из боевого охранения и налаживавшим патефон: „Ребята, патефон сегодня я прошу не заводить".

Утром он встал до рассвета, не попив, не поев, а лишь налил в баклажку воды, положил в карман пару сухарей и поднялся на свой пост. Он лежал на холодных камнях лестничной площадки и ждал. Рассвело, вокруг все осветилось, и так велика была жизненная сила молодого утреннего солнца, что даже несчастный город. казалось, печально и тихо улыбнулся. Только под выступом стены, где лежал Чехов, стояла холодная, серая тень. Из-за угла дома вышел немец с эмалированным ведром, Потом уже Чехов узнал, что в это время солдаты всегда ходят с ведрами—носят офицерам мыться. Чехов повернул дистанционный маховичок, поплыл кверху крест нитей, он отнес прицел от носа солдата на 4 сантиметра вперед и выстрелил. Из-под пилотки мелькнуло что-то темное, голова дернулась назад, ведро выпало из рук, солдат упал набок. Чехова затрясло. Через минуту из-за угла появился второй немец, в руках его был бинокль. Чехов нажал спусковой крючок. Потом появился третий—он хотел пройти к лежавшему с ведром. Но он не прошел. „Три",—сказал Чехов и стал спокоен.

В этот день много видели глаза Чехова. Он определил дорогу, которой немцы ходили в штаб, расположенный за домом, стоявшим наискосок,—туда всегда бежали солдаты, держа в руке белую бумагу—донесение. Он определил дорогу, по которой немцы подносили боеприпасы к дому напротив, где сидели автоматчики и пулеметчики, Он определил дорогу, которой немцы несли обед и воду для умывания и питья. Обедали немцы всухомятку. Чехов

знал их меню, утреннее и дневное—хлеб и консервы. Немцы в обед открыли сильный минометный огонь, вели его примерно 30—40 минут и после кричали хором: „Русс, обедать!“ Это приглашение к примирению приводило Чехова в бешенство. Ему, веселому, смешливому юноше, казалось отвратительным, что немцы пытаются заигрывать с ним в этом трагически-разрушенном, несчастном и мертвом городе. Это оскорбляло чистоту его души, и в обеденный час он был особенно беспощаден.

Снайперу Чехову хотелось, чтобы немцы не ходили по городу во весь рост, чтобы они не пили свежей воды, чтобы они не ели завтраков и обедов. Он зубами скрипел от желания пригнуть их к земле, вогнать в самую землю. Юный Чехов, любивший книги и географию, мечтавший о путешествиях, нежный сын и брат, не стрелявший в детстве из рогатки, жалевший „бить по живому“, стал страшным человеком, истребителем оккупантов. Разве не в этом железная, святая логика отечественной войны?

К концу первого дня Чехов увидел офицера, сразу было видно, что он важный чин. Офицер шел уверенно, и из всех домов выскакивали автоматчики, становились перед ним на вытяжку. И снова Чехов повернул дистанционный маховичок, поплыл кверху крест нитей. Офицер мотнул головой, упал боком, ботинками в сторону Чехова. Тот заметил, что ему легче стрелять в бегущего человека, легче, чем в стоящего—попадание получалось точно в голову. Он сделал и другое открытие, помогавшее ему стать невидимым для противника. Снайпер чаще всего обнаруживается при выстреле по вспышке, и Чехов стрелял всегда на фоне белой стены, не выдвигая дула винтовки до края стены сантиметров на 15—20. На белом фоне выстрел не был виден.

Снайпер Чехов желал теперь лишь одного — пусть немцы не ходят по Сталинграду во весь рост. И он добился своего. К концу первого дня немцы не ходили, а бегали. К концу второго дня они стали ползать. „Утренний солдат“ не пошел уже за водой для офицера. Дорожка, по которой немцы ходили за питьевой водой, стала пустынной—они отказались от свежей воды и пользовались гнилой, из котла. Вечером второго дня, нажимая на спусковой крючок, Чехов сказал: „Семнадцать“. В этот вечер немецкие автоматчики сидели без ужина. Чехов спустился вниз. Ребята завели патефон, ели кашу и слушали пластинку „Синенький скромный платочек“. Потом все пели хором: „Раскинулось море широко“. Немцы открыли бешеный огонь—били минометы, пушки, станковые пулеметы. Особенно упорно „гремели“ голодные автоматчики. Они уже больше не кричали „рус, ужинать“.

Всю ночь слышны были удары кирки и лопаты—немцы копали в мерзлой земле ход сообщения. На третье утро Чехов увидел множество изменений—немцы подвели две траншеи к асфальтовой ленте улицы—они отказались от воды, но хотели по этим траншейкам подтаскивать боеприпасы: „Вот я вас и пригнул к земле,"—подумал Чехов. Он сразу увидел в стене дома напротив маленькую амбразурку. Вчера ее не было. Чехов понял: „немецкий снайпер".

Послышался крик, топот сапог—автоматчики унесли снайпера, не успевшего сделать ни одного выстрела по Чехову. Чехов занялся траншеей. Немцы ползком пробирались до асфальта, перебегали асфальт и снова прыгали во вторую траншею. Чехов стал бить их в тот момент, когда они вылезали на асфальт. Первый немец пополз обратно в траншею, пополз медленно, словно неохотно. Он хоронился. „Вот я и вогнал тебя в землю",—сказал себе Чехов.

На восьмой день Чехов держал под контролем все дороги к немецким домам. Надо было менять позицию, немцы перестали ходить и стрелять. Он лежал на площадке и смотрел своими молодыми глазами на умерщвленный немцами Сталинград, юноша, жалевший бить „по живому" из рогатки, ставший по святой логике отечественной войны страшным человеком, мстителем.

З. КАЦ. М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

★

ДУША РАЗВАЛИН

(*Сталинградская быль*)

I.

Мотоцикл остановился у громоздких развалин пятиэтажного дома, из каретки выскочил узкоплечий, сутулый человек с „лейкой" через плечо и с металлическим штативом в руках.

— Отлично! Отлично!—пискливым голосом повторял он, суетливо устанавливая штатив.

— Отто,—обратился он к водителю мотоцикла,—возьмите в моем портфеле флаг и прикрепите к правой лестничной клетке,—она почти уцелела. Абер шнеллер!

Пока солдат прикреплял флаг, фоторепортер „Остфронт" Вилли Гляубе любовался панорамой будущего снимка.

Он уже видел ее на второй странице газеты с подтекстовкой, которую сейчас придумал:

„Вот что сделали немецкие бомбы! Над развалинами Сталинграда развевается наш флаг, как символ победы".

Фоторепортеру очень нравилось то, что квартал вокруг дома выгорел до тла, и развалины громоздятся на фоне медленно плывущих осенних туч; а больше всего ему нравилось то, что дом этот находится в тылу и снимать здесь совсем безопасно...

— Готово!—крикнул солдат, и Вилли Гляубе нацелился фотоаппаратом на флаг, на ступени лестницы, на темный обвал фасада.

Но прежде, чем успел щелкнуть аппарат, раздался выстрел, и фоторепортер замертво упал, опрокинув штатив.

Солдат-водитель бросился к мотоциклу, но не успел поставить ногу на педаль, как прогремели еще два выстрела, и солдат привалился простреленным черепом к неподвижным колесам.

II.

— Чепуха! Не может быть! Эта часть города давно нами завоевана!—сказал комендант участка, обер-лейтенант фон Штибель, когда ему доложили о случае с фоторепортером „Ост фронт". Он приказал обыскать развалины и на всякий случай поставить у дома часового.

Солдаты комендантского взвода до вечера рыскали в руинах, ничего не обнаружили и, оставив одного караульного, ушли.

Когда в одиннадцать часов вечера пришла смена караула, флага уже не было, а часовой навзничь лежал на панели и рядом валялась его каска, пробитая меткой пулей.

Комендант пришел в ярость. Он приказал удвоить караулы и усилить наблюдение за грозными развалинами. Но ничего не помогало! Три дня подряд чья-то верная и беспощадная рука снимала часовых. Развалины дома оставались попрежнему пустынными и нелюдимыми. Комендант струсил. Он начал их бояться.

— Тут какая-то чертовщина!— растерянно бормотал обер-лейтенант фон Штибель.

— Не иначе, как у этих развалин есть душа, бешеная русская душа!—говорили немецкие солдаты и далеко обходили разрушенный дом, гневно поднявший в дымное небо черные радуги железных стропил.

III.

В блиндаже обер-лейтенанта фон Штибеля ярко горела крохотная электрическая лампочка. Стены блиндажа были

обиты коврами, взятыми из окрестных квартир. На кожаном диване сидели офицеры. Они уже были навеселе. Хозяин стоял у стола, заставленного консервными банками и бутылками.

— Все-таки это очень нелюбезно с вашей стороны!— сказал он сидевшему на диване лейтенанту Ганнеру,— приехать из Парижа и привезти только две бутылки бургундского!

— Во-первых, как вам известно, я не приехал, а прилетел,—возразил белобрысый офицер с черными нафабренными усиками „а-ля фюрер“.—Во-вторых, нам ничего не разрешали брать с собой. Не понимаю, что за спешка?!

— Вот посидел бы тут, так узнал бы, что за спешка!..—угрюмо отозвался кто-то из угла.

— Нет, нет, господа!—вскакивая с дивана, закричал Ганнер,—я думал, что Сталинград—это гораздо страшнее, я приятно разочарован.

Действительно Ганнер приехал в окруженный Сталинград в сравнительно тихий день. На фронт он попал впервые. Военную школу Ганнер кончал в Италии, стажировал в Голландии, часть, в которую он был назначен, формировалась во Франции. Еще несколько дней тому назад война была от него бесконечно далеко, и теперь он никак не мог себе представить, что очутился на фронте, на войне.

Хмельной, разгоряченный, он долго бы еще болтал, если бы в дверях не появился обер-ефрейтор.

— Позвольте доложить, гер обер-лейтенант,—отчеканил он, обращаясь к фон Штибелю,—задержан мальчик.

— Сколько лет?

— 12 или 13.

— Обыскали?

— Да, это настоящий преступник! Мы отняли у него две коробки патронов и буханку хлеба...

— Что он показал?

— Он молчит, как рыба. Это бес, а не мальчик! Мы вспотели, но ничего не узнали.

— Кончайте! Все равно ничего не добьетесь. Я их знаю. Идите!..

Когда обер-ефрейтор ушел, фон Штибель хмуро сказал:

— О, это — Сталинград! Здесь все воюет, даже дети. Здесь камни—и те стреляют!..

— Нет, господа! Честное слово: вы преувеличиваете!— снова затараторил белобрысый Ганнер.

— Что ж, если ты такой храбрый,—опять раздался хмурый голос из угла,—так может ты сходишь к развалинам дома на соседней улице?

— Пойду, куда угодно пойду! Я солдат фюрера. Не запугаете!

Он сорвал с вешалки пилотку и выбежал из блиндажа. Все рассмеялись. Когда смех утих, фон Штибель налил стакан вина и весело сказал:

— Выпьем за упокой души Роберта Ганнера!

IV.

Но Роберт Ганнер вернулся цел и невредим. Для Штибеля и его друзей шутка становилась рискованной. Этот белобрысый мальчишка мог теперь упрекнуть их, старых фронтовиков, в непозволительной трусости. Офицеры пили всю ночь, но прежнего веселья не было. На рассвете усилилась канонада. Окончательно охмелевший Ганнер тупо повторял:

— Трусы, трусы! Вы боитесь мертвых камней!..

Наконец, фон Штибель не стерпел. Надо было спасать репутацию. Белобрысый мог раззвонить эту пакостную историю всему гарнизону. К тому же,—решил фон Штибель, — повидимому, таинственный снайпер покинул эти развалины и теперь они совсем безопасны. Он решительно встал:

— Мы все пойдем туда!

Через десять минут офицеры были возле таинственного дома. Развалины чернели на фоне рассветного неба. Офицеры с опаской разглядывали их.

— Вот видите! — злорадствовал Ганнер. — Камни есть камни, они не стре...

Он не успел закончить. Три злых коротких очереди прощелкали одна за другой. Ни один из пяти офицеров не ушел от грозных развалин.

V.

Когда декабрьским морозным утром мы пошли в наступление, этот выжженный квартал с одинокими руинами пятиэтажного дома немцы сдали почти без боя.

Как только мы подошли вплотную к дому, навстречу нам из полуразрушенного подъезда вышли женщина и старик. От волнения они долго ничего не могли сказать.

Старик молча вытирал сухие глаза, а женщина (она была еще совсем молодой, но казалась старухой), то плача, то смеясь, припадала к шершавым шинелям бойцов.

— Милые, родные,—шептала она и все спрашивала:

— Нет ли с вами мальчика, курчавый такой. Володей звать. И ватник на нем отцовский? Может видели где?..

Потом женщина рассказала нам все по порядку:

— Я была на заводе, когда немец начал бомбить наш квартал. Еще свистели бомбы, когда я прибежала к дому.

Володя и мой отец выбежали навстречу. Они были бледны и ничего не могли сказать, но по глазам я увидела: большая беда случилась. Где Светочка?—спросила я и опрометью бросилась на второй этаж. Но лестница была завалена обломками и под ними осталась моя маленькая дочурка. Она родилась уже после того, как муж ушел на фронт. Муж все беспокоился о ней в каждом письме. У нее были голубые глаза и светлые волосы такие же, как у отца...

Я взглянула на обломки и поняла — сердце мое похоронено там, теперь мне никуда не уйти. Я не слышала, как свистели и падали бомбы. Я хотела отрыть мою дочурку, исцарапала руки в кровь, перетаскала десятки пудов щебня и кирпичей, но Светочку не отрыла.

Люди бежали к переправе, совсем близко стреляли, а я, как заколдованная, не могла уйти от развалин нашего дома. Напрасно мой отец и Володя звали меня. Я сказала им: я хочу умереть там, где погибла Светочка.

Сколько прошло времени — не знаю. Утром как-то я вышла из подвала и увидела на улице немца. Убийца моего ребенка стоял в нескольких шагах от меня. Кровавыми слезами плакала я от того, что была бессильна, безоружна и ничего не могла с ним сделать. И тогда я почувствовала, что могу убить немца сама, своими руками, я почувствовала, что умру от горя, если не сделаю этого.

Вечером Володя откуда-то принес русскую винтовку и несколько обойм патронов. Отец мой, старый солдат, в первую войну с немцами воевал. Он научил меня, как надо обращаться с ружьем. Фронт отодвинулся от нашего дома. Мы не ушли из развалин...

Первым я убила какого-то плюгавого немца-фотографа, потом солдата, что вместе с ним приехал наше горе фотографировать. Они вывесили свой чортов флаг — Володя сорвал его. Немцы обшарили весь дом, часовых поставили. Но мы этих часовых одного за другим снимали. Отлегло у меня от сердца, легче стало дышать. Каждую неделю Володя уходил и приносил от наших хлеба и патроны. Несколько дней тому назад он ушел с вечера и не вернулся. Я ждала его всю ночь, весь день, у нас уже не было ни корки хлеба, ни одного патрона. Правда, и немцы перестали нас навещать. Но в тот вечер, когда мы ждали Володю, к дому подошел какой-то белобрысый хлыщ. Крутился тут, разглядывал, а я снова плакала от обиды, что нет у меня ни одного патрона, что уйдет этот немец живым от нашего дома.

Отец ушел разыскивать Володю, не нашел его и вернулся к рассвету с немецким автоматом—подобрал где-то. Утром белобрысый хлыщ опять пришел и не один, а с

целой компанией. „По наши души, наверно, пришли“, — подумала я. Приложилась к хитрому немецкому ружью, думала, хоть одного убью, а вышло счастливо — всех уложила!

Мы молча слушали ее рассказ. Казалось, само горе великого города говорит с нами голосом этой женщины. Потом мы ушли вперед. Жестокие бои захватили нас. Среди боевых забот мы как-то забыли о встрече с женщиной-мстительницей. Но вчера мы взяли пленного. Он рассказал о том, что в немецком тылу опять появились „развалины, которые стреляют“.

Мы знаем теперь—в них живет бессмертная мстительная душа этой простой русской женщины.

Майор В. КОРОТЕЕВ

★

ВОЛГАРЬ

Командира тяжелого миномета Ивана Полякова на батарее с уважением называли отцом, не потому, что Поляков по возрасту старше других бойцов. „Отец“ выглядел довольно молодо для своих сорока с лишним лет, и лишь морщины, прорезавшие лицо, говорили, что он прожил большую жизнь. Свыше четверти века назад Поляков уже был солдатом, он воевал с германцем под Слуцком и Пинском, а в 1918 году вступил в ряды второго царицынского полка и защищал родной город в дни его осады.

Шутка сказать! Сколько лет прошло с той поры. За это время много воды утекло в Волге, но Полякову кажется иногда, что все это было вчера... Он сравнивает прошлые и нынешние дни, и многое сегодня напоминает ему восемнадцатый год: и подковой стиснутый город, и холодный октябрьский ветер, и громовые раскаты артиллерии. Волга течет у города такая же широкая, и кровь струится повсюду... Только был Поляков тогда стрелком, сейчас стал минометчиком. Только не было тогда такого страшного огня, не было и „музыкантов“, как прозвали бойцы немецких пикировщиков за их вой. Не было и этих пожарищ вокруг.

Все места прошлых сражений Полякову хорошо знакомы. Он знает город и окрестности Сталинграда, как свои пять пальцев. Не было в городе почти ни одного нового дома, в который он, искусный плотник, не забил бы свой

гвоздь, не поставил раму, двери. Он гордился тем, что строил почти все основные цехи Тракторного завода и в награду получил две почетных грамоты. Он строил дома во всех уголках Сталинграда — на Балканах и Даргоре, Бекетовке и Ельшанке, в „Малой Франции" и „Большой Франции", на Верхнем и Нижнем поселке Тракторного, в поселке „Красного Октября". Весь город был для него одним гигантским домом, в котором он знал каждую комнату, каждый этаж. Он воевал с немцами в своем родном доме.

Поляков был влюблен в свою гражданскую профессию и часто с увлечением рассказывал бойцам о красоте плотничьего труда. Как радуешься, когда возводишь леса нового здания, стоишь наверху, посмотришь вокруг—широта! Город видишь, сколько настроили заводов, сколько насадили садов и парков. Волга рядом течет могучая, полноводная, светлая...

Своих минометчиков Поляков знал по их прежним профессиям. Заряжающий Игнатов был слесарем, подносчик мин Курдюков—обрубщиком, боец Юнкин—арматурщиком. На войну „отец" смотрел, как на работу, тяжелую работу—она требует много труда, умения и сметки. Часто нужно перетаскивать тяжелый ствол и опорную плиту миномета, ящики с минами. Днем в городе подносить мины к огневой позиции почти невозможно—это стоило слишком многих жертв. Мины поэтому запасали ночью. Нужно было сто мин—Поляков запасал полтораста-двести.

— Жаден ты, отец,—говорили ребята.

Но жадность эта была оправдана—по опыту Поляков знал, что день будет горячим, мин может нехватить, и придется тогда носить их днем, под огнем противника. Это будет стоить лишней крови, и весь расчет запасал мины почти всю ночь. Люди валились с ног от усталости. Спать приходилось не больше трех часов в сутки, а с утра начиналась боевая работа. Она продолжалась до темноты. Но никто не жаловался на усталость, люди понимали—иначе нельзя.

Иногда в бою Полякову казалось, что он находится на строительной площадке, где тучей вьется пыль, стоит оглушительный грохот железа, скрежет камнедробилок и бетономешалок. Но это была не стройка, это была война—стихия разрушения, из которой снова должно возникнуть светлое здание нашей жизни.

Ни в одном расчете не было такого прочного и уютного блиндажа, как в расчете Полякова. Вырытый на склоне широкого крутого оврага, с толстым настилом в четыре наката, блиндаж был хорошим и почти безопасным укрытием от немецких мин и бомб и удобным минометным

гнездом. На дверях блиндажа „отец" приклеил вырезку из газеты с очень понравившимися ему словами Суворова: „Бей неприятеля, не щади ни его, ни самого себя, дерись зло, дерись до смерти, побеждает тот, кто меньше себя жалеет". В минуты затишья в блиндаже собираются бойцы. Им интересно послушать старого солдата, много повидавшего на своем веку. Поляков для них — это живая история Царицынской обороны. Он — биография славного города, который они защищают. „Отец" показывал бойцам места прошлых боев, рассказывал, как отбивали тогда атаки красновцев, как туго было с патронами и снарядами, как приехал Сталин, и с ним защитники города почувствовали себя вдесятеро сильнее.

— А с товарищем Сталиным разговаривать не довелось? — спрашивал Полякова кто-нибудь из молодых минометчиков.

— Не хвалюсь, ребята, со Сталиным разговора у меня не было, а близко его видел и в городе, и в окопах с Колей Рудневым. С Пархоменко пришлось несколько раз говорить.

Иван Поляков любит вспоминать, как он жил в Сталинграде до войны. Работал бригадиром на „Красном Октябре", зарабатывал неплохо, свой домик имел, вишневый сад. Росли дети, старший сын Юрий учился в тракторном техникуме, дочь Таисия в химическом. Город, его город рос, как в сказке. Такую жизнь стоило завоевывать тогда, четверть века назад, и тем более драться за нее теперь!

Страстный патриот родного города, Поляков гордился его историей, его славой, его работой. Он был доволен, что минометы в батарее были свои, сталинградские. И мины тоже сделаны на родном заводе. И большинство бойцов его батареи были земляками — баррикадцами, тракторозаводцами, краснооктябрьцами. Все они — и рябоватый слесарь Игнатов, и лысый арматурщик Юнкин, и веселый здоровяк Четверик, и дюжий старшина Токарев, и стекольщик Савин, и обрубщик Курдюков были честные, разумные парни, храбрые и дисциплинированные бойцы. Они только недавно надели красноармейские шинели, и командир дивизиона майор Цыганков называл их рабочей гвардией. Тяжелые минометы точно били по целям, обрушивая на врага убийственный навесный огонь. Многому молодые бойцы научились у Полякова. Посмеиваясь, он рассказывает, что лишь однажды его ребята сробели, да и то не перед немецкой, а перед своей миной. Она застряла в стволе. Нужно было ее вытащить.

— Ну, я снял ствол с опорной плиты, наклонил его и тихонько выталкиваю мину. Смотрю на ребят, а они лежат, глядят во все глаза, не шелохнутся. Вот, думаю, вроде не

из робких парни, немца не боятся, а от своей мины сробели. Вытащил я мину, зарядил и отправил к немцам, что бы не пропала зря. Спрашиваю: „Вы что трясетесь?". А Юнкин отвечает: „Да мы ее силу знаем, как грохнет, значит блин..." А сами смеются.

По дну оврага протекает маленький ручей. На гребне оврага стоял деревянный павильон. Сюда, бывало, Поляков заходил после работы выпить кружку пива... Четвертый день батарея не меняла огневой позиции. Немцы уже обнаружили ее и засыпали овраг минами, бомбили с воздуха. Но менять огневую позицию было невозможно. Слева — немцы, позади — Волга. Вылезать из оврага на ровную площадь справа — значит погубить миномет. Приходилось сидеть на месте. Опять прилетели „музыканты-визгуны" и сбросили несколько десятков бомб. Загорелись баржи на берегу. Столб густого дыма вырос над гребнем оврага и поднялся высоко в небо... Один за другим выбывали из строя минометчики — свои и соседних расчетов. За свой долгий солдатский век Поляков видел немало смертей, но каждый раз гибель товарища волновала его сердце. Вот смертельно ранен Кабаков, осколок пробил ему грудь. Розовая кровь пузырится у него на губах. Ранен старшина Токарев. Он не захотел уходить в санбат: „Я еще могу драться". Минометчики не сошли с поста. Нужно было отбить атаку немцев.

— Видишь большой белый дом за элеватором, — спрашивал Полякова младший лейтенант Моторин, — за ним дом под красной крышей? Бей по красному дому, там автоматчики и орудие немецкое, целься лучше, пушка эта житья нашим не дает.

Как же плотнику Полякову не знать красного дома за элеватором. Два года назад он строил этот дом. Кто поймет сердце человека, которому приходится разрушать здание, построенное им самим и чудом уцелевшее среди других. Но в доме был враг, и некогда было думать. Поляков особенно тщательно определил расстояние, поставил прицел, сам зарядил миномет, и через мгновенье дом под красной крышей исчез в облаке серого дыма.

...Командир дивизиона приказал Полякову взять четырех бойцов и съездить на завод за минами. Поляков сидел в кабине рядом с шофером. Тяжко вздыхая, смотрел он на страшные картины обезображенного города — огромные пепелища, разбитые в щепки дома, изрытые воронками улицы. Вот обгорелые стены универмага с чудом сохранившейся зеленой вывеской: „Универмаг открыт от 9 часов утра до 6 часов вечера". Вот большой белый дом, разрушенный прямым попаданием фугаски. Поляков вспомнил, с какой торопливостью строили они его. Подъемников не

было. На себе таскали балки и стропила, уставали, но были довольны, что за два месяца „отгрохали" здание. Война шла в квартирах сталинградских инженеров, в домах рабочих, обсаженных вишнями и кленом, в оврагах и парках, на широких площадях, залитых асфальтом. Минометчик смотрел и думал: сколько богатства гибнет, сколько приходится делать расхода на немцев. Ему казалось, что город — это он сам, и каждая немецкая бомба, каждый снаряд бьет по его телу. Город был его жизнью и смертью. Сейчас он напоминал собою огромное кладбище, где каждый дом — скелет.

Был ясный день, но над Сталинградом нависли дымные тучи пожаров. Третий месяц люди не видят настоящего цвета неба над городом. Чем ближе подъезжал Поляков к заводу, тем яростнее и тоскливее становилось на душе. Вот и родная улица. Поляков вспомнил ту ночь, когда немецкая бомба разрушила его домик. Он спал в маленьком вишневом саду. Жену и двух маленьких сыновей он поместил в погребе. Ночью, когда началась тревога, плотник разбудил сына:

— Юрий, идем в погреб?

Сын натянул на себя одеяло и недовольно пробурчал:

— Опять погреб...

В эту минуту над головой раздался свист, и невдалеке упала бомба. Взрывная волна отбросила обоих к изгороди.

Утром в разрушенном домике плотник нашел под кроватью семейную фотографию и спрятал ее в карман. Внутри у него все кипело. В тот же день Поляков ушел на фронт. Вскоре стал минометчиком, и у кладбища, где второй царицынский полк отбивал атаки красновцев, бывший боец этого полка Иван Поляков дал первые выстрелы из тяжелого миномета...

Пока грузили машину, Поляков побежал узнать, где его семья. На углу Гранитной он встретил смуглого босоногого мальчугана с мешком за плечами. Поляков узнал маленького сына знакомого машиниста.

— Куда это ты, Толя? — спросил он мальчика.

— За Волгу!

— А отец где?

Мальчик опустил глаза, видно было, что он напрягает силенки, чтобы не расплакаться. Отца убило осколком бомбы.

— Ничего, Толя, — сказал старый солдат, — не плачь, я им дам!

Как он еще мог утешить мальчика? Подошла старуха-соседка. Она тащила огромный узел.

— Сжег меня немец, Иван Семенович. Сидела в доме, не хотела уходить за Волгу, угол-то свой, понимаешь сам,

бросать жалко. А сейчас одни уголечки остались от дома. Вот все именье мое! — Старуха с ожесточением толкнула свой узел. — А твои уехали за Волгу, видела их.

Она взвалила на спину большой, вдвое больше ее, узел, и они пошли — осиротевший мальчик и бездомная старуха.

Минометчик проводил их долгим взглядом, затем, вспомнив, что его ждут, сразу заторопился. Всю дорогу он торопил шофера. Его душа жаждала одного — бить немца, бить за слезы детей, за уголечки сожженного дома соседки, за израненный и сожженный Сталинград. Вечером Поляков доставил мины на огневую позицию. Он не спал уже трое суток и не мог уснуть. Он ворочался, вспоминал свою поездку на завод, думал о семье. Потом мысли заняло другое — сколько времени надо, чтобы залечить раны города, отстроить его. Лишь бы материал был — мы за два-три года построим город.

Юнкин, бывший арматурщик, стоял часовым. Он посмотрел на Полякова и покачал головой.

— Спи, отец, скоро рассвет, утром опять драка будет.

З. КАЦ, М. ТАЛАЛАЕВСКИЙ

★

ЗОЛОТАЯ НАШИВКА

В землянке, неподалеку от переправы, было тесно и сумрачно. В узкое оконце виднелась неласковая студеная синева Волги и мохнатый край осенней тучи над самой водой.

Мы ждали катера. Сталинград был совсем близко. Мы слышали боевой шум его улиц. Ветер, налетевший с Волги, обдавал нас гарью.

В землянку вошел боец с вещевой сумкой за плечами. Потому, как ладно сидела на нем шинель, как ловко протиснулся он к печурке, как дружелюбно предложил соседям свой огромный кисет, мы поняли—это бывалый воин.

— До темна не уедем,—деловито сказал он, вылавливая уголек из печурки. Пламя осветило его лицо. Резко обозначились хмурые морщины на лбу, глубоко сидящие веселые глаза и рыжеватые усы, задымленные солдатской махоркой. От веселой общительности этого человека в землянке, казалось, стало и светлее и уютнее. Как-то сам по-себе наладился разговор. Выяснилось, что многие из бойцов, ожидающие переправы,—впервые едут в Сталинград.

— Что ж, познакомимся...—сказал рыжеусый боец,—зовут Петром, а фамилия—Долина. Из Полтавщины, может слыхали, Решетиловка. Знаменито село наше кожухами и вышивками. Да не об этом сейчас разговор...—И лицо его стало грустным и строгим.—Сейчас все мы—сталинградские...

Он умолк и задумался. Но мы уже успели привыкнуть к его мягкому говорку и очень хотелось, чтобы он снова заговорил.

— Месяц, пожалуй, не был я в Сталинграде. Аж совестно за такую отлучку от фронта. Но тут медицина виновата. Уж очень она медленно лечит. Раненый я был. Теперь к себе в часть вертаюсь.

— А как тебя ранило, папаша?—спросил молоденький боец.

Петро Долина словно ожидал этого вопроса. Он весь выпрямился, взволнованно привстал и обвел всех нас глазами.

— Служил я в роте лейтенанта Голубева. Очень к нему эта фамилия шла—голубоглазый был, светловолосый и вообще в жизни человек стеснительный. Но на службе—дуже строгий. Бывало, встретит меня, оглянет с головы до ног и скажет: „Подтянись, медицина!"—а сам вспыхнет, как дивчина, — соромно как-то ему, двадцатилетнему хлопцу, мне замечания делать. В папаши я ему гожусь. Осмотрю я себя и вижу: действительно — да! Пряжка на боку, а сумка санитарная, как торба, болтается. — Извиняюсь, говорю, товарищ лейтенант, военной формы еще не имею.

А медициной звал он меня потому, что был я в роте санинструктором. Все свою причину имеет: как узнали в роте, что до войны я служил в решетиловской больнице, возил районного врача Андрея Захаровича и при нем вроде санитара состоял, — как узнали, говорят, к медицине имеешь отношение, и назначили санинструктором. Великая это обязанность. Она души требует от человека.

Сами знаете: много боли война приносит. Как шли мы с Украины, пыль стояла на шляхах. На душу легла нам эта пылюка. И тут-то сообразил я, до чего трудная медицинская наша обязанность. Злость на немца кипит, душа в бой тянется. Только немецкой кровью с нее обиду и смоешь—так нет же! Все сражаются, а ты—только выручай их, если с кем беда случится.

Много раз просил я нашего лейтенанта Голубева: пустите в бой, душа горит. А он улыбками меня успокаивает: —Оставайся, говорит, при медицине. Так и дошли мы до Сталинграда. Дошли и стали. И каждый, будто окаменел. Украинцев много у нас. Глядят на Волгу, а про Днепро думают. Пускает на нас немец танки, самолетами сверху глушит, рушатся здания—ой, какие здания, хлопцы! Бетон

рассыпается, а люди стоят. Позиция наша была на площади. Красивая такая площадь. Исковырял ее немец бомбами и снарядами, сжег молодой сад, навалил кругом горы немецкой падали, а к нам подступиться не может.

На рассвете решил лейтенант выбить немца из двух домов, что как раз напротив нашей позиции. Хлопцы наши встали и вихрем понеслись. А я глаз не спускаю с нашего лейтенанта. Вижу, он уже у самого дома, то поднимается, то упадет и следом за ним, как хвыли, и наши хлопцы перекатываются вперед.

И вдруг замечаю: хлопцы поднялись, а лейтенант лежит.

Немчура, видно, заметила, кто он такой, наш светловолосый хлопец, на особую мушку взяла, всяким огнем осыпает. Бросился я к лейтенанту, а вокруг него такое полымя, что пробиться трудно. Еле добежал. Уже кровь видел на груди лейтенанта, хотел упасть на него, закрыть своим телом, но не успел я склониться к нему, как ударило его осколком прямо по золотой голове...

Петр Долина умолк. Волнение мешало ему говорить. В землянку входили бойцы. Те, кому нехватало места внутри, сгрудились у входа. Ни слушатели, ни рассказчик этого почти не заметили. Никто не нарушил тишины. Петро Долина прикурил от печки потухшую цигарку, сделал несколько глубоких затяжек и продолжал:

— И вот припал я к лейтенанту, почуял последнее его тепло и заплакал. Смешались мои слезы с его кровью. Слышу я, хлопцы наши „ура" кричат. Разбудил меня их голос. Взял я лейтенанта и, как дитя малесенькое, отнес к нашим окопам. Все мне сдавалось, будто, шепчут губы его, залитые кровью:

— Эх ты, медицина, опоздал...

Но в бою, сами знаете, оплакивать некогда. Да и злость что накипела в сердце за все пятнадцать месяцев войны, подступила к горлу, дыхнуть не дает. Взял я автомат нашего лейтенанта. Прощай, говорю, голубе сизый, не доглядел я тебя...

Поцеловал я его в окровавленные губы и кинулся к дому.

У дверей увидал взводного.

Освободите, говорю, от санитарной обязанности, позвольте итти в бой.

Не стал меня взводный удерживать—по глазам увидал, что у меня на душе. Сдал я санитарную сумку и пошел.

А бой, как пожар, носился по дому, по лестнице взбегал, из коридоров в комнаты рвался. На третьем поверхе и мой час настал. Стрелял я немцев в упор, бил прикладом по башкам, наземь валил, ногами топтал, злость и обиду вымещал за Решетиловку, за Украину, за лейтенанта,

потом потемнело у меня в глазах, свалился я и больше ничего не помню. Опамятовался в госпитале. А когда выписывали, дали справку и вот на гимнастерку золотую лычку пришили за тяжелое ранение. А я говорю доктору:

— Пришейте мне вторую. Не за себя прошу—грудь мне обожгла кровь героя, нашего лейтенанта. Нет его в живых. Нашейте мне вторую...

И вдруг из темного угла мы услышали молодой негромкий голос:

— И нашили другую лычку?

— Да нет,—ответил Петро Долина.

— И правильно сделали, — громче прозвучал тот же молодой голос,—у меня своя есть... Эх, ты, медицина!

Петр Долина сорвался с места, бросился в угол и ликующе закричал:

— Голубе сизый, лейтенант! Як же вы?..

Мы встали на ноги, мы расступились, словно хотели дать место огромной человеческой радости, охватившей лейтенанта Голубева и санинструктора Петра Долину. Они то бросались друг другу в объятия, то снова принимались рассматривать друг друга при желтом свете печурки.

— Ах, ты, медицина!

— Голубе сизый! Як же вы так?

— Вынесли все-таки меня, Петро Григорьевич,—услышали мы отрывистые объяснения лейтенанта.—Сначала отказывалась медицина... Все-таки крепкий я... выжил. Что ж, вместе, значит, в часть?..

— На переправу!—раздался чей-то зычный голос.

Мы вышли из землянки. Небо над Волгой потемнело. И только на западе горела узкая золотая полоска заката, точь в точь такая, как нашивка на гимнастерках Петра Долины и лейтенанта Голубева.

Еф. МЕЙЕРОВИЧ

★

СТО ДНЕЙ

23 августа война прорвалась в город на крыльях скоростных бомбардировщиков и, лязгая гусеницами танков, устремилась к его заводским окраинам.

Грозный гул бомбардировщиков в мгновенье заглушил городские и заводские шумы. Завыли сирены—и не стало слышно гула самолетов. Начали бить зенитки—и в оглу-

шительной их стрельбе потонул вой сирен. Когда же стали рваться бомбы, то грохот разрывов перекрыл все. Сбросив на город страшный груз смерти, бомбардировщики,— те, которые не были повержены на землю нашими зенитками и истребителями,—улетели. На смену им в небе появлялись новые и новые волны машин с черными крестами на плоскостях. Город горел. Утром над этим гигантским пылающим факелом вновь появились бомбардировщики. Злая сила замыслила стереть город с лица земли и, казалось, ничто не в состоянии ей воспрепятствовать. Но на защиту Сталинграда стали сталинградцы.

Мужчины недвижимо, как часовые, стояли на постах воздушного наблюдения и спокойно докладывали в телефонную трубку: „Самолет пикирует на меня". Женщины выносили детей из развалин и под разрывами бомб перевязывали раненых. Сталинградцы тушили пожары, строили баррикады и вооружали рабочие отряды.

Главный же подвиг сталинградцев заключался в том, что они продолжали работать. Бомбы попадали в цех, сталинградцы убирали убитых — и продолжали работать. Осколки ломали станки, они ремонтировали машины — и продолжали работать. Они продолжали работать и тогда, когда из окон завода уже видны были закованные в сталь фашистские машины. С заводского конвейера один за другим сходили танки и за воротами породившего их завода вступали в бой.

Гитлер торопился. Ему необходимо было взять Сталинград, чтобы удержать Ростов и Киев. Ему необходимо было прорваться к Волге, чтобы удержаться на Дону и на Днепре. Такова неумолимая логика захватнической войны.

Немцы наступали потому, что остановка в наступлении означала бы для них начало конца. Им надо было взять Сталинград во что бы то ни стало, — чтобы разрезать Россию надвое, чтобы лишить ее приволжского хлеба, чтобы высвободить силы для завоевания Кавказа. Их главная цель заключалась в том, чтобы зайти в тыл Москве и поставить наш народ на колени. Таков был их замысел.

Гитлер спешил. По его планам Сталинград должен был быть взят 25 июля, но только 23 августа передовые немецкие части увидели окраины города. Чтобы наверстать упущенное время, Гитлер бросил на Волгу около миллиона своих солдат, не менее тысячи танков, более тысячи самолетов, около двух тысяч орудий. Можно ли устоять против таранного удара такой силы? Немецкие генералы прикидывали: сколько может сопротивляться город? День? Два? Неделю? Генералы плохо считали: за 14 месяцев войны против нас они ничему не научились. Их подвела разведка; она, может быть, сообщила гитлеровским генералам, сколько

у нас полков под Сталинградом, но она не сообщила им меру стойкости советского воина.

Стойкость защитников Сталинграда оказалась безмерной.

Простой окоп шириной в девяносто сантиметров, пока в этом окопе оставался хоть один вооруженный красноармеец, становился для немцев непроходимее, чем железобетонные форты грозной линии Мажино. В боях за один квартал Сталинграда немцы теряли больше живой силы и техники, чем в сражениях за некоторые из покоренных ими европейских государств. Сталинградский дом порой сопротивлялся немцам дольше, чем иные европейские столицы.

Сентябрьский натиск гитлеровцев был страшен, но защитники города, крепко стиснув зубы, сказали себе, всей стране, всему миру:

— Они не пройдут!

Они не пройдут — потому что Сталинград защищает весь советский народ, потому что один сталинградский дом защищают русский Павлов, украинец Глущенко, грузин Мосияшвили, узбек Тургунов, казах Мурзаев, абхазец Сукба, таджик Турдыев, татарин Рамазанов.

Доблестные дела защитников города венчает подвиг тридцати трех героев. Сейчас все знают о том, как тридцать три советских богатыря отразили натиск 70 танков и уничтожили 27 из них. Это — подвиг 1942 года, второго года отечественной войны, подобно тому, как сражение 28 панфиловцев с вражескими танками на разъезде Дубосеково было подвигом 1941 года, первого года отечественной войны. Панфиловцы победили и погибли, сталинградцы победили — и остались жить.

Сколько трупов положили немцы за каждый шаг продвижения в городе? Сколько килограммов металла понадобилось им сбросить на каждый квадратный метр, чтобы захватить этот квадратный метр сталинградской земли? Сколько ими выпущено снарядов, мин и пуль, чтобы овладеть одним сталинградским домом? Когда-нибудь все это будет подсчитано, а сейчас иные цифры потрясают современников сталинградской обороны.

Минометчик Себро убил 100 немцев; он оставался один в расчете. Пулеметчик Бойченко расстрелял в бою 300 немцев; это был его последний бой; сраженный вражеской пулей, он, мертвый, не отпускал гашетку; пулемет продолжал убивать немцев, пока не кончилась лента. Девять бойцов во главе с лейтенантом Мурашом за день и за ночь отбили восемнадцать атак противника; они защищали небольшой холм; за сутки рядом с этим холмом вырос еще один — трупы более чем 200 фашистов.

Старший лейтенант Бондаренко скомандовал своей батарее: „Огонь на меня!“ Он знал, что его артиллеристы стреляют метко; он знал также, что 32 танка противника вышли на гребень и стали рядом с его наблюдательным пунктом; он погиб, 16 немецких танков были подбиты и сожжены. Этот подвиг можно было бы назвать неповторимым, но он был повторен. Через несколько дней связист Азаров вызвал на себя огонь своей артиллерии, чтобы уничтожить окружавших его немцев.

Четыре гвардейца—Петр Буйный, Иван Белик, Тимофей Коломейчук и Иван Никитин отбили 4 атаки вражеского батальона. Этот подвиг можно было бы назвать непревзойденным, но он был превзойден. Через несколько дней атаку батальона отразили два бойца пулеметного взвода—Начирнер и Таракуль.

Эти подвиги поразительны. Но еще поразительнее то, что подобных подвигов совершилось десятки, сотни, тысячи. Героизм стал бытом защитников города, презрение к смерти было и остается законом их жизни.

Сталинградское сражение громким эхом отозвалось во всем мире. По мере того, как шли дни, внимание к боям в Сталинграде сменилось удивлением перед мужеством его защитников, удивление—восхищением. Сталинград стал в глазах мирового общественного мнения символом стойкости и возросшей мощи Красной Армии.

Однако, для многочисленных зарубежных выступлений характерно не только восхищение стойкостью сталинградцев, но и нечто более существенное: кровная заинтересованность в ходе и исходе сталинградского сражения. „Сталинград,—писали американцы,—это осажденная крепость человечества“. „Сталинград борется,—писали англичане,—не только за будущее советского народа, но и за будущее всего человечества“.

Мир измерял подвиг сталинградцев не только количеством убитых ими немцев и уничтоженных ими танков, но и количеством дней, которые немцы теряют под Сталинградом и которые выигрывают союзники для подготовки удара.

Мир следил с напряженным вниманием, сколько еще сможет продержаться Сталинград?

Сводки Совинформбюро попрежнему сообщали: „В районе Сталинграда происходят ожесточенные бои с противником“.

Гитлер нервничал. Теперь от исхода боев за Сталинград зависела военно-политическая репутация нацистской Германии. 2 октября он выступил по радио и в обычной своей кликушеской манере прокричал, что Сталинград будет взят во что бы то ни стало в самое ближайшее время.

Подтянув резервы, немцы 14 октября начали новое ожесточенное наступление на Сталинград. Город атаковали 22 немецких дивизии, 15 пехотных, 4 танковых и 3 мотопехотных. Город обстреливали из 1200 орудий и 800 минометов. Город штурмовали 700 самолетов.

Сталинград не сдавался. На натиск врага защитники города отвечали стойкостью, на атаку—контратакой, на выстрел—залпом.

Армия генерал-лейтенанта Чуйкова приняла на себя этот страшный удар—и не отдала немцам город. Гвардейцы генерал-майора Родимцева, сражавшиеся в Сталинграде непрерывно с 15 сентября, стояли крепко, стояли нерушимо—и выстояли. Сибиряки полковника Гуртьева отбили одну за другой 117 атак противника—и не пустили немцев к Волге. Бойцы полковника Горохова, окруженные с трех сторон немцами, а с четвертой—рекой, отражали натиск врага—и не отдали волжского берега.

23 октября стало ясно, что и это наступление немцев провалилось. В этот день исполнилось два месяца обороны Сталинграда. За два месяца немцы потеряли под Сталинградом 142 тысячи солдат и офицеров убитыми, 1000 самолетов, 800 танков.

Они не прошли.

Гитлер неистовствовал. Он приказал занять город к 1 ноября. Потом—к 6 ноября. Немцы продолжали атаковать наши части, но мощь их удара была уже не та, совсем не та. 12 ноября, собрав все свои силы, немцы перешли в третье наступление на Сталинград. Они уже не наступали по всему фронту, а избрав наиболее близкий путь к Волге, старались прорвать нашу оборону на одном участке шириной 200—400 метров. Но и это им не удалось.

27 фашистских танков, сожженных тридцатью тремя героями в августе, не атаковали защитников города в сентябре. 300 гитлеровцев, расстрелянных пулеметчиком Бондаренко в сентябре, не штурмовали наши окопы в октябре. Немецкий офицер, убитый снайпером Зайцевым в октябре, не командовал своим солдатам: „Форвертс"!— в ноябре. Потери германской армии были невозместимы.

В сентябрьском наступлении немцы приблизились к Волге на несколько километров. В октябрьском — на несколько сот метров. В ноябрьском наступлении они не продвинулись ни на шаг.

Родина рукоплескала героям обороны Сталинграда. Восхищение и благодарность народа выразил вождь народа. В приказе войскам от 7 ноября товарищ Сталин писал, что защитники Сталинграда „показали образцы беззаветной храбрости, железной дисциплины, стойкости и умения побеждать".

19 ноября генерал Стойкость передал командование генералу Вперед. Наши войска в районе Сталинграда перешли от героической обороны к победоносному наступлению.

Алексей СУРКОВ

★

ЗАЩИТНИК СТАЛИНГРАДА

Грузно катился в кровавой мгле
Сотой атаки вал.
Злой и упрямый, по грудь в земле,
На-смерть солдат стоял.
Знал он, что нет дороги назад—
Он защищал Сталинград.

Сто пикировщиков выли над ним
В небе, как огненный змей.
Он не покинул окопа, храним
Верностью русской своей.
Меж обгорелых заводских громад
Он защищал Сталинград.

Танк на него надвигался рыча,
Мукой и смертью грозил.
Он, затаившись в канаве, с плеча
Танки гранатой разил.
Пулю за пулю, снаряд за снаряд,
Он защищал Сталинград.

Просто солдат, лейтенант, генерал,
Рос он в грозе боевой.
Там, где в огне металл умирал,
Он проходил живой.
Сто изнурительных дней подряд
Он защищал Сталинград.

Время придет—рассеется дым,
Смолкнет военный гром.
Шапки снимая при встрече с ним,
Скажет народ о нем:
— Это железный русский солдат—
Он защищал Сталинград!

Пусть крепнет орудийный гул,
Пусть бьет в упор снаряд,
Пусть сгинет тот, кто посягнул
На славный Сталинград!

II. Вперед, в наступление!

... Мы сумеем отстоять волжскую твердыню—Сталинград, мы сумеем сокрушить и отбросить вражеские полчища далеко от Волги.

Из приказа № 9 Военного Совета Сталинградского фронта.

М. И. КАЛИНИН

★

БОГАТЫРЯМ СТАЛИНГРАДА

Товарищи бойцы, командиры и политработники Сталинградского фронта! Вы сделали большое дело. Три месяца вы стойко боролись и сдерживали вражеские силы на главном направлении их удара. За этот срок вы перемололи много вражеских дивизий и техники. Но не только в этом выражаются наши достижения. Мужество бойцов и умение командиров в отражении врага сделали то, что инициатива противника в значительной мере была парализована на остальных участках фронта. В этом—историческая заслуга защитников Сталинграда.

Сейчас от обороны вы перешли к наступлению. Первоначальная стадия этого наступления мне кажется вполне удовлетворительной. Несмотря на всю силу своего сопротивления, враг вынужден повсюду отступать под ударами наших частей, неся при этом огромные потери в людях и технике. Мне бы хотелось, чтобы бойцы, командиры и политработники Сталинградского фронта полностью использовали это затруднительное положение противника и не только совершенно очистили Сталинград, не только отогнали врага от этого славного города, но и уничтожили здесь его людские силы и военную технику.

За операциями сталинградцев следит весь мир. Ваши успехи высоко подняли мнение всех мировых военных авторитетов о боеспособности Красной Армии, мужестве ее бойцов и искусстве командиров.

Но самое главное — это то, что наше наступление на Сталинградском фронте принесло величайшую радость народам Советского Союза. Каждое сообщение о победах на фронте с чувством огромного воодушевления переживается всеми нашими людьми от мала до велика. В порыве глубокой признательности они несут вам восторженные пожелания еще больших успехов в нанесении немецко-фашистским войскам новых сокрушительных ударов.

Враг еще силен, он оказывает упорное сопротивление; стремясь избежать полного разгрома, он в состоянии еще больно огрызаться. От вас еще многое потребуется, чтобы

сломить упорство врага. Приобретенный вами в жестокой борьбе опыт, стойкость, беззаветная преданность Родине служат порукой тому, что поставленные командованием цели будут полностью осуществлены. И я думаю, что так хорошо начатая вами операция закончится таким ударом по врагу, который скажется на всем советско-германском фронте.

В этом от всей души желаю вам, — бойцы, командиры и политработники Сталинградского фронта, полного успеха.

Иван ГОНЧАРЕНКО

★

ВПЕРЕД, ТОВАРИЩИ, ВПЕРЕД!

Родные Волги берега
В дыму, огнем объяты,
— Вперед, товарищ, на врага,—
Пришла пора расплаты!
Пришел расплаты грозный час!
В дни битвы огневые
Зовут на подвиг сестры нас
И матери седые.

Вперед, товарищи, вперед,
На бой победный, правый! —
В веках не смолкнет, не умрет
О нашей битве слава.

Священным чувством мы живем,—
Горячей жаждой мщенья,—
За все расплатимся с врагом!
Товарищ, в наступленье!
Рази насильников-громил!
За смерть, за кровь, за муки
Народ на месть благословил
Твои сыновьи руки.

Вперед, товарищи, вперед,
На бой победный, правый!
В веках не смолкнет, не умрет
О нашей битве слава.

Младший сержант В. НОРОВ

★

ДУМЫ ВОИНА

По-разному ведут себя люди перед боем. Одни стараются уединиться, чтобы в решающую минуту своей жизни остаться с самим собой. Другие, наоборот, ищут друзей, как бы боясь одиночества. Но у каждого воина есть потребность перед боем поделиться с другом своими мыслями, чувствами, мечтами.

На рассвете пойду в бой и я. Товарищи мои отдыхают в землянке, спят или притворяются спящими. Они думают свои думы. А мне хочется с кем-то поговорить, рассказать о своей жизни, вслух помечтать о нашем будущем. Давай, далекий друг мой, поговорим с тобой, и — я знаю — мне станет так же легко на душе, как в былые дни нашей дружбы.

Страшно ли мне в этот суровый час? Да, признаюсь, мне немного страшно. И не верь тому, кто утверждает, будто он идет в бой, как на прогулку. Очень хочется жить, хочется дожить до победы, увидеть своих близких. Хочется вернуться к своей любимой девушке, обнять ее, заглянуть в ее чистые, ласковые глаза. Хочется увидеть свой родной край и всю нашу советскую землю освобожденными от фашистской нечисти, снова цветущими в творческом труде. Но, чтобы достичь этого, — нужно итти в бой.

Нас десять бойцов в землянке. Все мы молодые, 20-летние, но мы уже не беспечные юноши. Мы—воины, не раз глядевшие смерти в лицо. И в этот бой мы пойдем, как всегда, полные решимости уничтожить врага.

Далекий друг мой! На рассвете я встану в боевую шеренгу и пойду на врага. Со мной будет мой неразлучный товарищ в бою—пулемет. Не раз выручал он меня на поле битвы. Не раз мы разили с ним фашистских бандитов. 30 гитлеровских трупов—это не только моя заслуга, но и заслуга моего верного, безотказного пулемета. Я знаю, злобный враг бросится на нас в контратаку. Он попытается обойти нас с фланга или зайти в тыл. Но мы славно поработаем в этот страдный час. Я вижу их, эти напряженные минуты боя. Я вижу, как цепь за цепью падают враги, скошенные моими меткими очередями.

Не сочти, мой друг, эти слова за бахвальство. Разве не мечтает каждый воин о победе! Разве не видит себя каждый боец на поле боя храбрым и отважным? Будь уверен, товарищ мой, эту мечту свою я завтра же осуще-

ствлю. И пусть я буду недостоин твоей дружбы, если я струшу в бою и отступлюсь от своей мечты.

Много битв ждет нас еще впереди. Но сквозь дымку времени я вижу тот долгожданный час, когда над просторами нашей Родины наступит тишина — торжественная тишина победы. Сколько радости и ликования ждет нас впереди! Я твердо верю в этот час. Я знаю—мы победим наверняка. Будет и на нашей улице праздник!

...До рассвета осталось немного. Скоро зазвучит боевая команда. Я пойду в бой ради жизни, ради нашей юности, ради свободы и счастья моей отчизны. Пожми мне руку, товарищ, и пусть твоя любовь хранит меня в бою.

Вас. ГРОССМАН

★

СТАЛИНГРАДСКАЯ АРМИЯ

Дорога в батальон идет по железнодорожным путям, заставленным товарными составами, среди молодого, ночью выпавшего снега. Мы идем по пустырю, изрытому бомбовыми и снарядными ямами. Впереди, на кургане темнеют водонапорные баки, в которых засели немцы. Пустырь этот хорошо виден немецким снайперам и наблюдателям. Но худенький красноармеец в длинной шинели, шагающий рядом со мной, идет спокойно, неторопливо и утешительно объясняет:

— Думаете, он нас не видит? Видит. Раньше мы тут ночью ползали, а теперь не то: бережет патроны и мины.

Мой спутник неожиданно спрашивает, не играю ли я в шахматы, и тут же выясняется, что он шахматист первой категории, вот-вот должен был стать мастером. Никогда не приходилось мне беседовать об этой абстрактной и благородной игре, чувствуя, что на меня смотрят немцы, берегущие патроны. Отвечал я моему спутнику довольно рассеянно, отвлекаясь размышлениями, достаточно ли бережливы засевшие в железобетонных баках немцы. Но чем ближе мы подходили к этим бакам, тем хуже они становились видны, отступали за гребень кургана.

Мы пошли тропинками по территории одного из цехов громадного сталинградского завода. Мимо груды рыжего железного лома, мимо колоссальных сталеразливочных ковшей, мимо стальных плит и развалённых стен. Красноармейцы настолько привыкли к разрушениям, произведен-

ным здесь, что не замечают их вовсе. Наоборот, интерес и любопытство вызывают случайно уцелевшее стекло в окне разрушенной заводской конторы, высокая непростреляннная труба, чудом уцелевший деревянный домик.

— Смотри, пожалуйста, живет домик,—говорят проходящие и улыбаются.

И, действительно, трогательно выглядят эти редкие уцелевшие свидетели мирной жизни в царстве разрушения и смерти.

Командный пункт батальона помещается в подвале огромного четырехэтажного корпуса одного из промышленных комбинатов. Это крайний западный пункт в нашей сталинградской линии фронта. Он, словно мыс, вдается в занятые немцами дома и постройки. Противник рядом, но красноармейцы занимаются своими хозяйственными делами уверенно и неторопливо. Двое пилят дрова, третий рубит топором поленья. Проходят бойцы с термосами. Под выступом стены, наполовину обвалившимся, сидит боец и старательно слесарит, поправляет поврежденную часть миномета, что-то напевая. Совершенно мастеровой человек в обжитой своей мастерской.

А здание носит на себе следы страшной разрушительной работы немцев. Вокруг него чернеют огромные ямы, вырытые германскими „пятисотками". Бетонные стены и потолки провалены прямыми попаданиями авиационных бомб. Железная арматура, изодранная силой взрывов, провисает и прогибается, как тонкая рыбачья сеть, порванная огромной белугой. Западная стена разрушена дальнобойной артиллерией, северная провалена. Стены исклеваны ударами легких снарядов и мин. Но здесь же из металла и камня, искрошенного немецким огнем, руками красноармейцев вновь создавались стены с узкими длинными амбразурами. Эта разрушенная крепость не сдалась. Она выстояла форпостом нашей обороны и сейчас своим огнем поддерживает наше наступление.

И сегодня, как и вчера, идет здесь жестокая война. В некоторых пунктах траншеи, прорытые батальоном, находятся от противника в двадцати метрах. Часовой слышит, как по немецкой траншее ходят солдаты, слышит ругатню, которая поднимается, когда немцы делят пищу, всю ночь слышит он, как отбивает чечетку немецкий часовой в своих худых ботинках. Здесь все пристреляно, каждый камень является ориентиром. В этих глубоких, узких траншеях, где люди нарыли себе землянки, поставили печки с трубами из снарядных гильз, где по-хозяйски ругают товарища, отлынивающего от рубки дров, где, вкусно прихлебывая, едят деревянными ложками суп, принесенный в тер-

мосе по ходу сообщения,—здесь день и ночь царит напряжение смертной битвы.

Немцы понимают все значение этого участка в системе своей обороны. Нельзя показаться и на вершок над краем траншеи, чтобы не щелкнул выстрел немецкого снайпера. Здесь они не берегут патронов. Но мерзлая каменная земля, в которую глубоко зарылись немцы, не может уберечь их. День и ночь стучат кирки и лопаты, наши красноармейцы шаг за шагом продвигаются вперед, грудью раздвигая землю, все ближе к господствующей высоте. И немцы чуют, что близок час, когда уж ни снайпер, ни пулеметчик не выручат. И их ужасает этот стук лопат, им хочется, чтобы он прекратился хоть на время, хоть на минуту.

— Рус, покури!—кричат они.

Но русские не отвечают. Тогда стук кирок и лопат исчезает в грохоте взрывов: немцы хотят в разрывах гранат утопить страшную методическую работу русских. В ответ из наших траншей тоже летят гранаты. А едва рассеивается дым и стихает грохот,—немцы снова слышат могильный стук. Нет, эта земля не сбережет их от смерти. Эта земля—их смерть. Все ближе с каждым часом, с каждой минутой подбираются русские, преодолевая каменную твердость зимней земли.

...Но вот мы снова на командном пункте батальона. Через разрушенную стену, на которой сохранилась дощечка—„Закрывайте двери, боритесь с мухами“, мы проходим внутрь глубокого подвала. Здесь на столе стоит румяный медный самовар, красноармейцы и командиры отдыхают на пружинных матрацах, снесенных сюда из окрестных разрушенных домов. Командир батальона капитан Ильгачкин—высокий, худой юноша с черными глазами, с темным высоким лбом. По национальности он чуваш. В его лице, в горячих глазах, в его речи чувствуется сталинградская сдержанность. Он и сам говорит это:

— Я здесь с сентября. И теперь я ни о чем не думаю, только о кургане. Утром встану и до ночи. А когда сплю, во сне его вижу.—Он возбужденно стучит кулаком по столу и говорит:—Возьму курган, возьму! План разработали так, что ни одной ошибки в нем быть не может.

В октябре он и красноармеец Репа были одержимы другой идеей: сбивать „Ю-87“ из противотанкового ружья. Ильгачкин произвел довольно сложные подсчеты с учетом начальной скорости пули и средней скорости самолета, составил таблицу поправок для стрельбы. Была построена фантастически остроумная и простая „зенитная установка“. В землю вбивался кол, устраивалась на нем втулка, на эту втулку надевалось колесо от телеги. Противотанковое ружье сошниками укреплялось на спицах колеса, а телом

своим лежало между спицами. И сразу же худощавый и унылый Репа сбил три немецких пикировщика „Ю-87".

Теперь за противотанковое ружье взялся знаменитый сталинградский снайпер Василий Зайцев. Он приспосабливает к нему оптический прицел со снайперской винтовки, хочет разрушать немецкие пулеметные точки, всаживая пулю в самую бойницу. И я уверен, что он добьется своего. Сам Зайцев — молчаливый человек, о котором говорят в дивизии так: „Наш Зайцев культурный, скромный, уже двести двадцать пять немцев убил". Он пользуется большим уважением в городе. Воспитанных им молодых снайперов называют „зайчатами", и когда он обращается к ним и спрашивает: „Правильно я говорю?", все хором отвечают: „Правильно, Василий Иванович, правильно". И вот теперь Зайцев консультируется с техниками, чертит, думает, выписывает.

Здесь, в Сталинграде, особенно часто видишь людей, вкладывающих в войну не только всю кровь свою, все сердце, но и все силы ума, все напряжение мысли. Сколько мне пришлось их встречать—и полковников, и сержантов, и рядовых красноармейцев, напряженно, день и ночь думающих все об одном и том же, что-то высчитывающих, чертящих, словно люди эти, защищающие город, взяли на себя обязанность разрабатывать изобретения, вести исследования здесь, в подвалах города, где недавно занималось этим делом много блестящих профессорских и инженерских умов в просторных институтских и заводских лабораториях.

Сталинградская армия воюет в городе и на заводах. И как некогда директора сталинградских заводов-гигантов и секретари райкомов партии гордились тем, что у них, а не в другом городском районе работает знаменитый стахановец или стахановка, так и теперь командиры дивизий гордятся своими знатными людьми. Батюк, посмеиваясь, перечисляет по пальцам:

— Лучший снайпер Зайцев—у меня, лучший минометчик Бездидько—у меня, лучший артиллерист в Сталинграде Шуклин—тоже у меня.

И как некогда каждый район города имел свои традиции, свой характер, свои особенности, так и теперь сталинградские дивизии, равные в славе и заслугах, отличаются одна от другой множеством особенностей и характерных черт. О традициях дивизий Родимцева и Гуртьева мы уже писали. В славной дивизии Батюка принят тон украинского доброго гостеприимства, добродушной любовной насмешливости.

Тут любят рассказывать, как Батюк стоял у блиндажа, когда немецкие мины со свистом одна за другой ложились в овраг возле начальника артиллерии, пытавшегося выйти

из своего подземелья, и шутя корректировал стрельбу: „Правей два метра. Так, левей метр. Начарт, держись!" Тут любят посмеяться и над легендарным виртуозом стрельбы из тяжелого миномета Бездидько. И Бездидько, не знающий промаха, кладущий мины с точностью до сантиметров, смеется и сердится. А сам Бездидько человек с певучим, мягким тенорком, лукавой украинской улыбкой, имеющий на своем счету 1305 немцев, любовно посмеивается над командиром батареи Шуклиным, подбившим из одной пушки в течение дня четырнадцать танков: „А вин оттого и бив одной пушкой, що у него тильки одна пушка и була".

Здесь, в батальоне, любят посмеяться, рассказать друг о друге смешное. Рассказывают о внезапных ночных стычках с немцами, рассказывают, как ловят падающие на дно окопа немецкие гранаты и бросают их обратно в немецкие траншеи, рассказывают, как „сыграл" вчера шестиствольный дурило и влепил все шесть мин по немецким блиндажам, рассказывают, как огромный осколок от тонновой бомбы, легко могущий убить наповал слона, пролетая, разрезал красноармейцу, словно бритвой, шинель, ватник, гимнастерку, нижнюю рубаху и не повредил даже самого ничтожного клочка кожи, капли крови не выпустил. И рассказывая все эти истории, люди смеются, и самому все это тебе кажется смешным, и ты сам смеешься.

В соседнем отсеке заводского подвала размещаются ротные минометы. Отсюда стреляют, отсюда смотрят на противника, здесь поют, едят, слушают патефон. Тонкий луч солнца проникает через щит, закрывающий окно подвала. Луч медленно вполз по ножке кровати, ощупал сапог лежащего, поиграл на металлической пуговице шинели, выполз на стол и осторожно, точно боясь взрыва, коснулся ручной гранаты, лежащей возле самовара. Он полз все выше, и это значило, что солнце садится, наступает зимний вечер.

Обычно говорят—„тихий вечер". Но этот вечер нельзя было назвать тихим. Раздалось протяжное курлыканье, потом послышались тяжелые и частые взрывы, и все сидевшие в подвале сказали в один голос: „Шестиствольный сыграл". Потом послышались такие же тяжелые взрывы и затем протяжный далекий гул. А спустя несколько мгновений ухнул одиноко взрыв. „Наше дальнобойное с того берега",—сказали сидевшие. И хотя все время стреляли, и приход вечера в темном холодном подвале стал заметен лишь по тому, что солнечный луч полз снизу вверх и уже подходил к черному закопченному потолку,—все же это был настоящий тихий вечер.

Красноармейцы завели патефон.

— Какую ставить?—спросил один.

Сразу несколько голосов ответили:

— Нашу поставь, ту самую.

Тут произошла странная вещь. Пока боец искал пластинку, мне подумалось: „Хорошо бы услышать здесь, в черном разрушенном подвале, свою любимую „Ирландскую застольную". И вдруг торжественный, печальный голос запел:

— За окнами шумит метель...

Видно, песня очень нравилась красноармейцам. Все сидели молча. Раз десять повторяли они одно и то же место:

— Миледи смерть, мы просим вас
За дверью обождать...

Эти слова, эта наивная и гениальная бетховенская музыка звучали здесь непередаваемо сильно. На войне человек знает много горячих, радостных, горьких чувств, знает ненависть и тоску, знает горе и страх, любовь, жалость, месть. Но редко людей на войне посещает печаль. А в этих словах, в этой музыке великого и скорбного сердца, в этой снисходительной насмешливой просьбе:

— Миледи смерть, мы просим вас
За дверью обождать—

была непередаваемая сила, благородная печаль.

И здесь, как никогда, я порадовался великой силе подлинного искусства, тому, что бетховенскую песню слушали торжественно, как церковную службу, солдаты, три месяца проведшие лицом к лицу со смертью в этом разрушенном, изуродованном, но не сдавшемся фашистам здании.

Под эту песню в полутьме подвала торжественно и выпукло вспоминались десятки людей сталинградской обороны, людей, выразивших все величие народной души. Вспомнился суровый, аввакумовски-непримиримый сержант Власов, державший переправу. Вспомнился сапер Брысин, красивый, смуглый, не ведающий страха в своем буслаевском удальстве, дравшийся один против двадцати в пустом двухэтажном доме. Вспомнился Подханов, не захотевший после ранения уходить на левый берег. Когда начинался бой, он вылезал из подземелья, где находилась санитарная рота, и, подползая к переднему краю, стрелял из винтовки. Вспомнилось, как сержант Выручкин откапывал под ураганным огнем на Тракторном заводе засыпанный штаб дивизии. Он копал с такой стремительной яростью, что пена выступила у него на губах. Вспомнилось, как за несколько часов до этого тот же Выручкин бросился к горящей машине с боеприпасами и сбил с нее огонь. И вспомнилось, что Выручкина не смог поблагодарить командир дивизии, потому что Выручкина убило немецкой миной. Может быть, в крови его от прадедов передавалась эта солдатская доблесть,—забывая обо всем, кидаться на помощь попав-

шим в беду. Может быть, от этого и дали их роду фамилию Выручкиных.

И вдруг вспомнилось мне письмецо, написанное детской рукой, письмецо, лежавшее возле убитого в дзоте бойца. „Добрый день, а может быть и вечер. Здравствуйте, тятя. Я без вас шибко скучаю. Приезжайте, хоть один час на вас посмотреть. Пишу, а слезы градом льются. Писала дочь Нина".

И вспомнился мне этот убитый тятя. Может быть, он перечитывал письмо, чувствуя свою смерть, и смятый листочек так и остался лежать около его головы...

Вспомнился мне боец понтонного батальона Волков. Раненый в шею, с рассеченной лопаткой, он 30 километров добирался то ползком, то на попутных машинах из госпиталя на переправу и плакал, когда его увезли обратно в госпиталь. Вспомнились мне те, что сгорели в поселке Тракторного завода, но не вышли из горящих зданий и вели огонь до последнего патрона. Вспомнились те, кто дрался за „Баррикады" и за Мамаев курган, те, что выдерживали немецкие атаки в Скульптурном саду, вспомнился мне батальон, погибший весь, от командира до левофлангового бойца, защищая сталинградский вокзал. Вспомнилась мне широкая проторенная дорога, ведущая к рыбачьей слободе на берегу Волги—дорога славы и смерти; молчаливые колонны, шедшие по ней в жаркой пыли августа, в лунные сентябрьские ночи, в ненастье октября, в ноябрьском снегу. Они шли тяжелой поступью—бронебойщики, автоматчики, стрелки, пулеметчики, шли в торжественном суровом молчаньи, и лишь позвякивало их оружие, да гудела земля под их тяжелым шагом.

Как передать чувства, пришедшие в этот час в темном подвале не сдавшегося врагу завода, где сидел я, слушая торжественную и печальную песню, и глядел на задумчивые, строгие лица людей в красноармейских шинелях.

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
старший лейтенант
Димитрий ШОЛОХОВ

★

В ТАНКОВОЙ ЗАСАДЕ

Получен боевой приказ: предотвратить внезапное нападение вражеских танков на наши боевые порядки. Предстояло организовать танковую засаду.

В танковые засады чаще всего высылаются одиночные машины, роль которых—ошеломить противника внезапным

ударом, расстроить его боевые порядки и уничтожить по частям.

Небольшая высотка, на которой мы окопали свой танк, была покрыта мелким кустарником. Впереди, метрах в десяти, тянулся танконепроходимый овраг, огибавший высотку справа. Слева от нас протекала река, также служившая естественным препятствием для немецких машин. Единственная дорога, по которой могли двигаться немецкие войска к деревне, проходила параллельно оврагу и находилась в зоне нашего обстрела.

На рассвете были замечены фашистские танки. Они шли тесной колонной и, достигнув небольшого холма, который находился в 700 метрах от места нашей засады, развернулись и открыли шквальный огонь по нашей пехоте.

К этому времени у меня уже были подготовлены все данные для стрельбы. Я открыл прицельный огонь из пушки. С первого снаряда вражеский танк загорелся. Повернув башню, я ударил по следующей машине. Загорелась и эта. Некоторые вражеские машины попытались уйти назад, за холм, но развертываясь, они подставляли под наш огонь свои борты. Как известно, борт танка наиболее уязвим. Один за другим я поджег еще 6 танков, затратив семь бронебойных снарядов.

Немцы не смогли точно установить местонахождения нашего танка. Немецкие снаряды и мины ложились далеко в стороне от нас и сзади. Я решил огонь прекратить, чтобы сэкономить снаряды и не выявить себя. По моему предположению, фашистские танкисты понеся потери, не должны были оставаться на высоте. „Они, вероятно, двинутся по дороге к населенному пункту",—думал я: другого пути у врага не было. Так оно и получилось.

Вытянувшись в походную колонну, немцы двинулись к селу. Вот они уже на дороге. Расстояние между нами сократилось до 150 метров. Я пропустил их до окраины деревни, а затем дал выстрел по головному танку. Он загорелся. Следующий снаряд я направил в хвост колонны. Поджог еще один танк. Таким образом мне удалось остановить вражескую колонну и создать пробку: передний танк загородил дорогу, а задний не дал возможности отойти назад. Воспользовавшись замешательством среди гитлеровцев, я спокойно вел огонь и уничтожил еще 8 танков.

В это время заряжающий Галагаев доложил:

— Осталось три бронебойных снаряда...

Как раз в это время подошла немецкая пехота и вместе с уцелевшими вражескими машинами начала обтекать нас с флангов. Враг теперь уже обнаружил наш танк.

Оставаться на старом месте, не имея бронебойных снарядов, было бесполезно. Открыв шквальный огонь осколочными снарядами по пехоте, я приказал механику-водителю старшему сержанту тов. Блохе на полной скорости вести машину в расположение своего подразделения. Уходя от врага, мы продолжали вести губительный огонь по немецким солдатам.

Фашисты, заметив отход нашей машины, открыли огонь из орудий и танков. В эти минуты исключительное мастерство проявил механик-водитель. Он вел машину быстро зигзагами, с внезапными остановками, благодаря чему мы вели точный огонь по врагу и избежали прямого попадания в свой танк.

Едва мы прибыли к себе в подразделение и пополнились боеприпасами, как бой разгорелся с новой силой. Танки противника прорвались к правому флангу нашего рубежа. Командир подразделения приказал мне совместно с выделенной группой противотанковой артиллерии прикрыть движение основных наших танковых сил, обходивших фашистские танки, чтобы ударить по вражеской пехоте.

Сражение приняло совершенно иной характер. В отличие от первого боя, мой танк был на этот раз использован, как кочующее орудие. Маневрируя на поле боя, вовремя увертываясь от удара, мы вели огонь с хода и с коротких остановок. Старались стрелять только по подвижным танкам, ибо некоторые уже были подбиты противотанковой артиллерией. После каждого выстрела меняли свои позиции. Мне удалось поджечь еще 7 немецких танков. Всего мой экипаж за 5 часов боя подбил 25 немецких танков и уничтожил до батальона вражеской пехоты.

Этот боевой день обогатил мой фронтовой опыт. Еще и еще раз я убедился, что для танковой засады решающее значение имеет удачно выбранная, недоступная для танков противника, позиция. Если же танк действует совместно с артиллерией и пехотой для прикрытия основных сил, то очень важно умело маневрировать на поле боя. Командир танка должен вести точный огонь как на ходу, так и с коротких остановок.

Такой вывод для себя я сделал из этого сражения с врагом.

Красноармеец М. СЕРДЮКОВ

★

НЕМЕЦКАЯ БРОНЯ ГОРИТ

Денек выдался скучный, туманный. То дождь моросит, то снег идет. Командир взвода—младший лейтенант Климов—мне и говорит:

— Смотри, Сердюков. В такую погоду как раз „гостей" жди. Будь готов встретить их, откуда бы они ни появились.

Вторым номером у меня был боец Бринько. Парень что надо, старательный. Мы с ним кореши добрые, все время вместе служили. Взялись дружно за дело и окоп вырыли на славу, чтобы круговую оборону держать. До обеда управились.

Стрелять я стал, когда танки на противоположном бугре объявились Далеко еще было, да не утерпел. Выпустил патронов пять. Вижу, что так дело не пойдет. Патронов не хватит. Нужно обождать. Вот стали танки из оврага выползать. Сначала дуло пушки показывается, потом гусеницы и брюхо. Склон довольно крутой. Тут самое удобное было их щелкать. Можно целить точно: в брюхо там, или в бок. Первый танк я и зажег, когда он в горку лез. Из него живо немцы выскочили. Боец Сериков разом их снял.

Танк дорогу, видать, другим загородил, второй обходить его начал и как раз ко мне боком встал. Я его тут тоже подбил. Смотрю, дело идет веселее: два патрона—два танка.

Дальше дело пошло еще горячее. Танки на бугор ворвались и давай по окопам утюжить. Сперва я как увидел сколько на нас танков идет, то, признаться, сердце сжалось. А теперь страха ни капли не осталось.

„Ну, говорю, Бринько, если мы их не побьем, то они нас раздавят". А у Бринько глаза горят и он меня поторапливает:

— Давай скорее вон в этот, что разворачивается.

Я сам вижу, что танк сейчас к нам хвостом обернется. Целюсь прямо в бензобак.Танк в момент загорелся. А тут еще другой близко подошел. Стреляем без отдыха. В общем так увлеклись, что едва не просмотрели, как из-за одной подбитой машины к нам сбоку танк вплотную подобрался. Делать нечего. Выручай окоп! Знать не зря его глубоким делали.

Бринько и выругаться не успел, как слышим танк над нами скрежещет. Только земля сыпется. Едва он над нами

прошел—Бринько уже на ногах и метнул гранату в машину. Но танк все же уходит. Тут я ему вдогонку из ружья всыпал. Пожалуй, больше всего радости у нас было, как увидели, что этот танк, который нас чуть не задавил загорелся...

Сколько бились мы тут, не знаю, но пришел связной от командира, приказ принес отойти в овраг. У нас к тому часу патроны кончились. Ушли в овраг и там у своих еще два десятка патронов достали. Есть чем стрелять, значит сидеть в укрытии нечего. Командир говорит—займите позицию повыше, на склоне.

Вылезли мы из оврага и видим, что колонна танков и сюда пробирается.

— Устал ты, поди, старик,—говорит Бринько.—Давай теперь я постреляю.

Отдал я ему ружье, а сам подносчиком стал.

Немцы, видимо, никак не ожидали, что отсюда по ним бить будут. Подошли близко и заворачивать стали—немного в сторону. Нам стрелять очень удобно. Идут они мимо нас наискось, одна машина за другой. Бринько зря патронов не тратил. Немцы опомниться не успели, как он уже три штуки подбил. А пока колонна разворачивалась, да перестраивалась—еще три танка пригвоздил.

Всего в тот день мой расчет поджег 14 немецких танков.

ПОСЛАНИЕ

БЕРЛИН

Бомбоубежище имперской канцелярии. Обервралю, колченогой обезьяне на посту министра пропаганды, хворому на голову доктору Геббельсу.

От бойцов и командиров Н-ской стрелковой дивизии, в расцвете сил и полном здравии истребляющей фашистскую нечисть под Сталинградом.

Дошел и до наших позиций слух, что набрехал ты миру о разгроме нашей славной стрелковой дивизии.

Ну, и насмешил ты нас, собака! Десятые сутки без передышки гоняем мы, бьем, колем, рубим полчища твоих хваленых вояк и, как навозом, устилаем приволжские и калмыцкие степи немецко-румынской падалью, а тут узнаем, что в третий раз похоронил ты нас, дворовый пес Гитлера.

Видно, немало мы насолили фашистам, ежели так часто вспоминаешь ты нас в своих брех-сводках. Да, мы—старые знакомые. В кровь разбили мы морду немцам в Камыш-Буруне, на побережьи Черного моря, накостыляли им под Малой Мартыновкой на Дону, немало уложили их и у стен Сталинграда, а нынче даем коленкой под зад и загоняем в гроб бегущих на Запад румын и фрицев.

Запроси у тех, кто остался в живых: много ль из твоих солдат ушло из-под наших ударов? За один налет по тылам противника мы истребили свыше 1.000 гитлеровцев, сожгли 53 автомашины с пехотой и военными грузами, 8 орудий разбили, 6 пулеметов, 3 минометных батареи, 2 воздушных пирата „Фокке-Вульф" заставили врезаться в нашу землю.

Запиши, как из Садового офицеры твои в одних подштанниках бежали впереди своих солдат, а солдаты так тикали, что пришлось нам догонять их на машинах.

Не забудь, Геббельс, записать и Антонеску передай, как 50 храбрецов нашей дивизии вдребезги разгромили 4-й артиллерийский полк 4-й пехотно-румынской дивизии, захватив в исправности все его орудия.

А в те дни, когда ты в своей берлинской концелярии-вральне в третий раз готовил похороны нашей дивизии, мы, прорвав линию немецкой обороны и проделав в боях 120-километровый марш, заняли Тундутово и другие населенные пункты, покрыв их улицы трупами фашистов.

Больше десятка тысяч немцев вместе с их холуями уложили мы на полях России.

Ну что ж, на потеху бей нас на берлинской бумаге. Это тебе поможет, как мертвому кадило. А мы, на радость всему человечеству, били, бьем и будем бить до полного разгрома немецкую свору на полях сражения. Собачьим лаем своим не заглушить тебе живого слова правды о близком часе расплаты.

По поручению личного состава Н-ской стрелковой дивизии послание подписали:

красноармеец Василий ЩЕРБАКОВ, младший сержант Василий ДЕМЕНТЬЕВ, старшина, командир орудия Василий ВОЛОЩУК, красноармеец Иван БИГЕБА, снайпер старший сержант Хайт ХУЖМАТОВ, старший лейтенант Иван КРАСИЛОВ, лейтенант Петро ФЕДОРЧЕНКО, боец Дмитрий БАНИН, старший лейтенант Магомет МУТАЕВ, стартина Лев КОРСАКОВ, боец Александр ПАНТЕЛЕВ, курсант Николай УДОВИКА, старший сержант Иван СОЛОВЬЕВ, младший лейтенант Михаил ПОЛОСКОВ, курсант Михаил КОВАЛЕНКО, связистка красноармеец Пелагея КЛЮЧЕНКО, связистка красноармеец Анна ПОЛЯКОВА, сержант Михаил МАШКУЛ, красноармеец Керим БАГИРОВ и другие.

Красноармеец Г. ФОЛОМЕЕВ

★

КАЗАКИ

После боя степь остыла;
Задремали пруссаки...
То ли с фронта, то ли с тыла
Налетели казаки.

И пошли... Клинки сверкая,
Все сметают на пути.
Мчится конница лихая—
И фашистам не уйти.

Пусть же наши степи знают,
Как клинком во все концы
Псов-фашистов разметают
И кубанцы и донцы.

Пусть же помнит, пусть же знает
Волга-матушка река,
Как врага громят-кромсают
Внуки Стеньки-казака.

Пусть гремит же об отважных
Слава звонкая в веках,
О советских, о бесстрашных,
О героях-казаках.

Капитан Я. ТУМАРКИН

★

Я—ИЗ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

Склонившись к приемнику, взволнованный радист слушал передачу из Москвы. Сквозь гул артиллерийской канонады, в маленьком блиндаже на берегу Волги, громко звучали слова, бодрящие и согревающие.

„...Народный Комиссариат Обороны вошел в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством учредить специальные медали для награждения всех участников обороны Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда под названием „За оборону Ленинграда", „За оборону Одессы", „За оборону Севастополя", „За оборону Сталинграда".

В ходатайстве, где упомянуты армии, защищающие Сталинград, подчеркивается особая роль 62 армии, отразившей главные удары немцев на Сталинград...“

Гордые орлы Сталинграда, завоевавшие мировую славу своим непревзойденным мужеством и стойкостью, удостоились высокой похвалы со стороны любимого Сталина.

Гвардии красноармеец сапер тов. Иванов сказал в этот день своим товарищам:

— И тогда, когда я действовал, топором, строя дзоты, и тогда, когда, отражая натиск врага, брался за винтовку, я часто думал: что скажет о наших трудах, о нашей борьбе товарищ Сталин? Теперь выходит, что мы думали о нем, а он—о нас. Может быть, за время войны я заслужу ордена и другие награды, но медаль „За оборону Сталинграда“ я буду носить на своей груди с особой гордостью.

Сержант Степаненко повел в этот день свое подразделение в бой. Перед боем он обратился к своим бойцам:

— Когда будет особенно трудно вам, ребята, вы скажите себе: „Я из 62-й“. И вы почувствуете в себе силу богатырскую. Раз ты из 62-й, нет для тебя никаких преград.

— Я—из шестьдесят второй!—говорят богатыри Сталинграда и с этими словами совершают легендарные подвиги.

Гвардии сержант Ангилопов вступил в единоборство с двумя немецкими станковыми пулеметами. Он подобрался к одному из пулеметов и метнул гранату. Гитлеровцы навсегда полегли у исковерканного разрывом гранаты пулемета.

Гвардеец пополз ко второму пулемету. Его видели, за ним следили, в него стреляли. Ранена левая рука. Вторая пуля ужалила его в лицо. Третья—навылет пробила грудь. Четвертая—впилась в ногу. Кровавый туман застилал очи смельчаку. Он терял сознание, но говорил себе: „Я—из 62-й“.

Бесстрашный гвардеец взвел ослабевшей рукой все находившиеся при нем гранаты и бросился на второй вражеский пулемет. Гвардеец Ангилопов погиб, но разрывы его гранат были сигналом, который повел товарищей в победную атаку.

Как знамя, как святыню, подняли наши наступающие бойцы останки героя Ангилопова, истребившего на улицах Сталинграда 67 немцев, и похоронили его на новом отбитом у врага рубеже. О погибшем было сказано кратко:

— Этот все мог. Он был наш—из 62-й!

А вот другой богатырь—красноармеец Иван Григорьевич Дорохов, бывший рабочий одного из сталинградских заводов, ныне—герой сталинградской битвы.

... Немцев выбивали с территории завода, на котором ранее работал Дорохов. Неприятельские огневые точки, укрытые за бетонными стенами зданий, преграждали путь нашей пехоте. Дорохов вызвался проникнуть в тыл противника, найти огневые точки врага и скорректировать огонь наших минометов.

Стократ исхоженной дорогой пробрался он на завод. Первым был обнаружен вражеский корректировщик. Метким выстрелом Дорохов свалил его с крыши. Гранатой он уничтожил трех автоматчиков, укрывшихся среди железного лома. Потом Дорохов установил месторасположение трех немецких пулеметов и четырех снайперов, обстреливавших нашу пехоту.

Разведчик вернулся в свою часть, указал минометчикам цели и снова пробрался на завод, чтобы точнее корректировать огонь.

Все огневые точки врага были уничтожены. Наша пехота выполнила свою задачу. Когда командир поздравил Дорохова с успехом, боец ответил:

— Я сталинградец. Этот город я строил, в нем трудился. Этот город я обороняю с первых дней боев. Я—из 62-й!

Шестьдесят вторая! Армия богатырей! Неувядаемой славой овеяны твои знамена!

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

★

КОЛЬЦО СЖАЛОСЬ

В яркий осенний день мы уезжали из Сталинграда. Падали бомбы, Волга вздымала столбы воды. Горел берег, горели пароходы, тонули люди. В Сталинграде оставались испытанные дивизии, которые должны были драться за каждый дом, за каждую комнату.

А мы уезжали на северо-запад, на Дон, еще не совсем понимая величие предстоящего маневра, идея которого родилась далеко в Москве, в Ставке Верховного Главнокомандования. Мы прощались со Сталинградом, сожалея о том, что не нам выпала задача оборонять этот город. Недолго пробыли мы здесь, в этом царстве садов и заводов, в городе великих революционных традиций. Но

любовь к нему, к Сталинграду, была закалена в огне его пожаров. Такая любовь вечна—мы знали это.

Корреспонденции в газетах, шедшие с нашего фронта подписывались коротко: „Северо-западнее Сталинграда". В этих трех словах было сказано многое, очень многое.

Степь между Волгой и Доном, изрезанная глубокими оврагами. Накатанные, блестящие, как стекло, дороги. Холмы, названные именами командиров батальонов, штурмовавших их. Фронт проходил по низкому левому берегу Дона, лишь в некоторых местах перебираясь на маленькие излучины высокого правого берега.

Холмы высокого берега были черно-желтыми. Их начисто выжгли наши минометы. Немцы, румыны, итальянцы старались любой ценой скинуть нас с предмостных укреплений. Но каждая высотка стала бастионом. Одну из высот удерживали 16 советских бойцов во главе с лейтенантом Кочетковым. Их атаковал полный батальон немецкой пехоты при поддержке танков. Танки были сожжены и батальон пехоты уничтожен шестнадцатью нашими воинами. Кочетков и его товарищи своими телами преградили путь врагу. Они погибли все до одного, но высоты не отдали.

Ближе всех к Сталинграду были наши войска, стоявшие по берегу Волги. Они пробивались к Тракторному заводу, но бешеный огонь противника преграждал им путь. Здесь немцы заняли прочную линию обороны.

Жестокую осень пережили мы северо-западнее Сталинграда. Как укор, стелился по степи горький и горестный дым горящего города. Как живут там сейчас, как борются наши товарищи? Какой невероятный напор механизированных дивизий врага приходится им сдерживать!

В октябре я получил письмо от генерала Родимцева, командира гвардейской дивизии, обороняющей группы сталинградских заводов. Со своего командного пункта—из-под бетонной трубы, укрывающей от снарядов и пуль, генерал писал: „Вчера нам по радио кричали, что Родимцев будет буль-буль в реке Волге. А я приказал им в ответ передать, что они себе шею сломают, а Родимцев никогда буль-буль в Волге не будет". Письмо нельзя было читать без улыбки. Там, в городе, на который обрушились десятки немецких дивизий и тысячи самолетов, молодой русский генерал с седой головой уверенно и весело шутит. Нет, Сталинград будет жив!

Армия северо-западнее Сталинграда зарылась в землю. Беспрерывный огонь с северо-запада, кровопролитные бои, шедшие на этом участке, оттягивали крупные силы врага, не давали ему нанести сокрушительный удар Сталинграду. Это утешало нас, мечтавших драться с врагом в Ста-

линграде. Сумасшедший „фюрер" объявлял по радио, что Сталинград на-днях будет взят, назначал день парада своих войск в городе, потом откладывал, опять назначал и опять откладывал.

В ноябре положение Сталинграда стало трагическим. Никак не замерзала Волга, по ней шли льдины, нарушавшие работу последних переправ. Встречаясь с фронтовыми товарищами, мы говорили только: „Тяжело в Сталинграде"—и это звучало: „как тяжело на душе".

Бойцы в частях волновались: в Сталинграде тяжело, а мы стоим на месте. Потом на фронте, в окопах и землянках родился слух: к нам приехал Сталин. Вчера, мол, видели, как он шел по переднему краю—спокойной, уверенной своей походкой. Не знаю, был ли Сталин здесь, но этот вдохновивший бойцов слух родился из самого понятия о Сталинграде, о городе, названном именем Сталина. Это было желание увидеть Сталина, увидеть Сталинград.

19 ноября, наконец, началось. Снаряды ударили в высокий берег Дона. Пехота пошла на штурм через еще незамерзшую реку, в мятель, стужу, веселая и злая.

Через боевые порядки пехоты прошли танки и гвардейская кавалерия. Стремительным броском проскакивая через станицы, занятые немцами, сея панику, они неслись вперед, достигли стоящего западнее Сталинграда города Калача и с ходу заняли его. Часть, которой командует подполковник Бабич, окружила румынские дивизии и предложила им сдаться. Румынский генерал поступил благоразумно: он капитулировал. Во главе своих войск ехал он к нам на машине, за ним следовали старшие офицеры, за ними взводными колоннами шли румынские солдаты в высоких бараньих шапках. Они были похожи на пастухов.

Немцы отступали на восток, к Сталинграду, и Красная Армия стала наступать на восток, впервые за время великой отечественной войны. Как хозяева, вышли бойцы на высокий берег Дона, пройдя всю излучину, где в каждой балке немцы бросили по нескольку складов. Нас встречали босые женщины и старики-казаки в летних фуражках; шапки, сапоги—все забрал немец. В хуторе Вертячем мы склонили головы над прахом замученных русских пленных. Следы чудовищных пыток были видны на обнаженных трупах. Бойцы рванулись дальше. На дорогах, где с немецкой аккуратностью через каждые 30 метров были поставлены вехи, видели мы раздавленных автомобильными колесами людей в гражданской одежде. Это забавлялись немецкие шоферы, врезаясь в колонны эвакуированных жителей сталинградских пригородов.

Огромная территория была освобождена от оккупантов. Одновременно другие части погнали врага на юг и на

запад. Радостно зазвучали по стране слова „северо-западнее Сталинграда". Но это было уже не точно. Бои шли и строго на запад от Сталинграда.

Немцы закрепились на оборонительных рубежах. Но их огромные силы, брошенные к Сталинграду, были уже окружены со всех сторон. День и ночь летели туда, в кольцо, транспортные самолеты с желтыми концами крыльев. Когда они пролетали над нашими позициями, все бойцы били вверх из винтовок, пулеметов, автоматов. Некоторые ложились на спину, чтобы удобнее было стрелять. Нервно стучали зенитки. Сотни „Юнкерсов-52" были сбиты здесь.

8 января два командира и трубач с белым флагом вышли на передний край. Они несли немцам ультиматум командования. Их встретили пулями. Они вынуждены были вернуться, но затем пошли снова. Труба проиграла сигнал, белый флаг развевался по ветру. Огня с той стороны не было. Трое спокойных, отважных людей пошли в пасть зверю. В бинокль было видно, как немцы завязали им глаза и повезли куда-то. С волнением ожидали мы их возвращения. Они пришли к исходу дня. Окруженный враг не принял ультиматум. Ночью еще кричали рупоры на переднем крае. Они взывали к благоразумию осажденных немцев.

К рассвету все стихло. А утром пошел другой разговор. Навстречу восходящему солнцу летели во врага снаряды и мины. Сплошной гром катился со всех сторон. Тысячи мин чертили по серому небу огненные линии. Земля содрогалась. Передний край немцев взлетел на воздух. Артиллеристы работали до седьмого пота. Полковник Игнатов, командир артиллерийской части, раскраснелся от волнения. Ему, старому воину, впервые пришлось участвовать в артиллерийском наступлении такой силы.

В 9 часов утра пехота пошла вперед за огневым валом. Вслед за первой цепью пехотинцы несли развернутые красные знамена своих частей. Наблюдательный пункт, на котором мы находились, был на рассвете в трехстах метрах от переднего края. Но передний край быстро пошел вперед, перекатился за бугры и нельзя было удержаться, чтобы не последовать за бойцами. Поля и холмы были покрыты трупами немцев.

В тыл тянулись длинные колонны пленных. Но в глазах у них застыл ужас. Недаром полковник Игнатов говорил перед началом артиллерийского наступления: „От такого артиллерийского удара есть только два спасения—смерть или сумасшествие". Бой не прекращался ни на минуту. Страшен и сокрушающ напор наших войск. Вслед за первой линией обороны была прорвана вторая—по реке Россошка.

Бойцы узнали: товарищ Сталин передал благодарность войскам. Эта весть шла по боевым порядкам, ее передавали, подползая друг к другу. Одобрение Сталина возбудило всех. Бой стал радостью, глаза стали зорче, руки сильнее втрое.

Мы ехали по степи и увидели вдали город. Но по карте ясно, что здесь нет населенного пункта. Подъехав ближе, мы поняли: ошиблись. Не город, а тысячи немецких машин, одна к другой, борт к борту, стоят в поле. В одном месте их более девяти тысяч. Таких „городов" немало в степи. Всюду валяются трупы врагов. Немало замерзших. Вдоль дорог расположены немецкие аэродромы—„Юнкерсы", „Хейнкели", „Мессеры", ненавидимые бойцами „Фокке-Вульфы", прозванные „рамами", стоят смирные и безвредные.

Много трогательных встреч и событий произошло в освобожденных селах. При занятии Карповки, когда враг открыл жестокий минометный огонь, меж разрывами мин к командиру полка прибежал 12-летний мальчик. Он показал, откуда стреляет враг. Командир полка тут же наградил мальчика медалью „За отвагу". Но пока полковая канцелярия оформляла приказ, мальчик уже убежал куда-то с другими ребятишками. Фамилию его спросить не успели и до сих пор ищут его в селе. Сам он не приходит, не зная о том, что награжден, а все мальчишки в селе шустры и смелы—пойди, узнай того самого. Здесь же, в Карповке, наших бойцов вышел встречать безногий человек с орденом Красного Знамени на груди. Это—инвалид отечественной войны, дважды краснознаменец Александр Ковылин. Он был настигнут немцами в селе, не смог уйти и в дни полона помогал нашим людям, прятавшимся от врага.

Бойцы, мечтавшие о том, чтобы защищать Сталинград, защитили его. Мы вошли в город с запада, как уже вошли в него с севера части, стоявшие на берегу Волги. Прошло короткое время, и мы, вчера еще находившиеся на переднем крае, оказались в глубоком тылу наших войск „в тылу у русских", как шутят бойцы.

Навсегда ушла из сводок Совинформбюро, из подписи под корреспонденциями строка „северо-западнее Сталинграда". И навсегда останется эта фраза памятником русской славы.

П. ОЛЕНДЕР и Л. ВЫСОКООСТРОВСКИЙ

★

ВСТРЕЧА В ЛАТОШАНКЕ

I.

Три месяца в этих местах шли бои. Отсюда немцы подошли к Сталинграду. Здесь тогда было мало наших бойцов и техники. Подразделения с трудом сдерживали натиск немецких танков и мотопехоты, пытавшихся овладеть городом с налета. Временами казалось, что они не выдержат, не устоят, но с тракторного завода шли танковые экипажи рабочих, постепенно концентрировались войска. Враг был задержан. Немцы, обложившие город, зарылись в землю. У них появились доты и дзоты, рядом с окопами выросли блиндажи. С северо-запада, где находились наши войска, помогавшие защитникам Сталинграда, немцы прикрылись мощными инженерными сооружениями, построили крепкую противотанковую оборону.

Шли дни. Советское Информбюро сообщало об огневых налетах нашей артиллерии на позиции противника, о разведывательных действиях северо-западнее Сталинграда. Разведка уточняла передний край вражеской обороны, выясняла ее систему. Впереди немецких окопов находились противотанковые мины, расположенные в шахматном порядке, группами по пяти—семи штук. За ними в ряд или внаброс лежали противопехотные мины. Еще через пятьдесят метров были установлены управляемые фугасы. Они опоясывали проволочные заграждения, ежи, рогатки и спирали Бруно. Самые дзоты и окопы были построены полукольцом, причем часть из них имела обстрел не только перед собой, но и в тыл. Противотанковые орудия, расположенные узлами, могли легко маневрировать, для чего имелись особые ходы сообщений. Кроме того, села Томилин, Акатовка и Латошанка, а также ряд высот и оврагов были превращены противником в мощные опорные пункты.

Около трех месяцев стояли перед этим оборонительным поясом немцев наши войска. До Сталинграда было недалеко, но каждый метр земли был здесь укреплен врагом. Наши части медленно, но верно подтачивали вражескую оборону, разрушали дзоты и окопы, выводили из строя огневые точки.

Наконец, настал момент решающего штурма вражеских укреплений, который был подготовлен с особой тщательностью. Точно в указанную минуту открыла огонь артиллерия. Через короткое время в ряде мест были проделаны

проходы в инженерных сооружениях врага. Снаряды обрушились на окопы фашистов, на дзоты, откуда открывался обычно фланговый огонь по наступающим. Как и раньше, немцы удалились на время в блиндажи, оставив на месте только дежурные пулеметы и минометы. Но и в блиндажах им не было покоя — била советская тяжелая артиллерия. Под прикрытием мощного огня в атаку пошли наши танки и пехота.

Бой развивался не везде одинаково, и сопротивление немцев было различно на разных участках. Там, где артиллерия не давала врагу поднять голову, — там наши подразделения, следуя за огневым валом, быстро вклинились в полосу инженерных прикрытий и приблизились к немецким окопам. Интересно проследить это на примере роты, которой командует лейтенант Клочко.

Во время артиллерийской обработки Клочко следовал со своей ротой непосредственно за разрывами снарядов, примерно в трехстах метрах. Движение роты, конечно, было замечено дежурными пулеметчиками и минометчиками врага. Они открыли огонь, но так как рота передвигалась резкими бросками, то потери ее были незначительны. Так бойцы приблизились к минным полям противника. Нашими снарядами уже были проделаны здесь проходы. Только в некоторых местах пришлось убрать отдельные мины и перерезать проволоку. Этим занялись приданные саперы и отдельные бойцы, в то время как вся рота открыла интенсивный огонь по окопам врага. Были введены в действие ротные минометы.

Немцы не смогли больше усидеть в блиндажах, еще раньше поврежденных снарядами. Они вылезли наружу, но были встречены обходящей их слева ротой лейтенанта Павленко. Враг очутился между двух огней. Ему пришлось бежать обратно в свои окопы, а там уже находились бойцы роты Клочко. Завязалась рукопашная схватка, в которой наши бойцы действовали штыками, ножами, тесаками. Зигзагообразная форма окопов позволяла красноармейцам обрушиваться на врага из-за угла и насмерть бить обезумевших немцев. Свыше 400 солдат и офицеров истребила в их же окопах рота лейтенанта Клочко.

В выполнении ее задачи хорошо помогла обходившая противника слева рота Павленко. Нужно отметить, что эта рота была несколько раз контратакована с фланга неприятельскими подразделениями и подверглась сильному минометному обстрелу. Выставив заслон против пехоты противника, Павленко, несмотря на все трудности, не отвлекся от выполнения своей задачи, а продолжал продвигаться вперед. Эта целеустремленность и смелое продвижение с открытым флангом дали ему возможность помочь роте

Клочко. Как только Павленко убедился, что задача выполнена, он повел свою роту дальше под прикрытием артиллерийского огня и перерезал дорогу, по которой противник подбрасывал резервы. Благодаря этому маневру были перехвачены и уничтожены сорок машин с немецкой пехотой, спешившей к полю боя.

Таков один эпизод, показывающий, как взламывалась немецкая оборона. На других участках нашим бойцам, в частности противотанковой артиллерии и бронебойщикам, приходилось отражать контратаки танков врага и обходить некоторые узлы сопротивления.

В течение дня передний край обороны противника был вскрыт. Вошедшие в прорыв танки и пехота овладели опорными пунктами немцев в глубине обороны. Наши части, наступающие с севера, соединились с войсками, оборонявшими северную часть Сталинграда. Впервые боеприпасы были доставлены героическим защитникам города не через Волгу, а сушей. Укрепления, преграждавшие путь к славному гарнизону Сталинграда, больше не существовали.

II.

В 13 часов 24 ноября все радиостанции действующих частей Сталинградского фронта приняли из эфира громкое „ура“. Крики „ура“, торжественные боевые возгласы, зовущие вперед на врага, слышались на протяжении десяти минут. Затем одновременно несколько голосов на разных волнах сообщили открытым текстом о том, что войска Красной Армии, наступающие с севера вдоль Волги, соединились с северной группой защитников Сталинграда в селе Латошанка.

Более двух с половиной месяцев часть, которой командует полковник Горохов, вела оборонительные бои против немецко-фашистских захватчиков на северных подступах к Сталинграду. Отражая яростные атаки врага с земли и с воздуха, бойцы и командиры покрыли себя неувядаемой славой. Они не отступали назад ни на один шаг, как и все защитники волжской твердыни. Лишь там фашисты могли продвигаться вперед, где в неравной борьбе с численно превосходящим врагом клали свои головы воины Красной Армии.

Месяц—полтора назад гитлеровцы отрезали часть, возглавляемую полковником Гороховым, от других защитников Сталинграда и все время старались прижать ее к берегу Волги. Немцы наседали на наших бойцов танками, сотнями автоматчиков, то и дело бросали авиацию. Атаки врага следовали одна за другой на протяжении многих дней и ночей. Иногда за спиной наших воинов оставались

буквально десятки метров до реки, но они продолжали упорно обороняться, переходили в контратаки и отбрасывали врага. Часть выдержала наиболее тяжелые испытания и вышла победительницей. Она устояла, не сдав назначенные ей рубежи. Горы вражеских трупов по сей день лежат на том месте, где происходили эти кровопролитные бои.

С начала наступления наших войск севернее Сталинграда боевая активность защитников города поднялась еще выше. От обороны они перешли к дерзким вылазкам против фашистов. Утром 23 ноября полковник Горохов и его боевые соратники услышали артиллерийскую канонаду и шум приближающегося боя. Позже они увидели большое количество артиллерийских разрывов в расположении немецких позиций. В 11 часов разведка донесла о жарком бое за Латошанкой. Наблюдалось бегство отдельных фашистских групп за скаты высот юго-западнее этого населенного пункта.

Полковник Горохов отдал приказ поддержать огнем наступающих товарищей. Пулеметчики, минометчики, артиллеристы, автоматчики и все стрелки ударили мощной лавиной свинца и стали по отходящим гитлеровцам, а также и по тем, которые еще сидели в окопах перед передним краем. Враг, зажимаемый с двух сторон — с севера и с юга, — начал отступать на запад от Сталинграда.

В 12 часов 30 минут полковник Горохов выслал на передний край специальную разведку для установления связи с частью, двигающейся навстречу. Бойцы и командиры напряженно наблюдали из окопов за разведчиками, которые перебегали вперед от одного укрытия к другому. Все огневые точки, замолкшие в тот момент, были готовы защитить разведчиков огнем от нападения противника.

В это время сражение за Латошанкой усилилось. Уже отчетливо слышались родные крики „ура“. Вдали показались первые красноармейцы со знаменем. Бойцы, защищавшие северную окраину Сталинграда, не выдержали и рванулись на врага. Прикладами, штыками, гранатами проложили они себе дорогу вперед, догнали разведчиков и вместе с ними встретили товарищей, наступавших с севера и уже овладевших Латошанкой.

В 13 часов на южную окраину латошанского сада первыми вышли со стороны части Горохова старший лейтенант Ткаченко, капитан Ершов, капитан Рябов, старший сержант Демьянов и красноармеец Большаков. Им вышли навстречу с боевым знаменем и горячо приветствовали их пробившиеся с севера майор Евсюков и капитан Штанько с группой красноармейцев. Начались крепкие рукопожатия, объятия, поцелуи впервые встретившихся, незнакомых, но родных людей. В воздух взлетали шапки, громкое „ура“

раскатывалось вокруг. Слезы радости выступали на глазах у многих.

Полковник Горохов запросил по радио разрешение, немедленно наступать на фашистов совместно с прибывшей на помощь частью. Генерал одобрил эту инициативу и поставил боевую задачу. В 14 часов обе части овладели группой высот западнее Латошанки. На безымянном холме были водружены два алых знамени. Это послужило сигналом для перехода к общему наступлению на северной окраине Сталинграда.

Антон ШМИГЕЛЬСКИЙ

★

РАСПЛАТА

Пришла пора. Она дохнула
Весенней свежестью на нас.
Наречьем грохота и гула
Нам Родина прочла приказ.

В ее словах звучит веленье,
Гремящее, как трубный зов:
На штурм!
В атаку!
В наступленье!
Народным грозным наводненьем
Пусть выйдет гнев из берегов!

И голосу ее внимая,
Пошли мы сквозь свинцовый град,
Туда, где мать—земля родная
Прижала к сердцу Сталинград.

О, город, мужеством крылатый,
В боях израненный огнем!
Нет в мире яростней расплаты,
Чем та, которую несем
Врагам за все их преступленья,
За кровью обагренный свет,
За все, за все без сожаленья
Проклятым —
Смерть!
Смерть!
Смерть!

Д. АКУЛЬШИН, В. КУПРИН

★

ВСТРЕЧА ГВАРДЕЙСКИХ ЧАСТЕЙ

Советские войска вошли с запада в Сталинград.

Защитники Сталинграда переживали радостное волнение, когда еще вчера перед вечером с самой высокой точки в городе—высоты Мамаев Курган, с запада стали видны приближающиеся танки.

Ночь отсрочила радостное событие. Оно произошло утром, в туманной морозной дымке рассвета. С переднего края гвардейских подразделений была видна необычная картина. У вражеских траншей на немецкую линию обороны стали ложиться снаряды с двух сторон. Группы солдат в темносерых шинелях, как мыши, метались и бежали, кто вправо, кто влево. Пользуясь этой суматохой во вражеском лагере, гвардейцы начали продвигаться вперед; не встречая обычного сопротивления немцев, жали и давили их с двух сторон.

Яркие лучи январского солнца озарили заснеженные холмы и пригорки у балок и разрушенные постройки рабочего поселка. Бойцы-гвардейцы уверяют, что солнце сегодня на восходе играло по-праздничному. Стало ясно видно, как навстречу сталинградцам движутся, перебегают знакомые, родные фигуры в белых маскировочных халатах.

Напряжение гвардейцев, радостное боевое волнение достигало наивысшего предела. Командиры батальонов, гвардии капитаны Гущин и Мудряк и зам. начальника политотдела дивизии майор Коринь не могли уже больше оставаться на наблюдательном пункте. Они бросились вперед, обгоняя своих бойцов. Навстречу им бежали наши родные советские бойцы и командиры. Они высоко над собой поднимали винтовки и автоматы. И вот они сошлись на заснеженном поле у траншей и окопов, где еще утром сидели враги.

— Кто вы?—послышалось одновременно с обеих сторон.

— Мы гвардейцы Родимцева.

— А мы гвардейцы краснознаменной дивизии Таварткиладзе.

Звонко многоголосое победное „ура" разнеслось по холмам, отозвалось в городе и над льдами Волги. Незнакомые, но кровно родные бойцы крепко обнимались и целовались, как после долгой разлуки. Суровые, обросшие лица светились радостью и, кажется, излучали тепло в это морозное утро. Не выдерживали многие и, не стесняясь, смахивали рукавицами прозрачные слезы радости и победы.

Майор Коринь прикрепил на древко красное полотнище и тут же на снегу начал писать чернильным карандашом: „От гвардейской ордена Ленина дивизии в знак встречи 26.I. В 9.20 знамя приняли командиры батальонов гвардии старшие лейтенанты Стотланд и Усенко".

Здесь же был написан короткий акт о встрече. Подошли тяжелые танки „КВ". На их броне было написано „Челябинский колхозник". У 18 танков открывались люки: „Привет сталинградцам! Мы торопимся дальше".

В это время из города шли группы командиров. Все узнали там Героя Советского Союза генерал-майора Родимцева. Новая встреча! Командиры батальонов, пришедших на соединение со сталинградцами, четко отрапортовали генералу. Он расцеловал командиров и бойцов. Произошел короткий радостный митинг. Растроганный, овеянный славой, генерал-майор сказал:

— Это самый радостный день в моей жизни. Мы вас долго ждали, крепко держали Сталинград. И вот дождались. Привет вам от защитников города Сталина.

Не успели отзвучать радостные речи, как в 10 часов правее, у балки Банной, на окраине рабочего поселка „Красный Октябрь", произошла новая встреча. Раздавалось громовое „ура".

— Привет от сталинградцев!

— Да здравствуют сталинградцы!

И вновь волнующие объятья, слезы радости.

Н. ТИХОНОВ

★

КЛАССИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

Весь мир стал свидетелем того, как части Красной Армии окружили на подступах к Сталинграду плотным кольцом 22 дивизии гитлеровской армии и начали систематически ликвидировать их.

Немецкие бандиты хлебнули сейчас ледяного ветра приволжских степей, первого мороза и метели—сидя без топлива и дрожа в летнем обмундировании. Они, нажравшиеся до отвалу награбленным продовольствием, сели на 100—150 граммов мерзлого хлеба, а вместо изысканных кушаний гложут кости павших лошадей. Возмездие пришло к ним быстро, и ничто не может спасти их от смертельного конца. Голодный тиф косит их ряды, стон и вопли гитлеровских дистрофиков заглушают заклинания их утешающего радио о том, что к ним придут на помощь.

Все уже ясно: помощь не приходит, она не может притти. Побитые гансы, шедшие им на помощь, могут только сообщить своим незадачливым собратьям по грабежу, что им тоже не сладко удирать под ударами Красной Армии к Ростову по голодной зимней степи.

Командующий окруженной 6-й германской армии генерал-полковник Паулюс уже, вероятно, сложил свое барахло в самолет, чтобы, бросив вверенные ему войска, спокойно удрать, или уже удрал, предварительно отказавшись капитулировать,—жалко ему что ли обманутых гансов, которых он завел в безвыходное положение.

Если он удерет благополучно, то у него будет время где-нибудь в тылу подвести итоги действий и своей армии и действий Красной Армии, разобрать операцию с точки зрения исторической.

Немцы—большие любители всякого рода тщательных исследований, особенно в области военной истории. Идол германского генерального штаба—известный граф Шлиффен некогда придумал принцип современных Канн. При Каннах Ганнибал разбил римские войска Теренция Варрона, окружив их и частью уничтожив, частью взяв в плен. Было это очень давно, еще до нашей эры. Но Шлиффен считал, что и в современных боях этот способ истребления противника есть наилучший, и со времени Шлиффена все передовые немецкие военачальники только и мечтали о Каннах для врагов Германии.

Генерал-лейтенант Вольдемар Эрфурт, обер-квартирмейстер военно-исторического отдела главного штаба германской армии, посвятил специальную работу теме „Победа с полным уничтожением противника".

Разбирая все военные операции разных времен, похожие по обстановке на прежние Канны, он должен был оговориться: как современный полководец окружает и уничтожает своего противника, нельзя выяснить на основе хода сражения при Каннах. И он принимается за разбор операции германской армии, анализируя сражения прошлой мировой войны. Но, увы, должен признаться, что все сражения, которые могли быть Каннами, не состоялись. Искаженные Канны он находит легко, но настоящий классический пример массового окружения и сражения на уничтожение,—этого примера в истории германской армии нет.

Он пытается даже возвести действия итальянского маршала Бадольо в Абиссинии, который огромными богато вооруженными силами пытался окружить слабые, плохо вооруженные абиссинские войска. Но, несмотря на звучащий комически приказ Муссолини, пародирующего знаменитых полководцев: окружите и уничтожьте их!—Бадольо

оскандалился, и абиссинцы спокойно ушли от его ударов, оставив в дураках претендента на современного Ганнибала.

За Эрфурта в нынешней войне, уж будьте спокойны, немецкое командование приобретет классический пример Канн для германской военной истории. И нынешний генерал-полковник Паулюс может подробно рассказать ему, что Канны, классические Канны состоялись, и он даже прямой участник этого события. Правда, природа этого случая зло подшутила над ним и он может, выступая в качестве докладчика, выступать только в роли Теренция Варрона, а ни в роли Ганнибала. Ганнибалом стало советское командование, которое дало возможность немецким историкам зарегистрировать классические Канны. 22 дивизии немецкой армии попали в окружение, атаки на них ведутся со всех сторон, и со всех сторон их планомерно уничтожают. Пройдет еще некоторое время, и от грозной армии Паулюса не останется ни одного самого задрипанного ефрейтора.

В будущем немецким военным историкам не надо будет лазить далеко в историю, чтобы иллюстрировать положение прославленного Шлиффена. Граф будет переворачиваться в гробу, но делу уже не поможет. При слове „Сталинград" немецкие генералы теперь будут с ужасом оглядываться, не подходит ли к ним день новых Канн. Эрфурт прав: „Как современный полководец окружает и уничтожает своего противника, нельзя выяснить на основе хода сражения при Каннах,"—надо выяснить на основе хода сражений на подступах к Сталинграду. Красная Армия дала суровый исторический урок зарвавшимся авантюристам из германского генерального штаба и написала своей тяжелой рукой главу истории, при чтении которой все гитлеровские генералы будут скрипеть зубами от бессильнсй злобы. Красная Армия показала всему миру, как надо устраивать настоящие современные Канны—на уничтожение.

Вы много рассуждали о Каннах, господа Эрфурты и Паулюсы,—получите их в чистом, классическом виде. Это только первый пример, за ним последуют и остальные классические примеры. Красная Армия уважает древнего Ганнибала, но она имеет своих Ганнибалов, которые научат уму-разуму немецкую грабительскую армию, жестоко проучив ее самонадеянных руководителей. Эрфурты и Паулюсы получат окончательное историческое возмездие в день, когда Красная Армия внесет новый вклад в военную историю мира,—уничтожит последнего гитлеровского солдата на своей земле. Русский штык перечеркнет страницы немецких военных учебников, и весь академизм генеральских авторитетов Гитлера лопнет, как мыльный пузырь, на утешение освобожденного человечества.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

★

СОРВАННАЯ ПОСТАНОВКА

Немецко-фашистская пропаганда готовила пышную постановку: „Триумф Гитлера в Сталинграде". В программу входили фанфары и литавры, речь Гитлера, венец славы знаменитому стратегу. Красная Армия сорвала эту постановку. Триумф не состоялся. Главный актер забился за кулисами в угол и пытается остаться незамеченным. От речи он благоразумно отказался. Чтобы отвлечь внимание от засыпавшегося фашистского архистратега, немецко-фашистская пропаганда поспешно импровизирует постановку — „Героическая смерть немецких генералов в Сталинграде". В программу входит торжественная панихида по павшим генералам. Роль главного покойника была предназначена командующему группой немецко-фашистских войск Паулюсу. В Берлине заочно примеряли на нем плащ древнегреческого царя Леонида, который пал вместе с 300 спартанцами в Фермопильском ущелье.

Немецкая печать помещает биографические данные о Паулюсе, весьма смахивающие на некрологи. Гитлер возлагает на предполагаемую могилу звание генерал-фельдмаршала, чтобы скрасить последние минуты Паулюса.

Военный корреспондент агентства Трансоцеан капитан Серториус авансом произносит над прахом Паулюса прочувствованную речь:

„Героической стойкости генерал-фельдмаршала Паулюса и его верных соратников обеспечено особенно почетное место в славной многовековой военной истории Германии. Германский полководец делит со своими гренадерами последний кусок хлеба, сражается бок-о-бок с ними на передовой линии, вплоть до горестного конца".

Все подготовлено для того, чтобы лживыми патетическими речами заглушить критические голоса в Германии, чтобы отвести внимание от виновника неслыханного позорного провала Германии — от ефрейтора Гитлера.

Но срывается и эта постановка, главный покойник действует не по роли, написанной в Берлине. Генерал-фельдмаршал действительно делит со своими оставшимися в живых гренадерами их судьбу. Они сдаются в плен, и он сдается в плен. Сдается живьем и весь хор генералов-покойников, полковников-покойников. Плащи спартанского царя Леонида и 300 героев-спартанцев валяются на сцене, как излишний реквизит. Героев-немцев не нашлось в Сталинграде.

В Берлине не верят своим ушам. Фашистская пропаганда не может примириться со своими живыми генералами. Агентство Трансоцеан делает безнадежную попытку вывернуться из неприятного положения. Оно передает:

„Генерал-фельдмаршал Паулюс, находясь в Сталинграде, носил с собой два револьвера и яд. Попал ли он в советские руки, будучи в бессознательном состоянии (поскольку он несколько дней тому назад был тяжело ранен) или мертвым — еще неизвестно".

Увы, все очень хорошо известно. У Паулюса была полная возможность принять яд, выстрелить в себя из одного револьвера, потом из другого, и еще оставалось время для того, чтобы повеситься. Гитлер не мог ничего сделать для спасения своей армии, уничтоженной по его вине. Но было подготовлено все для того, чтобы Паулюс покончил с собой и унес все концы в воду. Неподготовленным оказался сам Паулюс.

Немецкие генералы предпочли жизнь в советском плену загробной славе в фашистской печати. Что касается Паулюса, то он попал в советские руки вполне здоровым, находясь в здравом рассудке и твердой памяти.

Здравый рассудок говорил ему, что нелепо театральной смертью прикрывать преступление Гитлера, его тупость и бездарность. А твердая память подсказывала, что Гитлер был и остается только ефрейтором.

Фашистская постановка провалилась. Грубо намалеванная декорация Фермопил уничтожена Красной Армией. Гитлер ничем не может заслониться. Всему миру ясно, что он понес величайшее поражение в этой войне.

И. ЭРЕНБУРГ

ЭПИЛОГ

В Сталинграде наши войска выкурили из норы последних фрицев. Коллекция военнопленных обогатилась еще несколькими генералами. После долгих месяцев боя впервые над Сталинградом воцарилась благословенная тишина. Давно „Седан" стал нарицательным именем: судьба армии Наполеона III, окруженной пруссаками, приводилась как пример бесславного поражения. Пусть немцы больше не говорят о Седане. Пусть теперь они повторяют: „Сталинград". Поражение 6 немецкой армии назидательней Седана. Немцы шли к Волге самодовольные, опьяненные топотом

своих шагов. Они везли под Сталинград многообразную технику. Они кричали: „У нас множество танков! У нас шестиствольные минометы! У нас лучшие в мире бомбардировщики!"

Главнокомандующий германской армией, ефрейтор, больной манией величия, 30 сентября развязно рявкнул: „Я говорю, что Сталинград будет в ближайшие дни взят моими солдатами". Он может сейчас поглядеть на Сталинград— его генералы один за другим сдаются в плен. Мощная техника Германии не помогла фрицам. Железо не воюет. Железом воюют. У наших солдат в груди священный огонь, и теперь мы считаем сотнями, тысячами захваченные трофеи: самолеты, танки, орудия, минометы.

Берлин от горя не поумнел, а поглупел. Вот как берлинское радио золотит горькую пилюлю: „Наше военное руководство в Сталинграде перед тем, как сдаться русским, уничтожило все документы. Этим наши герои приготовили себе еще один камень для памятника". Хорош будет этот памятник битым фрицам! Может быть, на его цоколе напишут: „Сдаваясь в плен, отважно сожгли приказы о реквизиции и наиболее пикантные дневники". Бумаги было легче уничтожить, чем орудия.

Чувствуя, что сожженные бумаги мало утешают немцев, берлинское радио сообщает: „В северной части Сталинграда наши войска сражаются еще более стойко". Это немцы слышали по радио 2 февраля. А в это время в северной части Сталинграда фрицы всех званий деловито спрашивали красноармейцев: „Битте, где здесь плен?"

Осенью Гитлер во что бы то ни стало хотел взять Сталинград. Он писал об этом напряженно, навязчиво: победа ему была нужна, как опора, как стена. Он уперся в стену, и стена рухнула. Он кричал на своих генералов: „Взять Сталинград!" Он швырнул ордена. Он грозил непослушным. Он пригнал к Волге свои лучшие дивизии. Он потратил на Сталинград сотни и сотни тысяч немцев. Он не хотел признать себя побежденным. Сталинград стал для бесноватого ефрейтора вопросом престижа. Он завел свою отборную армию в капкан. Он кричал: „Вы триумфаторы". Пусть полюбуется теперь на своих „триумфаторов": они жалки и ничтожны, эти пойманные в западню мелкие хищники, воры с крестами на груди. Боец глядит на пленных генералов и усмехается: „Довоевались!"

Немцы называют окружение „котлом". Что же, большой сталинградский котел откипел. Но немцам теперь приходится привыкать к окружениям: котлов и котелков довольно много и в каждом из них варятся фрицы. Мы теперь тоже кое к чему привыкли: мы привыкли бить немцев оптом, и это дело мы доведем до конца.

Алексей СУРКОВ

★

В ДОБРЫЙ ЧАС!

Опять, как в ноябре былом,
Бушует шквал свинца,
И вести добрые теплом
Наполнили сердца.

Непобедимо тверд опять
Красноармейский шаг.
Плотина прорвана, и вспять
Бежит на запад враг.

От залпов задрожали вновь
Донские берега.
Струится вражеская кровь
На первые снега.

Меж звонких льдин кипит вода.
На бой, на ратный труд
Станицы, села, города
Сынов своих зовут.

Руины выжженных жилищ,
Простор, одетый в чад,
Пустыни черных пепелищ
О мщении кричат:

— За слезы жен и кровь детей,
За страшный, горький год
Гони и тысячью смертей
Карай немецкий сброд.

Чтоб в похоронном звоне льдин
Их смертный ветер смёл,
Чтоб все легли. Чтоб ни один
От кары не ушел.

Пусть крепнет орудийный гул.
Пусть бьет в упор снаряд.
Пусть сгинет тот, кто посягнул
На славный Сталинград.

Отвагой воинов для нас
К победе путь открыт.
— Вперед, герои! В добрый час! —
Им Сталин говорит.

...Я с тобой, защитник Сталинграда,
Я всегда с тобой!

III. С нами—вся страна

... Пройдут годы. Кости фашистских разбойников истлеют в сталинградских степях. На берегах Волги вырастет еще более прекрасный, еще более солнечный и богатый город Сталина. Но никогда народ не забудет тех, кто кровью своей отстоял наше будущее.

Честь и слава вам, дорогие братья!

Из приветствия сессии Академии наук СССР защитникам Сталинграда.

ДЖАМБУЛ

★

НЕСОКРУШИМАЯ КРЕПОСТЬ

Про дела счастливой страны
Пел я в мирные времена,
Но, друзья мои, в дни войны
Песня гнева больше нужна.
Мне покоя гнев не дает!
Ночи целые напролет
Я тревожный мысленный взгляд
Устремляю на Сталинград.
Хочет враг занять берега
Нашей славной Волги-реки.
Руки коротки у врага!
Обломаем ему клыки.
Поскользнется его нога!
Сталинград, не каждый ли дом
Повествует здесь о простом
Славном воине-смельчаке,
Что с оружьем, сжатым в руке,
Защищает волжский простор
И свободы Кавказских гор!
Ты не дрогнешь воин-смельчак!
Вспомни, в дни тягчайших невзгод,
Как когда-то русский народ
Защищал твой каждый очаг.
У могучей нашей реки
Сталин братьев твоих сплотил,
И отец, что тебя взрастил,
Всем лишениям вопреки,
Под Царицыным победил.
Твердо знает и стар и млад:
Враг наш скоро будет разбит.
Совесть мира на Сталинград,
Затаив дыханье, глядит.
Защищай же волжскую ширь
Безупречный мой богатырь!
Высоко над краем родным
Сталин знамя борьбы вознес.
В Сталинграде пламя и дым,
Но стоит он прочней, чем утес.
Там сражается и казах,
Мой сородич неустрашим,
Знаю—выстоит он в боях,
Будет Сталин доволен им.

* * *

Я не белый клок оторвал
От седой моей бороды,
Я родного сына послал,
Сталинградцы, в ваши ряды!
Провожая его в поход,
„Алгатай!—сказал я ему,—
Бей, как следует, вражеский сброд,
Докажи, что ты не урод,
Что в Джамбуловом вырос дому!"
Я сказал ему: „Алгатай!
Будь подобен живому письму,
Мой привет бойцам передай!"
Сталинградцы! Песни мои
Алгатай мой вам пропоет,
Пусть в бурленье волжской струи
И Джамбул свой голос вольет.

Перевел М. ТАРЛОВСКИЙ

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

★

ГОРОД НА КАМЕ

Молотов — город на Каме. На сорок километров, почти от устья Чусовой, растянулся этот чудесный уральский город—центр огромной области, раскинувшейся на западных склонах Уральских гор, области в давние времена называемой Пермью Великой. На крутом берегу Камы стоит город. Циклон, пришедший с Вологды, несет косые полосы мелкого, колкого снега. В снежном тумане стоят хвойные вековые леса. Внизу, между заторошенных битым льдом берегов, катится холодная река.

Дымят заводы. Их много. Темные и сизоватые клубы дыма на небе — постоянный пейзаж камского левобережья. От этого еще могучее становится и город и река.

Ирбитская улица протянулась по оврагу. Заснеженная дорога вьется по дну улицы. Вдоль домов досчатый тротуар с планками, чтобы не поскользнуться. Тротуар похож на растянутую гусеницу крупного танка. Красноармейцы в теплых шапках из цигейки и темно-зеленых шинелях ведут учебный уличный бой. Одни с автоматами и пулеметами засели у домов, другие перебегают дорогу, плашмя

бросаются на землю, ползут под косогорами. Вот они вырвались наверх, по тротуару стучат их сапоги, на тонкой пелене снега остались витые пластунские следы. „Ура" гремит на Ирбитской улице в Молотове. Там, в Сталинграде, в районе заводов „Красного Октября", „Баррикад", Тракторного, в изгибах речушки Царицы, от Мамаевых бугров текут к Волге точно такие улицы. Туда уже послали молотовцы своих бойцов, туда готовятся новые пополнения, способные к „городскому" бою, к зимней войне, туда придут стрелки — уральцы, получившие признание в боях наравне с замечательной сибирской пехотой.

Не раз Урал приходил на помощь родине. В семнадцатом веке грозный 1611 год принес тревожные вести: заколебалась Русь, тревога заползла в сердца людей. Тогда разноплеменные враги захватили Смоленск, Псков, Новгород, вошли в Москву. Нижегородцы прислали на Урал призывные грамоты, подписанные Кузьмой Мининым. Из Перми, Чердыни, Соликамска, Кунгура пошли на помощь отчизне боевые дружины, везя с собой „всякий городовой наряд и зелье", то-есть пушки, порох, селитру, свинец. Посылая воинов на выручку Москвы, уральцы наказывали командиру отряда чердынскому посадскому человеку Михайле Третьяку: „Иди с теми ратниками на помощь, не мешкая, днем и ночью, на Соль-Вычегодскую, а от Соли-Вычегодской на Устюг Великий, а с Устюга Великого туда, где следуют русские полки". Наказывали уральцы своему ополчению „стоять за дело русское всем единодушно... Быть со всей землею в любви и совете и в соединении, и итти в ход, очищати московское государство от врагов разорителей".

Отстояли тогда русскую землю ее сыны. С победой и славой вернулись домой уральские отряды, сражавшиеся под знаменами Минина и Пожарского.

Война требовала оружия. Поход для освобождения Москвы показал, что собрать ратных людей легче, чем вооружить их, чтобы противостоять вторжению иноземцев. Развитие горного промысла, то-есть добывание железных и медных руд, выплавка чугуна и меди, и изготовление „рукодельной" и „секретной" стали, пушечной поковки, шпажных клинков, получило особое развитие при Петре Первом, приславшем на Урал опытного оружейника — Никиту Демидова. Пушки, изготовленные на Урале, помогли Петру одержать полтавскую победу.

Уральские заводы надолго стали основным арсеналом России. Разгром Фридриха Второго, вступление русских войск в Берлин, Бородино, оборона Севастополя и много других славных страниц русской военной истории написано уральским оружием. В первую мировую войну Россия

стояла против Германии на огромном фронте, и поставка оружия была поделена между южными и восточными заводами. В великую отечественную войну при большем протяжении фронта и более сильном противнике Урал принял основную нагрузку не только в добыче стратегического сырья, но и в изготовлении оружия.

Молотовцы помнят эпические годы вооруженной борьбы за советскую власть. В конце декабря 1918 года Колчак повел решительное наступление на Москву, с направлением основного удара на Пермь (Молотов), Вятку (Киров). Против советской 3 армии действовали превосходящие силы Северо-Уральской группы Колчака. Армия левого фланга Восточного фронта, лишенная армейских и материальных резервов, отступала в условиях бездорожья и жестоких морозов от Верхотурья до Перми.

24—25 декабря 1918 года генерал Пепеляев овладел Пермью. На плечах отступающей армии колчаковцы рвались дальше на запад. Москва! Вот что было конечной целью колчаковцев. Пермская катастрофа — так было названо историей то поражение. Овладев южными промышленными районами, объединенные силы контрреволюции отнимали у Советов Урал. Социалистическое отечество было в опасности. Пермское направление приобрело такое же решающее значение для исхода борьбы на всех фронтах, какое летом 1918 года имел Царицын. Сюда были посланы Сталин и Дзержинский. Решительные меры, принятые ими, остановили отступающие полки 3 армии. Армия была укреплена. Из Центральной России подошли подкрепления, присланные Лениным. Колчак был остановлен, а после отброшен и разбит. Советские войска вступили в Пермь.

На примере Перми товарищ Сталин сделал ряд выводов огромного принципиального значения, и первым из них был вопрос о резервах.

„Нужно покончить с войной без резервов,— писал товарищ Сталин,—необходимо ввести в практику систему постоянных резервов, без коих немыслимы ни сохранение наличных позиций, ни развитие успехов. Без этого катастрофа неминуема".

Молотовцы помнят предостережение Сталина. Резервы день и ночь куются на Урале. Как только на фронт уходят обученные соединения, в их казармах появляются новые бойцы. Я видел сотни казарм, срубленных из пихты, в Уральских горах, на берегах горных рек, у старинных городков и заводских поселков. Эшелоны уходили на запад, но сейчас же прибывали составы с новым пополнением, люди спрыгивали из вагонов, разминались, становились в ряды и шли в теплые, обжитые казармы. Если в прошлом году чувствовался недостаток оружия для обуче-

ния, то теперь по дорогам Урала идут на занятия полки в хорошем обмундировании, снаряжении, с автоматами и полуавтоматическими винтовками, с пулеметами, минометами и пушками. Сейчас все дивизии и бригады поставлены на лыжи; готовятся к тяжелой зимней войне.

Молотовцы следят за действиями своих дивизий и гордятся их боевыми успехами. Перед отправкой на фронт полки дают клятву не посрамить уральского оружия. Так было, когда на помощь осажденной Москве, зимой 1941 года, пошли полки кунгурских и чердынских формирований. На октябрьские праздники в город Молотов прибыли делегаты одной из дивизий, сформированных в исторических местах первой зимовки Ермака Тимофеевича, на реке Сылве. Дивизия составлена из потомков дружинников Ермака Тимофеевича, из потомков коренных уральцев, ходивших в воинство Минина и Пожарского, Петра I, Суворова, Кутузова.

Делегаты дивизии на торжественном заседании молотовцев отчитались о боевых успехах кунгурцев. Нельзя было без волнения слушать этот исторический рапорт. За год сражений на боевой счет дивизии записано уничтоженных и подавленных 187 минометных батарей, 121 артиллерийское орудие, 699 пулеметных гнезд, 47 танков, 125 автомашин и повозок, 387 разрушенных дзотов и блиндажей, 9 сбитых самолетов, 19 сожженных складов с боеприпасами и т. д. Дивизия отбила у немцев и захватила 75 танков, 11 бронемашин, 270 автомобилей, 53 орудия, 153 пулемета и миномета, 3 полковых санитарных части, десятки тысяч снарядов, мин, винтовочных патронов... В дивизии 522 орденоносца. Все за один год! Слава дивизии пришла вместе с горячей кровью уральцев, обагрившей поля Подмосковья, Белоруссии. Там лежат сраженные сыны Урала. Делегат дивизии перечисляет фамилии павших, и зал напряженно слушал знакомые имена людей, превращенных воинским подвигом в красивую, пламенную легенду. Минин, Колосов, Кочкарев, Меньшиков, Морозов, Филиппов, Кориневский, Смирнов, Сосенкин, Федосеев, Байчук, Безбородов, Сучков!.. Кунгурцы! Орлы Урала! Родина высечет ваши имена на бронзе и граните. Имена сраженных героев — новая слава Урала. Сюда пришла боевая песня кунгурцев:

Идут уральцы с песней в бой суровый.
Горят огнем граненые штыки,
И все мы жизнь отдать свою готовы,
Чтоб разгромить фашистские полки.

Уральцы дали клятву боевую:
За счастье биться, жизни не щадя,
В бой итти за партию родную,
В бой итти за Сталина-вождя.

Мальчишки выбегают из школы имени Пушкина и, построившись на бульваре, идут, размахивая руками, и поют эту новую песню, привезенную с фронта. Девушки-студентки Молотовского университета идут с этой песней на лесозаготовки. Ее поют ребятишки возле кино, на улице Ленина, где сегодня идет хорошая картина „День войны". Молотовцы создали и свою песню, быстро облетевшую весь Урал. Эту песню на всех собраниях и концертах выслушивают, как гимн победы, гимн возвращения к родимым очагам воинов-уральцев. Сколько слез блестит на глазах женщин, и молодых и пожилых, когда звучит эта простая, но сильная песня:

Урал, сыны твои клянутся,
Что будут все героями страны,
Урал, с победою вернутся
В родимый край отважные сыны.

На улице Орджоникидзе, на двери одного дома, я увидел почтовый ящик, раскрашенный детскими руками. На нем написано: „Сюда опускать письма от папы с фронта. Папа, пиши. Вова и Леля". Письмо с фронта — праздник не только семьи, но и всего дома, всей улицы. Содержанием писем делятся, подвигами гордятся. На праздники детям фронтовиков и раненых выдавали подарки.

Возле школы я однажды заметил плачущую девочку лет семи. Она вытерла кулачками глаза, когда я к ней наклонился. „Ты чего плачешь?" — спросил я. „Ничего", — ответила она строго. „Может быть, кто обидел? — снова спросил я. — Побил? Скажи, я помогу тебе". Девочка вначале стеснялась меня, но потом призналась, что она плакала из-за папы, который не на фронте, и не раненый. Мало того, он не больной, не на костылях, а вполне здоровый „мущина", а не на фронте. Мальчишки смеются над ней, и ей стыдно за своего папу. Все хвалятся своими отцами, а ей и похвалиться нечем. Девочка снова зарыдала...

* * *

Мне пришлось быть на одном уральском металлургическом заводе. Возле прокатного стана работали женщины. В печах подогревали болванки весом в 700 килограммов. После подогрева, раскаленная болванка выбрасывалась из печи и катилась на тележке по рельсовому спуску, к прокатному стану.

Возле стана с крючьями в руках стояли женщины. После я узнал их фамилии: Копытцева, Судакова, Вершинина, Овчинникова, сестры Берестневы. Большинство из них жены

красноармейцев. Они пришли на завод после начала войны, на смену мужьям. Казалось феерией, когда болванка в тонну весом плясала в руках этих женщин. Будто играя куклой, работницы бросали ее с той и другой стороны в вальцы прокатного стана, пока кусок металла не становился все тоньше и тоньше, шире и шире, и, наконец, клацнули какие-то последние защелки и по конвейерной ленте покатился лист броневой стали. Из печи выпрыгнула очередная болванка и, подрагивая, покатилась к вальцам. И снова в руках женщин запрыгала кукла из огненной стали.

В короткий перерыв рядом со мной на ребро закалочного корыта села женщина с мягкими движениями, которыми она оправила волосы, выбившиеся из-под косынки. Она была в комбинезоне, как бы пропитанном металлом, в грубых башмаках на толстой подошве.

— Все же мы, женщины, в такой одежде очень некрасивы,—сказала она с некоторой грустью.—До войны я не работала. Но сейчас мой муж пошел под Ленинград, он пулеметчик. Я пришла на завод. Нужно помогать мужу, фронту...

Нет, несмотря ни на что, вы очень красивы, русские женщины нашей борющейся родины, женщины, взявшие на себя обязанности мужчин и натянувшие на себя одежду гвардии тыла! Вы не потеряли вашего женского обаяния, и ваши мужья, сжимая в руках оружие, сделанное вашими заботливыми руками, быстрее придут к победе.

День и ночь трудятся женщины Молотова, Чусовой, Теплой горы, Лысьвы, Добрянки...

На Урале бухают пушки. Вначале короткий блеск, потом раскатистый гул, повторенный и размноженный рекой. Блеск и гул... Война? Да, война. Орудия, отстрелянные на полигонах, пойдут на войну. Воины—уральцы! Эти орудия вышли из-под золотых рук известных пушечных мастеров Спешилова, Морилова, Ушакова, Гилева, Галанина. Люди эти—почетные пушкари Урала. Вспоминайте о них, бойцы Красной Армии, когда огневой смерч взрывает блиндажи и завалы жестоких немецких захватчиков.

На производство оружия пришли молодые рабочие. Рабочий класс Урала значительно обновился. Но разве от этого оружие стало хуже? Разве фронтовики замечают, что броневые поезда, самолеты, моторы, минометы, автоматы делают менее квалифицированные люди? Юноши проходят ускоренную подготовку в ремесленных училищах и школах ФЗО и становятся на ответственную работу.

Бойцы! Вы знаете полуавтоматическую полковую пушку. Она хорошо показала себя против танков и живой силы противника. Пушки эти выходят из цеха Баскакова и грузятся на фронтовые платформы... Вместе с другими рабо-

чими их делают совсем молодые ребята—Васильков Саша и Фирулев Сережа, пятнадцатилетние пушкари-патриоты. Из этого цеха не так давно на артиллерийские позиции Северо-Западного фронта поступило много батарей, сделанных сверхурочно, молодежью цеха по почину комсомольцев.

Россия гордится людьми, вписавшими свои имена в мировую историю прогресса, людьми, выращенными Уралом: Иваном Ивановичем Ползуновым—строителем первой в мире паровой заводской машины, строителями первых русских паровозов—Ефимом Алексеевичем и Мироном Ефимовичем Черепановыми, Козьмой Дмитриевичем Фроловым—величайшим гидротехником и механизатором XVIII века, мировым изобретателем радио Александром Поповым... Уральцы вписывают в историю техники Урала новые имена. Герои Социалистического Труда, такие, как Аркадий Дмитриевич Швецов,—знаменитый конструктор авиамоторов воздушного охлаждения. Быховский, имя которого широко известно всем фронтам, стоят на ряду с Героями Советского Союза—уральцами: командиром подводной лодки Стариковым, летчиком Пьянковым из Добрянки, летчиком Крохалевым, Пономаревым и другими.

* * *

Я вернулся на Урал после нескольких месяцев отсутствия. Мне посчастливилось видеть героический Севастополь. Я видел пылающий Юг, познал горечь прощания с родными станицами Кубани. Мохнатый от инея „Дуглас" принес меня снова на Урал. Я видел разрушенные города и горящие села, огненную линию фронта и прифронтовье—огромные затемненные пространства России.

Но вот здесь опустилась ночь, и город вспыхнул не языками пожаров, как Севастополь или Сталинград, а мирными огнями жилищ, уличных фонарей, веселых трамваев. Как странно сейчас видеть освещенный город. Глубокий тыл! Как необъятна наша отчизна. Кама катит и катит свои могучие воды, трещит лед. Отсветы пламени мартенов вспыхивают на реке. Город трудится день и ночь. Суровые и тяжелые будни.

Но наступит праздник. По улицам уральских городов пройдете вы, возмужавшие в сражениях, уральские батальоны. На простреленных ваших знаменах будет вышито слово—победа. В ваши колонны, солдаты великой войны, по праву станут солдаты тыла, рядом с вами прошагают счастливые жены и дети. Вы разойдетесь по своим жилищам и прижмете к груди своих родных. Будет о чем рассказать друг другу. Это время не так далеко!

Александр МАТВЕЕНКО

★

ФЕРАПОНТ ГОЛОВАТЫЙ

Собрание проходило в школе. Открыл его председатель колхоза. Коротко рассказав о том, что колхозники предлагают правлению организовать сбор средств на покупку самолета и что вот, дескать, на собрании должен разрешиться этот вопрос, он предоставил слово для доклада по текущему моменту товарищу, прибывшему из районного центра.

Ферапонт Петрович и сам не раз толковал с председателем о покупке колхозниками самолета, но сейчас, когда эта покупка стала претворяться в действительность, она приобрела для него другое, большое значение, заставила задуматься над многим, о чем раньше не думалось. И тут как-то сразу ему представилось то, что происходит в эти минуты не только в колхозе, но и там, далеко за ним, на линии фронта и дальше по ту сторону ее, на родной и любимой им земле, которая захвачена врагом.

Товарищ из районного центра говорил об инициативе тамбовских колхозников, приводил примеры патриотизма колхозников других областей, говорил о войне, о Красной Армии, о советском народе. Ферапонт Петрович вначале слушал его внимательно, но потом его собственные мысли стали говорить ему больше, сильнее, и он уже не слышал и не видел ничего, а был всецело поглощен своими думами.

Думалось и вспоминалось многое: и Украина, его родина, и родное село на Полтавщине, откуда выехал он тридцать два года назад. Голубело нежное небо, улыбались белые хатки, обрамленные вишняками и застывшими в немоте пирамидальными тополями. А за селом—широченная степь, и как выйдешь в нее, так и стоишь, будто былинка, а вокруг без конца и без края колосятся хлеба.

И вот это родное, близкое и любимое сейчас топчет враг, подлый и свирепый. Враг, который запоганил его землю, затоптал цветущие сады, само небо осквернил своим смрадным дыханием.

Докладчик говорит о Москве, о разгроме фашистских банд на подступах к красной столице, и Ферапонт Петрович видит Москву, ощущает все многообразие ее жизни. Он мысленным взором охватывает сразу все: и движение на улицах, и страду людей на фронте и на работе; и над всем этим ощущает могучую волю человека, которого никогда не видел, но которого любит большой, крепкой, нерушимой любовью. Он видит этого человека во всем, и с его именем у Ферапонта Петровича связано то, что принято

называть Родина. И когда он услышал слова докладчика: „Родина все еще в опасности. Враг неистовствует, глумится над нашим народом, рабами хочет сделать нас. Крепите мощь Красной Армии, помогайте фронту!“ — Ферапонту Петровичу показалось, что это прозвучал голос любимого им человека, голос его Родины.

— Уничтожим подлую гадину! Всем, что есть, поможем родной Красной Армии!—прошептал Ферапонт Петрович.— Два сына и три зятя моих бьются на фронтах, а нужно будет, и сам пойду, да рубану так, что и чертям тошно станет.

Ферапонт Петрович почувствовал, что его кто-то дергает за рукав. Оглянулся—сосед. Улыбается и говорит:

— Ты что же, не слышишь, как тебя Федор Петрович Сорочинский вызывает?—И тут только заметил Ферапонт Петрович, что стоит Сорочинский у стола, за которым сидит председатель, и смотрит на него.

— Так как же, Ферапонт Петрович?—спрашивает Сорочинский,—я вот полторы тысячи рублей на покупку самолета подписал и тебя вызываю последовать моему примеру.

— Меня?—проговорил Ферапонт Петрович, удивляясь, как это он в думах проглядел, что произошло.—Это вы напрасно—меня вызываете. Я пока еще никогда вызова не ждал. Что можно сделать для государства, без вызова делаю.

И спросил председателя:

— На какую цену самолеты есть?

— Разные есть, — недоумевая, ответил тот. — И на сто тысяч и на сто семьдесят тысяч и дороже.

Так вот прошу записать меня. — Ферапонт Петрович остановился, прикидывая что-то в уме, и, стараясь побороть охватившее его вдруг волнение, раздельно сказал:

— Если есть такая возможность, хочу сам самолет купить. Даю сто тысяч.

Собрание притихло, все смотрели на него.

— Да, сто тысяч,—повторил он.

Когда расходились с собрания, сосед подошел к Ферапонту Петровичу и, смущаясь, спросил:

— Неужто сто тысяч дашь? Да на них ведь стадо коров купить можно?

— Можно и стадо купить, верно, а можно и самолет. Пусть будет самолет.

— А жена что скажет?—допытывался сосед.

— И она то же скажет.

Ферапонт Петрович не ошибся. Жена его, Мария Тарасовна, сказала то же самое, но прибавила:

— Может, и сыны наши на фронте узнают, что их мать и отец свою долю для Армии Красной внесли. Не стыдно за нас будет.

И всю дорогу, когда ехали из колхоза в город, Ферапонт Петрович чувствовал в себе радостное сознание исполненного долга, и ему так было хорошо, что даже мороз и резкий холодный ветер только бодрили и будоражили его.

Ехавший с ним Сорочинский всю дорогу ворчал:

— Экая дорога! Да разве это дорога? Все позанесло, завалило. Лошадь по брюхо в снегу вязнет, не доедем. Разве мысленно доехать?

— И зря ты ворчишь, Федор Петрович,—подтрунивал над Сорочинским Головатый,—пусть хоть камни с неба валятся, хоть что хочешь будет, а доедем. Надо доехать! Самолет едем покупать.

Сорочинский не отвечал, только еще злее прикрикивал на лошадей и хмурился. Но в вагоне поезда, когда они уже подъезжали к городу, он, все рассказав Ферапонту Петровичу, сказал как бы между прочим, не глядя на него, а рассматривая что-то за окном:

— Не осилю я самолет, а все же и мне надо...

— Это про что ты?—хитро поглядывая на приятеля, спросил Ферапонт Петрович.

— Да про то же. Не осилю, говорю, самолет, не вытяну. А вот танк...—Он помолчал.—А вот танк, танкетку... надо бы узнать, сколько стоит. Хорошо бы танк купить.

Город встретил Ферапонта Петровича радушно. Директор завода, к которому он обратился с просьбой продать самолет, не удивился его желанию, и это понравилось Головатому.

— Ну, давайте-ка, товарищ директор, посмотрим, что за товары вы можете предложить?

— Истребитель подойдет?

— Вот! В самую точку попал!—обрадованно воскликнул Ферапонт Петрович.—Он-то мне и нужен. Чтобы быстрый был и чтобы всю нечисть фашистскую истреблял.

— Надпись на самолете будете делать?—осведомился директор.

— А как же? „В дар Сталинградскому фронту от колхозника Ферапонта Головатого". Так и напишите.

— Можно...

Ферапонт Петрович, прежде чем пойти выбирать самолет, прошелся по цехам завода, осмотрел всю сложную механику производства, побеседовал с рабочими. На площадке, где стояли готовые самолеты, Ферапонт Петрович долго ходил между машинами, оглядывал их, ощупывал, заглядывал в кабины и, наконец, остановился на одной, показавшейся наиболее красивой и прочной, хотя все самолеты были одинаково сработаны, одними и теми же старательными и любовными руками.

На другой день колхозник Ферапонт Петрович Головатый передал Красной Армии самолет. Что чувствовал тогда этот колхозник, сделавший подарок родине?

— Я словно душу свою отдавал тогда,—говорил Ферапонт Петрович.—Я хотел сказать летчику очень много и не смог, только сказал: „Громи фашистов, дорогой мой, не давай пощады мерзавцам и прилетай обратно с победой". Но не удержался,—смущенно добавил тов. Головатый,—расцеловал летчика. Как отец расцеловал. Так и простились. Сел он в самолет, дал газ и взлетел. А я вслед ему гляжу и гляжу. Вижу—в хорошие руки попала моя машина, думаю я. А он с высоты мне крыльями покачал и взвился ввысь...

И вот сидит передо мной высокий, широкоплечий, слегка сутуловатый человек, простой колхозный пчеловод. Он выполнил свой долг перед родиной: он послал в Красную Армию своих сыновей, отдал свои достатки, полученные честным колхозным трудом, и на его лице, крупном и в резких морщинах, лежит суровое спокойствие, и только в глазах, слегка прикрытых, сияет счастье и радость. Он только что прочел в газете, которую держит в руках, адресованную ему телеграмму. Под этой телеграммой стоит подпись: „И. Сталин".

— Он пишет мне,—глухим от волнения голосом говорит Ферапонт Петрович,—что Красная Армия не забудет, что я отдал ей свои сбережения. А разве я забуду когда-нибудь вот это, эту телеграмму? Никогда! Ни я, ни дети мои, ни внуки мои не забудут, и все мы отдадим за родину...

Валя БАРАННИК

★

МОИМ БРАТЬЯМ-ВОИНАМ

На Украине, стонущей под немецким ярмом, остались мои родители, сестры Настя и Фрося и ребята—Галинка, Танюшка, Ивасик и Василек. Как только читаю в газете о кровавых злодеяниях немцев, я в каждом расстрелянном старике вижу своего отца, в каждом убитом ребенке вижу маленькую Танюшку и Василька. Я слышу крик матери и сестер.

Еще в июле я получала письма от братьев.

„Не грусти, сестра, мы пустим немецких гадов на угноение нашей земли. Не унывай, сестра,—писал мой младший брат Алеша,—мы им дадим прикурить!"

Но вот уже прошло три месяца, и они не пишут. Где они? Бьют ли врага? И если есть среди вас Баранник Мирон, Баранник Тимофей или Баранник Алексей, прошу вас, передайте им: „Твоя сестра целует тебя нежно и еще просит тебя, чтобы ты был стойким и непримиримым к врагу, чтобы вместе с красным войском освободил родных из тяжелой неволи". Скажите, что очень соскучилась я и что просила написать хоть два слова, мол, жив, здоров, бью гадов.

Мы работаем и днем, и ночью, не покладая рук. Мы верим в нашу победу над лютыми катами. Есть у нас вдоволь и людей, и оружия. А какое оружие! Я такого сроду и не видела!

Дорогие мои родные земляки! Мы далеко от вас, но ежеминутно с вами. Я бы очень хотела услышать ваше слово и знать, как проходят ваши боевые дни и скоро ли мы вернемся на родную Украину, и будут ли белеть наши хаты среди вишневых садов, и скоро ли зазвучат песни девчат наших, хлопцев, скоро ли заколышет ветер, как мать ребенка, высокую пшеницу нашу, украинскую. Вы знаете об этом лучше меня.

Дорогие мои! Мне так хочется вам обо всем рассказать! И напомнить вам слова правды, которым учил нас великий Тарас Шевченко:

Добре, добре запалили,
Що й досі вадить,
А на січі мудрий німець
Картопельку садить...
Вам байдуже, аби добре!
Іжте на здоров'я.
А чиєю ж ота земля
Поливана кров'ю?

Так говорил наш великий поэт. Он ненавидел немцев. И теперь они разрушают его памятники над Днепром.

Любі мої брати—земляки українці!

Судьба братів на вашій зброї,
А в серці ленінський завіт.
Держіть штики напоготові,
Герої, ми здобудем світ!

Дорогие братья! Мы тоже не сидим, сложа руки. Все свое свободное время посвящаем вам, готовим теплые рукавицы, носки, теплое белье, платочки, кисеты—все для вас, чтобы вы чувствовали ежеминутно нашу заботу.

Будьте здоровы, дорогие мои воины-украинцы! Жм ваши боевые геройские руки и желаю полного разгрома немцев и освобождения нашей любимой родины. Я верю, что близок час, когда Украина разорвет немецкие оковы и вновь войдет в великую семью народов—Советский Союз.

Гвардии капитан А. КАРВОВСКИЙ

★

МАТЕРИ

Несколько дней назад я получил письмо от матери из города Горького. Она мне писала:

„Дорогой сыночек! Много дней прошло с тех пор, как мы с тобой расстались. В огне великой Отечественной войны ты защищаешь свою Родину, великую русскую реку—Волгу, на берегах которой ты родился.

Будь стойким в боях с врагом и пусть броня коричневых людоедов разобьется о броню твоего сердца.

Велико мое желание видеть тебя, но я хочу видеть тебя только победителем. Бей немцев так, как их бил твой отец четверть века назад. Бей их до тех пор, пока ни одного фашиста не останется на родной земле.

Благословляю тебя на бой и жду с победой.

Твоя мать".

Моя мать, А. И. Карвовская, ненавидит немцев, она учит меня ненавидеть их. Ее письмо глубоко взволновало меня и я написал ей ответ стихами.

Родная, здравствуй! Получил
Твое письмо на-днях,
Оно прибавило мне сил
И бодрости в боях.
Уже прошло немало дней,
Как не видались мы с тобой.
Я шел дорогою своей
На грозный смертный бой.
Проходит месяцев черед,
Гудит войной земля,
И топчет банды черный сброд
Советские поля.
В крови по пояс погружен,
Несет он смерть и тлен,
И наших девушек и жен
Уводит в рабский плен.
Пришел коричневый палач,
Пришел, а вслед за ним —
Предсмертный крик и детский плач,
Пожарищ черный дым.
Идет кровавый, вшивый сброд
С разбойною петлей;
Он хочет русский весь народ
Стереть с земли родной.

Опустошает города
Коричневая смерть,
Но нас фашистам никогда,
Во веки не стереть!
Река любимая за мной,
За мной моя страна.
За мною ты и дом родной,
Ребенок и жена.
Да разве дрогну я в бою?
Да разве сдам назад?
Чтоб взял фашист жену мою,
Убил ребенка гад.
Чтоб с черной свастикой броня
Все русское смела,
Чтоб ты, старушка-мать, меня,
Как труса прокляла?
Нет, не бывать во век тому,
Родимая, поверь!
Не будет в милом мне дому
Глумиться лютый зверь.
И Волгу с чистою волной
Не загрязнить врагам,
И не топтать мой край родной
Немецким сапогам.
Мне честь, родная, дорога,
И я в бою с врагом
Гранатой буду бить врага
И пулей и штыком,
А штык сломается в бою—
Зубами буду рвать,
Но отстою страну мою,
Тебя, родная мать.
Таких, как я, здесь много есть,
С сердцами из брони,
Ведет нас гнев, ведет нас месть
Вперед через огни...

* * *

Умолкнут залпы батарей,
За днями дни пройдут.
Следы коричневых зверей
Бурьяном зарастут.
И к нам, родимая, тогда
Дни лучшие придут,
И наши села, города,
Как раньше, зацветут.
И песни, радостью звеня,
В сердцах начнут звучать.

И вот тогда-то, мать, меня
Ты выходи встречать.
Ну, а пока в стране родной
Фашист один хоть есть,
Я занят думою другой
И в сердце—только месть.
Передо мной фашист в крови,
В крови земли родной.
Родная мать, благослови
Меня на смертный бой!

ОБРАЩЕНИЕ

туркменского народа к защитникам Сталинграда

Братьям туркменам, бойцам Красной Армии, защищающим Сталинград.

Дорогие товарищи! Вам, доблестным богатырям, защищающим непобедимую волжскую твердыню—город Сталинград, мы, рабочие, колхозники, интеллигенция солнечной Туркмении, шлем свой пламенный братский привет и желаем как можно быстрее добиться полного разгрома немецко-фашистских полчищ.

Наша Родина переживает грозные и суровые дни. Кровавый Гитлер, как обезумевший игрок, возложил все свои последние надежды на предпринятое им наступление на Советском Юге. Фашистское командование пытается ценою каких угодно потерь овладеть Сталинградом, захватить или отрезать нашу грозненскую и бакинскую нефть, важнейшие железнодорожные и водные магистрали Советского Юга. Банда фашистских солдат и офицеров, связанная общностью неслыханных преступлений против Советского народа, все еще мечтает разгромить Красную Армию и наше Советское государство, превратить гордых и счастливых советских людей в бесправных рабов немецких баронов и помещиков. Пытаясь запугать советский народ и сломить нашу волю к борьбе и победе, фашисты заливают потоками крови цветущие станицы Кубани, Дона и аулы Северного Кавказа—пытают, вешают, расстреливают, сжигают и закапывают живыми наших советских людей, в том числе стариков, женщин и детей. Враг беснуется, он бросает в бой последние свои резервы и технику.

Защитники города Сталина!

Доблестные сыны туркменского народа, защищающие Сталинград!

Туркмены кызыл-аскеры!

Мы, отцы и матери, жены и дети, сестры и братья Ваши, наказываем Вам, не щадя своей жизни, непоколебимо стоять за родную нашу землю, за жизнь нашу, судьбу и честь. Покажите же себя в боях за город Сталина достойными потомками наших славных предков Кеймир-Кера и Кер-Оглы. До предела используйте боевую мощь своего оружия. Еще более повышайте воинскую организованность. Еще более укрепляйте стальную воинскую дисциплину. С каждым днем уничтожайте все больше и больше немцев, не отступайте ни на шаг, бейтесь с фашистскими извергами, не щадя своей жизни, так же отважно и умело, как славный сын туркменского народа, Герой Советского Союза Курбан-Дурды. Помните, что в районе Сталинграда и на подступах к нему каждый из Вас сражается за честь советской отчизны, защищает свободу и независимость солнечной Туркмении, жизнь своих матерей, братьев, сестер, жен и детей, свои родные аулы, свои дома, счастливое будущее своих детей.

Кызыл-аскеры, потомки Кеймир-Кера и Кер-Оглы!

У Вас одна задача: разгром врага! У Вас один путь: вперед, к победе! Еще сильнее бейте фашистских захватчиков, не давайте им передышки ни днем, ни ночью, устилайте фашистскими трупами сталинградские степи, изматывайте фашистов, обескровливайте их, срывайте все замыслы врага и тем самым приближайте светлый час полного разгрома немецких армий и освобождение от них священной советской земли. Пусть Сталинград и подступы к нему станут могилами для фашистских разбойников. Пусть ни один насильник и убийца не уйдет живым с нашей священной советской земли.

Мы, рабочие, колхозники и интеллигенция Туркмении, в эти дни вместе с Вами боремся за выполнение лозунга товарища Сталина „Все для фронта, все для победы", упорным трудом помогаем Вам уничтожать немцев. На фабриках и заводах мы успешно выполняем специальные заказы фронта, повышаем добычу нефти, увеличиваем выпуск текстиля и шелка, расширяем выпуск продукции местной промышленности. В 1942 году мы собрали высокий урожай пшеницы и других зерновых культур, добились больших успехов в развитии животноводства, вырастили обильный урожай хлопка. Мы изо дня в день укрепляем могучий всенародный фронт обороны Родины, в который уже поступило 27 миллионов рублей облигациями и 7185 килограммов серебра. Мы активно изготовляем для Вас теплые вещи, окружаем теплой заботой Ваши семьи. В дни предоктябрьского социалистического соревнования мы обязуемся удвоить, утроить, удесятерить свою помощь

героической Красной Армии, работать в тылу с такой же самоотверженностью, с какой Вы сражаетесь с фашистами в районе Сталинграда. Тысячи наших стахановцев в эти дни показывают образцы патриотического труда. Токарь депо Чарджоу тов. Вейкин, получив срочное задание, работал 30 часов подряд и выполнил его в срок. В вагонном депо Уфра промывальщики цистерн Обрывкин и Бондарь выполняют ежедневно по 10 норм. Многие колхозницы-стахановки обязались собрать за сезон по 10—12 тысяч килограммов хлопка. Товарищи Джума Астан, Сорегуль Керан и Анна Дурдыджумав, колхоз имени Жданова, Чарджоуского района собирают ежедневно по 150—170 килограммов хлопка. Стахановки Огульджан Эсенова и Дразгуль Аннаева в колхозе имени Тельмана, Ленинского района, выполняющие ежедневно по 3—4 нормы, уже собрали в этом сезоне по 4000 килограммов хлопка. Каждый из нас дает Вам слово работать сейчас за двоих, за троих так, как работают эти патриоты и патриотки. Сейчас, к 25-й годовщине Великого Октября, во всех городах и аулах мы собираем для Вас праздничные подарки. Колхозники сельхозартели „Захмет", Ашхабадского района, например, выделили для подарков 20 баранов, 2 коровы, 2 лошади и 4 тонны овощей, а колхозники Геоктепинского района—85 баранов, 450 литров вина и много продуктов.

Доблестные защитники Сталинграда, славные кызыл-аскеры! Вся наша Родина поддерживает Вас в жестокой борьбе с немецкими захватчиками. Крепче же удары по немецко-фашистским бандам! Отстоим город Сталина! Разгромим фашистов под Сталинградом! Совместными усилиями фронта и тыла разгромим немецко фашистские орды. С честью выполним приказ товарища Сталина о полном и окончательном разгроме немецко-фашистских захватчиков!

Да здравствует наша родная и любимая Красная Армия!

Да здравствует могучий и непобедимый советский народ!

Да здравствует Великий Сталин, ведущий нас к победе!

Обращение подписали от имени трудящихся Туркменистана 205696 человек.

ОБРАЩЕНИЕ

казахского народа к защитникам Сталинграда

Дорогие воины, сыны казахского народа, доблестные защитники Сталинграда! Вы, вместе с другими воинами Красной Армии, грудью своей защищаете родной советский город Сталинград. К вам прикованы мысли и чувства советского народа, к вам обращены взоры всего свободолюбивого человечества, к вам обращаются трудящиеся Казахстана в грозные дни, когда озверелые орды немецко-фашистских разбойников, не считаясь ни с какими потерями, хотят отрезать город нашей страны от центра и севера, отрезать страну от главных источников нефти, захватить экономически и стратегически важные районы советского государства. Через горы трупов своих солдат и офицеров враги рвутся в Сталинград. Они угрожают перерезать волжский путь, выйти к Каспийскому морю. Враг хочет схватить за горло нашу страну, сделать из нее колонию, поработить советский народ, уничтожить его свободу и культуру.

Не бывать этому!

Немцы не в первый раз хотят покорить Волгу. 25 лет тому назад в этих же донских степях под самым Сталинградом-Царицыным разыгралась одна из самых крупных и решающих битв между молодой советской республикой и контрреволюционными армиями Краснова. За спиной Краснова стояли немцы, захватившие Украину и Донбасс. Три раза—в июне, августе и сентябре армии Краснова, сильно вооруженные немцами, подступали к Царицыну, и три раза белые армии разбились на подступах к Царицыну о грудь защитников героического города.

В те грозные дни, когда решалась судьба молодой советской Республики, партия направила для обороны Царицына товарища Сталина. Руководя обороной Царицына, блестяще маневрируя войсками, как на всем огромном царицынском фронте, так и на поле боя, товарищ Сталин твердо, неуклонно вел бойцов к поставленной цели—истреблению живой силы и техники противника.

Такую же задачу поставил великий полководец перед защитниками Сталинграда и теперь: измотать врага вконец, перемолоть и уничтожить его полки и дивизии, удержать Сталинград.

Бойцы и командиры Сталинградского фронта, сыны казахского народа, вы не только повторяете историю героической защиты Царицына, вы приумножаете ее. Пусть память о героях старого Царицына, оросивших своей кровью волжские берега, пусть имена героев, павших теперь при защите Сталинграда, вдохновляют вас и зовут

к непоколебимой стойкости, дисциплине и самоотверженности. Вы выполняете боевые задачи защиты советского государства под непосредственным руководством великого Сталина. Будьте же достойными воинами, свято выполняйте приказ любимого вождя и полководца, задержите, остановите и отбросьте озверевших фашистских бандитов. Бейтесь до последнего, но удержите Сталинград. Сталинград—это ключ к Востоку. Воин-казах под Сталинградом,—равно как воины—русский, узбек, таджик, туркмен, азербайджанец, грузин,—обороняет свой очаг, свою семью, свою родную советскую землю. Он не допустит, чтобы его мать, его отец, его жена, его дети стали рабами немецких баронов. Плох тот казах, кто всей силой души и крови не любит родины своей. Плох тот казах, кто пятится перед фашистскими танками, рвущимися к Сталинграду. Плох тот казах, кто не жаждет пролить немецко-фашистскую кровь под Сталинградом. Плох тот казах, кто думает, что Сталинград—лишь один из русских городов на берегу Волги. Нет, Сталинград—это сжатый стальной кулак—рука советского народа, который бьет и перемалывает в кровавое месиво фашистские дивизии.

Казах-воин! Знай, что отступать дальше некуда, что непосредственно за линией фронта лежат районы, потеря которых поставит в особенно тяжелое положение советское государство. Горе тем, кто в этот исторический час не находит в себе мужества смело смотреть в глаза опасности, кто в подлом страхе за свою шкуру готов предать товарища и опозорить честь воинского знамени. Трусы и паникеры не могут рассчитывать на милосердие, им не должно быть и не будет пощады. Всякий предатель и трус найдет скорый суд и верную смерть. Трудящиеся Казахстана верят в то, что среди вас, казахов, защищающих Сталинград, не окажется ни одного, кто проявил бы трусость, малодушие, предал бы Родину, а если такой окажется, то поступите с ним так, как поступили с предателем ваши земляки—28 героев-панфиловцев.

Дорогие друзья!

Трудящиеся Казахстана, вдохновленные вашей героической борьбой, включившись во всесоюзное социалистическое соревнование, успешно завершили уборку обильного урожая. Все наши заводы выполнили производственные задания по изготовлению боеприпасов и вооружений для Красной Армии. Новыми трудовыми победами мы встретим XXV годовщину Великой Октябрьской социалистической революции, дадим для фронта, для вас, защитников Сталинграда новые тысячи тонн металла, снарядов, боевого оружия, новые тысячи тонн необходимых продуктов.

К 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции трудящиеся Казахстана посылают вам десятки вагонов богатых праздничных подарков. Примите эти подарки, как знак нашей любви и заботы о вас, славные защитники Сталинграда,—братья, товарищи, сыны казахского народа.

Защищайте в рядах Красной Армии героический Сталинград, сокрушайте фашистскую нечисть, истребляйте фашистские орды, не пропускайте врага вперед, отбросьте его от Сталинграда, как в дни напряженных боев за Москву в ноябре—декабре 1941 года это сделали славные защитники красной столицы. Деритесь так, как дрались под Москвой ваши земляки—бойцы 8 Гвардейской дивизии, деритесь так, как дрались 28 героев-панфиловцев.

Пройдут века, но слава о вас, героях, защищающих Сталинград, никогда не померкнет в благодарной памяти народов.

Надо отстоять Сталинград. Ни шагу назад! Смелее контратаки, смелее удары по врагу! Под великим знаменем Ленина—Сталина—вперед, за нашу родину, за нашу победу!

Президиум Верховного Совета Казахской ССР,
Совет Народных Комиссаров Казахской ССР,
Центральный Комитет Коммунистической партии большевиков Казахстана.

СИЛА, КОТОРУЮ НЕ СОКРУШИТЬ НИ ОГНЕМ, НИ ЖЕЛЕЗОМ

Юбилейная сессия Академии наук СССР—защитникам Сталинграда

Доблестные сыны нашей великой отчизны! Ученые советской страны горячо приветствуют вас, героев сталинградской обороны!

Вашей легендарной отвагой, вашим воинским умением, вашей пламенной любовью к матери-родине восхищен весь мир.

Своим великолепным отпором вы не только остановили врага, спасли от позора и смерти многие тысячи советских людей. Доблестной защитой Сталинграда вы сорвали злодейские планы Гитлера окружить и захватить Москву, вы отвели преступную руку, которая намеревалась ударить в самое сердце страны.

Вот уже три месяца наглый и злобный враг, захлебываясь в собственной крови, рвется к Волге. Сталинград опален порохом и дымом. Его дома искалечены бомбами

и снарядами. Но он попрежнему несокрушим—город Сталина, символ гордой и несгибаемой воли советских людей.

Вы показали, дорогие товарищи, что есть сила, которую не сокрушить ни огнем, ни железом. Это—сила духа, сила патриотизма советского воина. Вы показали, что и развалины домов и тихие улицы заводских поселков могут быть превращены волей советских богатырей в грозные неприступные крепости. В ваших подвигах с новой силой возродилась геройская слава защитников Царицына, которых вел к победе великий Сталин.

Мы уверены в нашей победе. Будет и на нашей улице праздник! В этих словах вождя звучит ясная и спокойная уверенность в грядущем торжестве нашего правого дела.

Но для того, чтобы победить, нужна стойкость, стойкость и еще раз стойкость. Защищайте до последней капли крови священную советскую землю! Помните, что за вами Волга—великая русская река, воспетая народом. Помните, что от вашей борьбы зависит судьба нашей родины. Как и в дни царицынской обороны, вас ведет в бой великий Сталин. Победа будет за нами!

Пройдут года. Кости фашистских разбойников истлеют в сталинградских степях. На берегах Волги вырастет еще более прекрасный, еще более солнечный и богатый город Сталина. Но никогда народ не забудет тех, кто кровью своей отстоял наше будущее.

Честь и слава вам, дорогие братья!

Принято на заседании юбилейной сессии Академии наук СССР

ГОРОД ЛЕНИНА — ГОРОДУ СТАЛИНА

Дорогие товарищи, боевые друзья сталинградцы!

С чувством глубокого волнения мы получили и прочли Ваше боевое обращение. Оно, как боевое знамя, овеянное мужеством и славой, облетело все блиндажи и окопы, и каждое слово глубоко запало в сердца воинов Ленинградского фронта.

В суровые дни, когда в предгорьях Кавказа, у ворот и на улицах Сталинграда идет великая битва за жизнь, честь и независимость советского народа, все наши мысли и чувства с Вами, дорогие товарищи. В эти дни нет в нашей стране имени славнее и почетнее, чем герои Сталинграда.

Наши славные города — Сталинград и Ленинград, как два родных брата, в труде и огне жестокой битвы с вра-

гом всегда были, есть и будут достойны своих великих имен. Мы гордимся Вашим мужеством, героизмом и отвагой. Вот уже более двух месяцев Сталинград стоит, как гранитный утес на берегах Волги, о который разбиваются мутные волны вражеских полков и дивизий. Сталинград превратился в могучие советские жернова, перемалывающие многочисленную технику и живую силу врага.

Бейте еще крепче дикого зверя, дорогие сталинградцы, наносите ему разящие удары, вспомните, как 24 года назад на боевых рубежах Царицына под руководством товарища Сталина были на-голову разгромлены многочисленные полчища белогвардейцев. Пусть боевая слава 1918 года вдохновляет Вас на новые бессмертные подвиги.

Товарищи, на Вашей героической борьбе учится вся Красная Армия, и мы, защитники города Ленина. Ваша стойкость дает нам новые силы для борьбы. Мы знаем, что Вам нелегко, что Ваша борьба проходит в тяжелых условиях. Нелегкий путь прошли и ленинградцы. Четырнадцать месяцев осады, голодная и суровая зима 1941—1942 г.г., непрерывные артиллерийские обстрелы, бомбежки не сломили воли защитников города Ленина. Мы еще больше полюбили наш родной город, крепче закалились в борьбе. Над нашим городом висит еще грозная опасность, но ленинградцы готовы к новым жестоким битвам за окончательный разгром ненавистного врага. Каждый из нас хорошо усвоил, что — „чем крепче стоит Ленинград на Неве, тем тверже защита Сталинграда на Волге".

Дорогие товарищи, помните, с вами вся наша страна, она шлет вам с Урала и Кузбасса эшелоны танков, орудий и самолетов; она шлет вам с колхозных полей Казахстана и Узбекистана продовольствие, со всех концов родной советской земли идут вам на помощь ее сыновья, вы не одиноки.

Так пусть же голос нашей переклички прозвучит боевой священной клятвой, перед всем советским народом мы, ленинградцы, клянемся, не жалея сил и самой жизни еще крепче бить и уничтожать звериную свору гитлеровских бандитов и убийц.

Дорогие товарищи, на Вашу долю выпала великая честь перед Родиной, в эти грозные и суровые дни ожесточенных боев отстоять волжскую твердыню. С железным упорством и большевистской настойчивостью бейте врага беспощадно, до полного уничтожения. Остановить врага сейчас—это значит вскоре дать возможность всей Красной Армии, при поддержке всего советского народа, нанести контрудар, обрушить свой грозный меч на головы заклятых врагов всего прогрессивного человечества. Это будет

смертельный удар по врагу, победа будет за нами, и тогда над всей советской землей еще ярче будет реять победное знамя нашей свободной и независимой социалистической Родины. И под этим священным знаменем вечной славой в веках будут сиять Ваши доблестные имена, родные защитники Сталинграда.

Слава защитникам города Сталина!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует 25-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!

Да здравствует наш полководец, родной и великий Сталин!

От имени бойцов и командиров Ленинградского фронта письмо подписали:

Герой Советского Союза Гвардии полковник КРАСНОВ А., бригадный комиссар ФОМИЧЕНКО И., полковой комиссар МИРОШНИЧЕНКО Г., Герой Советского Союза полковник ЕРЛЫКИН Е., Герой Советского Союза капитан КОЗЛОВ Н. А., Гвардии капитан ЧИСТЯКОВ, Гвардии младший лейтенант НАУМОВА Е. А., Гвардии политрук ИОФФЕ А., младший лейтенант ДРЕЛ П. Е., майор ЗИНИН В., Гвардии старший сержант АСАТИАНИ Ш. В., Гвардии старший сержант ТИМОХИН С. С., младший лейтенант ГРИГОРЬЕВ Г., лауреат сталинской премии писатель ТИХОНОВ Н. С., лейтенант ЛЕБЕДЕВ А., красноармеец ЩЕРБАКОВ В. В., красноармеец КОМЛИН В. Г., депутат Верховного Совета СССР ст. политрук МУССИНСКИЙ В. С., старший политрук СЕМЕНОВ.

Майор В. КОРОТЕЕВ, ст. лейтенант В. КУДРЯВЦЕВ

★

СТАЛИНГРАД ПРАЗДНУЕТ ПОБЕДУ

Митинг защитников и жителей города

Заснеженная, изрытая бомбами и снарядами площадь Павших Борцов. В центре ее лежит разбитый немецкий бомбардировщик. Мертвые вагоны стоят на трамвайных линиях, изрешеченные пулями и осколками снарядов. Вокруг площади—руины многоэтажных домов. Обгоревшее здание Центрального универмага, разрушенное здание почтамта, Дом Книги, Дом Коммуны, в котором товарищ Сталин в 1918 году проводил совещание по вопросу продовольствия на юге России. Разбитое здание городского театра, где у подъезда на ступеньках уцелел лев с головой, пробитой осколками бомб.

Сурово и строго выглядит сегодня площадь Павших Борцов. Чудом уцелел в центре ее памятник 54 красно-

армейцам, погибшим при обороне Царицына. Всего три дня назад здесь был бой с остатками немецкой группировки. Сегодня на этой площади героического Сталинграда, очищенной от фашистской своры, собрались защитники города и жители его, чтобы отпраздновать славную победу над заклятым врагом. Площадь украшена красными знаменами победы.

На трибуне митинга—Н. С. Хрущев, Чуянов, генералы Чуйков, Шумилов, Родимцев, председатель городского совета Пигалев, секретарь городского комитета партии Пиксин, многие другие командиры сталинградской армии и руководители городских организаций. В 12 часов дня тов. Пигалев открывает митинг. От имени трудящихся города он горячо благодарит победителей сталинградской битвы—бойцов и командиров Донского фронта:

— Дни самых тяжелых испытаний остались позади. Вовеки слава героям Сталинграда, чьей кровью завоевана победа! Слава нашим храбрым бойцам и командирам, слава товарищу Сталину!

Тов. Пигалев предоставляет слово командующему 62-й армией генерал-лейтенанту Чуйкову. Имя это хорошо известно всей Красной Армии, всему советскому народу. Талантливый военачальник, кавалер ордена Суворова 1-й степени, выступает в городе, который отстояли его войска в самые трудные дни осады.

— Товарищи,—говорит генерал Чуйков,—сегодня, в эти минуты мы вспоминаем все дни героической обороны города. Мы не сдали врагу волжской твердыни, мы не сдали врагу города, носящего имя великого Сталина. Наши бойцы знали, что в их руках судьба родины, что родина помнит о своей армии и согревает ее материнской заботой...

Бойцы 62-й армии слушают речь своего командующего и вспоминают, каких усилий стоила эта историческая победа. Их думы уносятся к горячим боевым дням. Они видят своего генерала, появлявшегося на самых ответственных боевых участках. Генерал всегда был с войсками, переживая с ними и горечь неудачи, и радость победы.

Тов. Чуйков говорит о славных защитниках Сталинграда, о талантливых командирах и мужественных бойцах, о том, что горячая вера в торжество нашего дела принесла успех.

— То, что получили немцы под Сталинградом,—это цветочки,—заканчивает свою речь генерал.—Окончательная расплата с гитлеровской армией еще впереди. За разрушенный Сталинград, за наших павших товарищей мы отплатим врагу сполна. Мы знаем, что историческая победа у Сталинграда скажется на всем ходе войны. Будем громить и уничтожать врага, изгоняя его из пределов нашей отчизны.

Тов. Чуйков провозглашает здравицу в честь Верховного Главнокомандующего товарища Сталина. На площади гремит многоголосое „ура".

Выступает командир 13-й ордена Ленина Гвардейской дивизии Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Родимцев:

— Гвардейцы выстояли перед натиском численно превосходящего врага. Их упорство и стойкость не были сломлены ни бомбами, ни снарядами, ни яростными фашистскими атаками. В летопись великой сталинградской битвы будут навечно записаны имена бойцов-гвардейцев—стойких защитников волжской твердыни. Сегодня наша дивизия отмечает 140 дней своего пребывания в Сталинграде. В первый же день мы отбросили врага, не дали ему распространяться в городе. Тогда же я заявил командующему: гвардейцы пришли в Сталинград, и они скорее умрут, нежели оставят его. Гвардейцы стояли насмерть, и, выстояв, они победили. Нам тяжело смотреть на этот истерзанный город, в котором нет ни одного вершка земли, где бы не было жестоких следов войны. И каждый из нас страстно желает мести. Враг заплатил нам за это сотнями тысяч своих солдат и офицеров. Здесь, среди развалин города, мы клянемся родине и Верховному Главнокомандующему великому Сталину—бить врага и впредь по-гвардейски, по-сталинградски.

На трибуне генерал-лейтенант Шумилов. Его войска дрались с немцами на дальних подступах к Сталинграду и не пустили врага к Волге на юг от города.

— 2 февраля 1943 года,—говорит генерал,—мы услышали последний выстрел в Сталинграде. С капитуляцией северной группы немцев завершилась невиданная в истории операция, осуществленная по гениальному стратегическому плану товарища Сталина. Наши бойцы остановили немцев, не пустили их к Волге, и Сталинград стал могилой для фашистских захватчиков.

Выступает секретарь Сталинградского областного комитета ВКП(б) и член Военного Совета фронта тов. Чуянов. Он говорит о том, как вся страна помогала мужественным защитникам Сталинграда.

— За обороной города лично следил товарищ Сталин. Сюда в трудные дни в горящий город приезжал секретарь ЦК ВКП(б) товарищ Маленков. Сюда были посланы талантливый генерал Еременко и стойкий большевик, верный ученик товарища Сталина—Н. С. Хрущев.

— Наш город сожжен, истерзан, изранен,—говорит тов. Чуянов,—вы видите руины Сталинграда. Мы клянемся нашей партии и родине, что восстановим Сталинград, и его

мощная индустрия вновь будет ковать победу над гитлеровской армией.

Бурной овацией встречают войска и трудящиеся Сталинграда появление на трибуне члена Военного Совета фронта товарища Н. С. Хрущева. Его яркая речь, посвященная защитникам Сталинграда, выслушивается с напряженным вниманием.

— Товарищи,—говорит Н. С. Хрущев,—мы сегодня собрались здесь в исторический день, когда наши бойцы, закончив разгром немцев в районе Сталинграда, празднуют свою славную победу над заклятым врагом. От Волги немцам уйти не удалось. Сегодня мы, словно старые друзья, собравшись вместе после долгой разлуки, смотрим друг на друга. Каждый из нас может многое рассказать.

Тов. Хрущев говорит об огромной роли 62-й армии, об ее командующем тов. Чуйкове, члене Военного Совета генерал-лейтенанте Гурове.

— Кто был здесь, тот знает, как трудно было 62-й на берегу Волги под огнем противника. Большую роль сыграла и армия под командованием генерала Шумилова. Этой армии тоже пришлось выдержать тяжелые бои с противником...

— Все наши усилия,—говорит в заключение тов. Хрущев,—должны быть направлены на совершенствование военного мастерства. Недалек тот день, когда победное знамя Ленина—Сталина снова будет развеваться над всеми городами нашей родины. Наше дело правое, верное, мы разобьем врага! Да здравствует славная Красная Армия! Да здравствуют наши славные бойцы и командиры — защитники Сталинграда! Ура нашему Сталину!

На площади гремит „ура“ в честь великого полководца Верховного Главнокомандующего товарища Сталина, в честь ведомой им Красной Армии, в честь мужественных защитников Сталинграда.

Выступает стахановец N завода тов. Сиднев. Он горячо благодарит войска от имени трудящихся Сталинграда и заявляет о готовности рабочих неустанно ковать мощное оружие для окончательной победы Красной Армии.

Секретарь городского комитета ВКП(б) тов. Пиксин оглашает приветствие Народному Комиссару Обороны товарищу Сталину. Вновь на площади раздается „ура“. Войска и трудящиеся вновь приветствуют своего вождя, чье имя носит город-победитель.

(Газета „Красная звезда“ от 5 февраля 1943 г.)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ое донесение № 0079/ОП	2
каз Верховного Главнокомандующего по войскам Донского фронта	3
ши войска полностью закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда	4
линградская эпопея	6

I. СТАЛИНГРАДЦЫ НЕ ОТСТУПАЮТ

. Гроссман—Направление главного удара	10
Величко—Сын отечества	19
Полевой—Дом 21/А	24
Козякин, З. Кац, М. Талалаевский—Сыны легендарного Щорса—герои Сталинградской битвы	28
ан Цюпа — Петро Ярош	32
ександр Гуторович—Мужество	36
. Гроссман—Снайпер Чехов	39
Кац, М. Талалаевский—Душа развалин	46
Коротеев—Волгарь	51
Кац, М. Талалаевский—Золотая нашивка	56
Мейерович—Сто дней	59
Сурков—Защитник Сталинграда (стихи)	64

II. ВПЕРЕД, В НАСТУПЛЕНИЕ!

И. Калинин—Богатырям Сталинграда	66
. Гончаренко—Вперед, товарищи, вперед! (стихи)	67
Норов—Думы воина	68
с. Гроссман — Сталинградская армия	69
митрий Шолохов—В танковой засаде	75
Сердюков — Немецкая броня горит	78
ослание (Обервралю доктору Геббельсу)	79
Фоломеев—Казаки (стихи)	81
Тумаркин—Я из шестьдесят второй	—
г. Долматовский—Кольцо сжалось	83
Оленден и Л. Высокоостровский—Встреча в Латошанке	88
Шмигельский—Расплата (стихи)	92
Акульшин, В. Куприн—Встреча гвардейских частей	93
Тихонов—Классический случай	94
Заславский—Сорванная постановка	97
Эренбург—Эпилог	98
. Сурков—В добрый час! (стихи)	100

III. С НАМИ — ВСЯ СТРАНА

жамбул—Несокрушимая крепость (стихи)	102
рк. Первенцев—Город на Каме	103
лександр Матвеенко—Ферапонт Головатый	110
аля Баранник—Моим братьям-воинам	113
Карвовский—Матери	115
бращение туркменского народа к защитникам Сталинграда	117
бращение казахского народа к защитникам Сталинграда	120
ила, которую не сокрушить ни огнем, ни железом (юбилейная сессия Академии наук СССР—защитникам Сталинграда)	122
ород Ленина—городу Сталина	123
. Коротеев, В. Кудрявцев—Сталинград празднует победу	125

10304

КОЛЛЕКЦИЯ

25.04.02.